

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Т Р У Д Ы
КОМИССИИ ПО ДРЕВНЕ-РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД
1932

99 $\frac{21}{323}$

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Т Р У Д Ы
КОМИССИИ ПО ДРЕВНЕ-РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР . ЛЕНИНГРАД
1932

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
21 января 1932 г.

Непременный секретарь академик *В. Волгин*

247933

Редактор издания академик *Н. К. Никольский*

Технический редактор *Л. С. Ляцунова*. — Ученый корректор *Н. В. Микешина*

Сдано в набор 3 сентября 1931 г. — Подписано к печати 21 января 1932 г.

Тит. л. + 2 нен. + 246 стр. — Б₅ — 157/8 и. л. — 38000 тип. зн. — Тираж 1500
Ленгорлит № 28427. — АНИ № 30 — Заказ № 1315
Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

А. С. ОРЛОВ

Книга — орудие социальной борьбы

По материалу русского средневековья

В Московско-Нарвском доме культуры в мае месяце 1931 года, под руководством Музея книги, документа, письма АН была развернута выставка на тему «Преследование книги, как метод классовой борьбы». Хотя в экспозицию вошел материал начиная с европейского феодализма, большинство экспонатов иллюстрировало эпоху буржуазного расцвета, с несомненным нарастанием их в направлении к современности. Таким образом, выставка оказалась посвященной собственно явлениям периодов промышленного и финансового капитализма и заканчивалась иллюстрацией отношения капиталистического Запада к революционной прессе последнего десятилетия.

Внимание организаторов выставки было сосредоточено главным образом на преследовании прогрессивной, социалистической преимущественно, литературы со стороны консервативной правительственной власти путем правительственных, официальных воздействий, при помощи специально организованного института — цензуры. Это с одной стороны. С другой, были экспозиционно выявлены моменты продвижения революционной идеологии, начиная с Французской энциклопедии просвещения, и некоторые способы обороны революционной книги от нападений правительственных цензурных органов. Другими словами, цензура была понята весьма ограниченно и односторонне, а преследование книги эксплуататоров, преследование книги правительственной, как момент, так сказать, обратного вооруженного воздействия на вооруженное же нападение, момент нападения на нападение, не было достаточно выявлено.

Одностороннее понимание «цензуры» прошлого сказалось и в печати. В 1916 г. вышла брошюра С. В. Безсонова под заглавием: «Надзор за

книгой. Опыт систематизации материалов о цензуре в допетровскую эпоху. Очерк по истории русского права» (Москва, изд. И. К. Голубева). В этой дилетантской брошюре нет ни «правовых», ни иных методологических предпосылок, нет и научнообразной систематизации материалов, которые даны здесь лишь в механической связи малосодержательными рассуждениями. Автор как бы стоит за непреложность каждого из цензурных действий средневекового правительства, т. е. собственно церковной власти и ее агентов: преследователь прав, преследовавшееся вредно. Итак, брошюра эта была бы пригодна, лишь как хронологический перечень фактов, в которых выразились официальные меры предупреждения, пресечения и кары в отношении книг, считавшихся вредными, порочными или испорченными, от начала письменности, от аморфного состояния надзора за книжностью до создания цензурной организации в типографском деле. Но и в качестве библиографического перечня брошюра требует пересмотра уже цитированного в ней и дополнения.¹ Главный же ее недостаток кроется в самой теме, которая обуславливает преувеличенность значения полицейской цензуры и создает одностороннее представление о воздействии на книгу.

Поскольку книга является выражением классовой идеологии, одной из форм классовой идеологии, она есть и орудие классовой борьбы во всех фазах этой борьбы. И если не ограничивать темы односторонним «преследованием» или «надзором», а развернуть ее, то она примет следующий вид: «книга — орудие социальной борьбы». При такой формулировке получится возможность показать все фазы и методы этой борьбы на всем пути исторического развития книги, без одностороннего акцентирования одного полицейского воздействия и без хронологического ограничения. Книга всегда была орудием взаимной борьбы — между- и внутри-классовой, и настоящая статья имеет целью иллюстрировать это материалом из начальных эпох исторической жизни России, не претендуя однако на показание всех категорий заключающихся в нем явлений.

Прежде, чем приступить к иллюстрации фактами, считаем необходимым уточнить свое употребление некоторых терминов, выяснить свою меру ограничения их содержания применительно к задачам статьи.

¹ Так, например, в брошюре Безсонова совершенно опущено преследование в XVII в. заговоров, в том числе и записанных в книжку. См. статью Елены Николаевны Елеонской «К изучению заговора и колдовства в России, в. I. 1917 г.» (Изд. Комиссии по народной словесности при Этнографическом отделе ОЛЕАЭ).

Термин «книга» имеет много значений. Если обратиться к русскому средневековью, то термин этот значил: вообще изображенное графически (книга — в обычном понимании; книги = письмо, частное, напр. Верхуславы к Симону, дипломатическое, напр. Мамая к Димитрию Донскому; книга = буква, примеры из переводных главным образом памятников, см. Материалы для словаря др.-русского языка И. И. Срезневского¹), литературное произведение, писанное или печатное («книга, глаголемая» и т. д., «Книга Александр», т. е. повесть об Александре Македонском), грамотность, образованность («муж благ, книжен и постник», «учен» или «неучен» «книгам») и виды внешнего оформления (свиток, столбец — и кодекс = книга).

В дальнейшем и мы употребим этот термин в разных значениях, но главным образом — в значении литературно оформленных произведений, изображенных греко-славянской графикой (внешняя форма безразлична, но преимущественно — кодекс), и лишь в точно определенных случаях будем разумеать и литературу, неформленную графически. Мы не преследуем особо четкой раздельности значений термина, ввиду того, что они часто перекрещиваются и сливаются, не вызывая необходимости теоретических разграничений для цели настоящей статьи. Так, например, чтобы показать в области книги социальную борьбу, считаем полезным затронуть и борьбу литературных жанров, стараясь, впрочем, не уклоняться от истории книги в специальные вопросы литературоведения.

Общезвестно, что книга в том организованном виде, какой существует в Европе до сих пор, получена была в России из-за границы. Эта книга была введена путем правительственного соглашения между средиземноморской метрополией и ее колониями на русской территории, в качестве орудия подчинения этих колоний центру, сумевшему стать в положение метрополиси, и в качестве усовершенствованного способа подчинения массы населения русских областей их непосредственным правительствам.

Вводимая для таких целей книга содержала последнее достижение государственной религии рабовладельческого общества; она была книгой усовершенствованной магии, определяющей необходимость рабского смирения и терпеливой невзыскательности, непреложность властительства и

¹ Вопрос о соотношении терминов «буква» и «книги» в юго- и западно-славянской письменности древнего периода до сих пор еще окончательно не выяснен. например, употребление этих терминов в памятниках, посвященных изобретению славянских письмен (Паннонская легенда о Кирилле философе, Проглас Константина Болгарского и др.).

повиновения ему, как мировой закон сверхземного авторитета, мирового владыки и творца. Этой тенденцией были пронизаны все элементы книжной композиции, не исключая и книжного языка, чужого и малопонятного, специально созданного для иноплеменных славян путем переложения греческой или латинской речи религиозных книг тех средиземноморских очагов, которые уже не могли существовать без эксплуатации варваров через их обращение в своих колонистов. Наиболее действенная, загадочная сторона книжной магии от малопонятности и невразумительности речи только выигрывала.

Представим себе некоторые результаты огречивания книжной грамотой русского населения X—XI в. Старых богов привязали к лошадиному хвосту и стащили в реку. У одних это вызвало сожаление, у других, натерпевшихся от прежней жреческой касты, вызвало насмешки, не без опасения мести со стороны сверженных идолов. Но чужая новая магия большинство, вероятно, не радовала, тем более, что на усвоение ее хитрой грамоты требовалось потратить много сил. «Крещение» происходило насильственно, и насильственное же обучение грамоте по незнакомым религиозным книгам вызывало печаль даже у знати, несмотря на то, что магическая грамота предвзначалась укрепить ее привилегии.

Естественно предположить, что в рассматриваемое время со стороны большинства населения был протест против грамоты, против книги. Протест, выражавшийся и в прямом нападении. Фактов такого нападения до нас, кажется, не дошло, но ведь нельзя их отрицать только потому, что они не попали в запись, или запись их не сохранилась. Они необходимо были, так как известно напряжение, с каким продвигалась книга нового, более стесняющего уклада в общество старого уклада, так как известна сила книжной вражды с жизненными явлениями нереформированного быта. Жрецы нового культа всячески продвигали книгу в массы, перед церковной аудиторией ее читали нараспев, ее пели, по ее специальному, культовому тексту обучали грамоте и т. д. Книгу хвалили в проповедях, — конечно, только «святую» книгу, — объясняли, как ее нужно читать, медленно штурдовать и бережно с ней обращаться. Эти проповеди о глубине познания, святости, спасения через писанную книгу нападали на неписанную книгу, на устную литературу, на песни, сказки, басни и кошуны, на привычные поверья старой магии родового общества, на персонажей прежнего Олимпа, на действия его культа. Оглашаемые книгой требования новой культовой

системы обесцвечивали реальную жизнь, подчиняли ее неисходной службе чужим интересам во имя безжизненной, надуманной стихии. И, конечно, книга вызывала протест.

Протест против «святой» книги был не только со стороны масс эксплуатируемых трудников, производителей, но и со стороны господ, приступивших к феодализации родовых обществ. Представители этого класса хищных потребителей сами еще не оторвались от родового быта и его культуры. В большинстве они сами еще не вполне освоились и были внутренне несогласны с новинками заграничной магии, хотя и верили в ее могущество. Вслед за Н. К. Никольским, еще раз стоит вспомнить, как Владимир Святославич упирался против соблазнительной казуистики греческого миссионера, недоуменно спрашивая его, как это «спасение» может прийти через воду (крещение), дерево (крест) и женщину (богородицу). Очевидно, летописец XI—XII в. сам еще не преодолел это недоумение. Известно, как игумен Феодосий, святой из святых, придя незванным гостем к Святославу, князю из князей, с сокрушением увидел его пировавшим среди скоморохов, поющих веселые песни и пляшущих, несмотря на все запреты святых писаний. Наиболее послушный ученик новой веры, подражатель ее книгам, Владимир Мономах сожалел о том, что, не попав на свадьбу своего сына, не слышал свадебных песен. Судя хотя бы по свадебным обрядам «безбожность» феодальной знати доходит до позднего времени, как о том свидетельствуют записи XVI—XVII в.

Воинствующие феодалы первых времен плохо осваивали «святую» книгу, редко употребляли ее своеручно, как орудие воздействия. Такие писатели, как Мономах, грецизированный новой жреческой кастой, были редким явлением. Хотя вторая часть его «поучения», практическая, и опровергает первую, написанную в стиле сентиментального христианства, все же этот бродячий вояка пытался воздействовать книгой. Большинство же представителей военного слоя феодалов предпочитали действовать прямо оружием. Вспомним, например, летописный анекдот о религиозном прении князя Глеба с финским волхвом, словесную проповедь которого князь прекратил топором, заранее спрятым в плаще. Военный феодал уничтожил финскую магию не книгой-магией, а ударом.

Если военный феодал и усваивал книгу, то все же чуждался ее «святого» жанра. Он или усваивал заграничный жанр несвятой книги или создавал его сам, в лучшем случае лишь метафорически играя образами

и старой и новой магии. Хорошим тому примером может служить «Слово о полку Игореве», где старые божества помянуты лишь как стильная прикраса, а новое — как топографическое указание. О христианстве в этом памятнике кон. XII в. нет и помину, наоборот, — он весь состоит из недозволенных элементов, звуча военной песней, полный отрицаемым реализмом, что позволяет видеть в нем выступление против книжной магии последнего образца.

Если не предаваться манере расслабленных эстетических «этюдов», в которых до последнего времени «Слово о полку» как бы перебирается руками читательниц Лермонтовской «Сказки для детей», а взглядеться в него поглубже, то протест против новой идеологии и ее форм со стороны среды, создавшей этот памятник, объявится во всех его сторонах. «Слово о полку» — архаично, стиль его от родового строя, от уклада военных бродяг, еще не вполне осевших на местах новой территории. «Слово» все еще вспоминает золотое время Мономаха и жалеет, что нельзя навек остановить это время. Оно плачет даже над неудачниками той поры, вроде Ростислава. Сравнение «Слова» с другими военными повестями показывает, насколько оно одиноко в стиле. Эти другие повести писаны не «песнотворцами» бродячих родовых отрядов, а грамотеями канцелярий, вполне феодализованными выучениками новой клерикальной школы. Борьба повествовательных стилей, обнаруживаемая данным сопоставлением, показывает социальную борьбу отдельных групп внутри господствующего слоя, выраженную в книге.

Нам не раз приходилось обращать внимание аудитории на разницу подхода разных общественных групп к одному и тому же факту, попадающему в книгу. В походе против половцев случайно утонул молодой брат Мономаха Ростислав. «Песнотворец» «Слова о полку» заставляет содрогаться всю природу от гибели прекрасного юноши и винит в ней реку. Технически осведомленный летописец княжеской канцелярии, описывая поход шаг за шагом, ставит гибель Ростислава в зависимость от трудностей предприятия. Агиограф Печерского монастыря изображает бесчинство военного отряда молодежи, во главе с Ростиславом, над встретившимся монахом, и объясняет гибель всего отряда, как божественное возмездие за смерть «святого» инока, последовавшее по предсказанию последнего (Поликarp о Григории).

Вот, в силу социальной борьбы между светским и духовным слоями феодальной верхушки, борьбы, между и внутри этих слоев, при певме-

пательстве незаинтересованной массы населения, и совершилось исчезновение «Слова о полку Игореве». Здесь и кроется причина, почему «Слово о полку» дошло лишь в одном, провинциальном списке. Клерикальные грамотеи лишь по недосмотру сохраняли его в монастырской библиотеке.

Оцерковление верхушек феодальной власти несомненно прогрессировало, но с перерывами и скачками, и книга, как орудие и способ воздействия, находила в этой среде разное к себе отношение. Так стеснение широких международных связей России, хозяйственная перестройка внутренних областей, усиление колонизирования, организация бюрократии на-ново, придушили книжные навыки киевской эпохи, понизили кривую книжности. И вот мы встречаемся в конце XIV в. с характеристикой Дмитрия Донского, отметившей, что он «не учен бе книгам», в особенности, значит, святым книгам. Может быть, поэтому опять возникли в то время подражания «Слову о полку», восстанавливающие его военный звон, вместо колокольного. Когда же обозначилась абсолютистская система и Москву возвела в «третий Рим», после борьбы за этот титул и его инсигнии между нею, Новгородом и Тверью, Иван Грозный в усиленной степени предался жанру святой книжной магии, не удерживаясь однако от озорных элементов военного феодализма. Он представлялся святошей, по всем правилам цитировал «писание», но тут же отмечал, что знает, как «по четкам матерно лаются». Он интенсифицировал книжность, заведя печатание, но пренебрег принять его в свои руки, оставив в руках жреческой касты.

Борьба книгой и с книгой сказывалась не только между военными, светскими и церковными феодалами, но и в среде главных грамотеев, внутри самой церковной касты. Иначе, как протестом против инициативного, глубокого освоения их книги, трудно объяснить рассказ Печерского патерика о том, как один монах изучил в библии исключительно книги Ветхого Завета и оттого стал слабоумным (Поликарп о Никите затворнике). Церковники боялись, чтобы самостоятельное, безнадзорное изучение даже «святых» книг не возбудило нежелательных запросов и выводов, чем в значительной степени и объясняется масса «толкований», т. е. обязательных для читателей объяснений текста.

Каста феодальных церковников была не монолитна: черноризцы, монашество, и белые попы — это главные два слоя, во многом враждебные друг другу. Например, монастыри стояли близко к государственному

правлению, владели землей с крестьянами, банкирствовали, торговали, церкви же — только торговали, да и то (кроме Новгорода) в меньшей степени. Церковники больших городов и деревенские — другие два слоя, и книги у них были разные. Так индекс предостерегал общество против заговоров, которыми были полны толстые сборники сельских попов. «Стоглав» отмечает, что на новгородских окраинах попы шептали заклинания над предметами церковного обихода, как «арбуи в Чуди», т. е. финские жрецы, шаманы. Затем надо учитывать прослойки в церковной иерархии, ступени иерархической лестницы, также находящиеся в состоянии борьбы. Эта сложная картина взаимоотношений осложняется еще тем, что в эпоху феодализма имело место резкое областное деление государства, как следствие племенных группировок родового периода и родового уклада правящих династий, и как результат объединений вокруг торговых центров. Как в древности каждая область имела свои природные, производственные, технические и социальные условия, свой культ, свои патрональные святыни, так это осталось и при христианстве. Как до грецизации происходило состязание во власти между державцами и жреческой кастой, причем бывало то раздвоение интересов, то соглашение, так это наблюдается и по введению христианства.

Эти два обстоятельства и увеличивают сложность взаимоотношений внутри клерикальной массы. Большинство ее слоев и прослоек, владевшее грамотой и оперировавшее книгой, проводило ею разные элементы идеологической гаммы, соответственно социальным неравенствам и несогласиям разных клерикальных группировок в разные отрезки времени. Отсюда происходили ереси и расколы, отсюда происходило деление книг на истинные, сокровенные, отреченные и ложные, индекс которых, организованный еще в Византии и дополненный в Болгарии, продолжал свое пополнение и в России. Борьба книгой в клерикальной среде, с вовлечением сюда и «светских» элементов, особенно остро сказывалась в столкновениях с «еретиками» в периоды сдвигов феодальных отношений, — например, в конце XIV в., в XV—XVI и в XVII—XVIII вв. Еретические книги жгли, как это, например, сделал Иван Грозный с альманахами. Но если, в свою очередь, еретики вешали кресты на ворон, щепили иконы, выплескивали в печку причастье, то очевидно они уничтожали и книги враждебного культа. По крайней мере в конце XV в. «еретики предлагали сжечь писания св. отцов за то, что помещенное в них пророчество о семи тысячах лет не сбылось»

(И. Хрущов. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, СПб. 1868 г., стр. 158). Если и не жгли книги, то сторонились от них, не допускали в свою среду, как это делали раскольники по отношению к Никоновской печати. Есть впрочем известие о сожжении и потоплении свыше 200 книг соловецкими раскольниками в 1669 году (см. Чтения в Общ. истор. и древн. росс., 1846 г., кн. III, отд. I, стр. 36—38).

Примером массового преследования книги может служить сожжение москвичами новозаведенной типографии в шестом десятилетии XVI в. Вероятно, жгли ее не одни местные писцы и не за то только, что заведение печати угрожало их заработку. Здесь проявилась многосложность социальных отношений, завершавших предшествующие периоды феодализма ожесточенной борьбой. Здесь выступали общественные группы, находившиеся, вероятно, на разных ступенях зависимости, но одинаково прозревавшие усиление эксплуатации от усовершенствования орудия власти. Мы можем предположить, что книгопечатание, сосредоточенное в руках тогдашнего крепостнического правительства, вызывало боязнь наступления планомерно организованной цензуры вместо прежней, действовавшей самотеком. Не сомневаемся, что распространение новопечатной книги должно было вызвать массовый протест и в тех восточных колониях московитского капитала, для обрусения которых прежде всего и было заведено печатание «святых» книг.

Среди разнообразных типов внутреннего, да и внешнего оформления средневековой книги особенно показательной для констатации социальной борьбы является серия посланий и памфлетов, в виде «грамотиц» и «тетрадок». Уже прежние исследователи и композиторы истории литературы, например, Н. С. Тихонравов, особенно охотились за этой, в большинстве ненарядной книжностью (раскольничьи тетрадки). Эти книговидные произведения исполняли роль злободневной «прессы», отзываясь на самые большие вопросы социальных отношений и появляясь обильно именно в моменты обострения социальной борьбы. Некоторые из них адресовывались определенному лицу, но все без исключения назначались для всеобщего сведения, для целого круга читателей. Эти грамоты, грамотки, тетрадки существовали сначала каждая отдельно, но лишь немногие из них дошли до нас в подлиннике и в отдельном существовании, случайно сохранившись в архивном или сыскном учреждении средневековья (см. упоминание тетрадок Пересветова в описи царского архива, или нахождение раскольничьих писем и записей заговоров, песен и т. п. в сыскном приказе). Бытуя сначала отдельно, такие

грамоты, грамотки и тетрадки вносились затем в сборники, соединялись в них с другими произведениями, иногда по принципу сходства, или по авторству, кодифицировались (напр.: в летописи — поучение и письмо Мономаха, послание Василия о рае на земле и т. п.; в других сборниках разного состава — тетрадки Пересветова; в виде особых сборников — «Просветитель» Иосифа Волоцкого, переписка Грозного с Курбским, сочинения Максима Грека и т. п.). Внесение в сборники иногда сопровождалось тенденциозной переменой оформления статьи, так, напр., один из памфлетов Ермолая-Еразма по земельному вопросу, переделанный в виде проповеди, был внесен в авторитетный сборник проповедей — «Златоуст», в целях оглашения с церковного амвона (И. Е. Забелин. *Опыты изучения рус. древностей и истории*, ч. I, М., 1872, стр. 185—186; В. Ф. Ржига. *Литературная деятельность Ермолая-Еразма*, стр. 155, 193 и сл.).

Вообще, в феодально-крепостническую эпоху христианизм стал самым сильным орудием идеологического воздействия со стороны господствующего класса, тем более, что грамотность и книжность находились все время в компетенции церковников. В силу этого до нас дошли главным образом те книги, которые так или иначе, по содержанию или по форме, относились к церковной области. Даже «светская» литература дошла до нас преимущественно в оцерковленном стиле. Большую роль в этом отношении сыграли монастырские библиотеки, сохранившие в своем составе лишь соответственные книги. Роль монастырских книгохранилищ в отношении, так сказать, цензурного отсева книг, подмеченная Н. К. Никольским, несомненна («Ближайшие задачи др.-русск. книжности», *Пам. Др. Письм.*, № CXLVII, 1902). Возражения, приведенные А. И. Соболевским («Несколько мыслей об др.-русск. литературе», *ИОРЯС*, т. VIII, кн. 2, 1903 г.), не уменьшили вес тех фактических данных, которыми Н. К. Никольский обосновал свои наблюдения. В более развернутом виде соображения о социальной борьбе, как причине отсева памятников средневековой русской литературы, находятся в нашей статье: «Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды» (*ДАН-В*, 1931, № 3).

Беглый поток примеров, заимствованных нами из средневекового материала, назначен иллюстрировать следующие основные положения:

Книга есть продукт и средство проведения классовой идеологии, поэтому все элементы книги (содержание, структура его и внешнее оформление) являются фактом идеологическим.

Классовое давление на книгу не исчерпывалось цензурой; сама цензура не исчерпывалась политическим, правительственным воздействием.

Книга не являлась только жертвой (в руках господствующего класса), она активно выступала, как орудие классовой борьбы.

М. Н. СПЕРАНСКИЙ

Повесть о городах Таре и Тюмени

В сборнике б. Румянцовского музея (Публ. библ. им. Ленина в Москве) № 3189, в 4 д. л., XVII в., на лл. 124—136 об. помещена, без особого заглавия и без начала,¹ повесть о нападениях татар на сибирские города Тару, Тюмень и др. Судя по хронологическим датам, встретившимся в Повести (лл. 130 об. и 132 об.), она касается событий в Сибири в 1634—1635 годах.

Повесть эта несколько уже известна в научной литературе: впервые она, как до тех пор неизвестная в литературе, была отмечена в Отчете Московского публичного и Румянцовского музеев за 1892—1894 гг. (стр. 37—38); извлеченная из упомянутой рукописи, она затем послужила предметом доклада С. О. Долгова и обсуждения в одном из заседаний Славянской комиссии МАО (см. протокол 14 XI 1907 г. в Древностях, трудах Слав. ком. МАО, т. IV (1911), стр. 16—17); несколько слов о ней же находим у А. С. Орлова, коснувшегося ее стиля в своей статье: «О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв.» (Изв. ОРЯС, XIII (1908), 4, стр. 32; отд. отд.). Но у В. С. Иконникова в его «Историографии» Повесть не указана и до сих пор остается не изданной, доклад же С. О. Долгова также напечатан не был.

По своему содержанию Повесть не имеет, кажется, особенно большого значения в качестве исторического источника первостепенной важности, так как она представляет только страничку из местной истории, рассказывая несколько эпизодов из борьбы (не всегда удачной) русских поселенцев с местными инородцами во время колонизации западной Сибири. В этом смысле она, конечно, представляет некоторый интерес для историка, изучающего этот период русской истории. Но, будучи рассматриваема с точки

¹ Как видно из первых же слов, сохранившихся на верхней строке л. 124: «бысть же нѣкто от менших татар имянем Кучашъ Танатаровъ».

зрения историко-литературной, она не лишена значительного интереса, как попытка, опять-таки, вероятнее всего, местная, изложить ряд эпизодов из истории этой борьбы русских колонистов в форме и в духе обычных военных повестей XVI и XVII вв. В частности, не лишена эта повесть значения и для изучения литературных приемов ее неизвестного нам автора, писавшего, как это видно будет из дальнейшего, около середины XVII в.: это — сравнительно позднее отражение целого направления так называемой «торжественной» литературы, расцветшей к половине XVI века в Московской книжности и ставшей замирать к концу XVII в.

Что касается содержания Повести о Таре и Тюмени, то оно не сложно и большой цельностью не отличается: здесь рассказаны несколько эпизодов из истории борьбы русских припелюцов с татарами, калмыками и «литовцами» (т. е. людьми из западной России, в большом количестве захваченными в плен в столкновениях с Польшей и ссылаемыми Московским правительством в качестве поселенцев в Сибирь); эти эпизоды связаны между собою только слабо выраженной хронологической последовательностью и территориальным единством. В общих чертах содержание Повести сводится к следующему:

«Некто от менших татар» именем Кучаш Танатаров, рассказывает Повесть, оставивши свой род и отечество, побуждаемый властолюбием и стремлением к наживе, переселяется в землю Калмацкую¹ к некоему калмыцкому тайше, набирает при его помощи калмыков и является с ними неожиданно под город Тару. В происшедшем столкновении русские граждане Тары потерпели неудачу: многие убиты, сведены в плен, стада их угнаны. Повторив несколько раз свои набеги на Тару, Кучаш вернулся с большой добычей и получил честь от царевичей, Кучумовых внуков, и калмыцких тайш. Соблазненный успехами Кучаша, один из калмыцких тайш Куйша посылает своих двоих сыновей и зятя с войсками на ту же Тару, поручая разорить город, жителей избить или забрать в полон. «Поганые» приходят, требуют сдачи города и, уверенные в невозможности сопротивления, к ночи отходят на реку Ибейку, находящуюся в семи «поприщах» от города, оставив у города стражей, и становятся у реки станом. Защитники города ночью делают вылазку, пройдя мимо стражей незамеченными (шум, производимый городскими воинами, стражи приняли за шум, идущий из стана

¹ В Повести последовательно употребляется эта форма с вариантом «Колмаки», как и в одном из вариантов Саввы Есипова (Сибирские летописи, СПб., 1907, стр. 111).

своих, почему и не обратили на него внимания), нападают врасплох на стан неприятелей, также ничего не подозревавших, многих избивают (в том числе убивают сына Куйши и одного знатного калмыка). Враги в смятении бегут: Тара спасена. Но, продолжает автор Повести, «гнев божий не укротился за умножение грех наших»: в это же время произошло избиение от «поганных» многих «християн» в Томске, в новом Качинском остроге, в Красном Яре, в Кузнецком остроге. Попытка литовцев («новоприсланных» вместе со старыми литовцами-поселенцами в Томске) завладеть и пограбить Томск не удалась: они хотели в день Ильи пророка, приходившийся в воскресенье, поджечь церковь Богоявления вне города (в «подгории») и, воспользовавшись тем, что жители побегут на пожар, по дороге их избить и таким образом овладеть городом; но накануне один из поджигателей выдал градоначальникам замысел, поджигатели были схвачены и казнены. Но в 1635 г. произошел набег на Тюмень: многие тюменские татары во главе с Езезком ушли к калмыкам, там соединились с упомянутым Кучашем и в январе явились внезапно под Тюменью, разграбили уезд, произвели в городе резню и грабеж, забрали большой полон; попытка тюменцев нагнать грабителей и отбить полон кончилась для них неудачей: произошло новое избиение граждан, они потеряли убитыми и пленными чуть не две тысячи. «Вся же сия бысть грех ради наших, почему ж роду на уверение», — заканчивает свою Повесть автор.

Несмотря на многословие, значительно нарушающее плавное течение и ясность рассказа, на шаблонность стиля автора Повести, можно все-таки догадываться, что Повесть написана в Сибири и, быть может, в Томске или автором, бывшим временно там; так можно предполагать не только потому, что все местности, упоминаемые в рассказе: Тара, Томск, Тюмень, Красный Яр, Качинский и Кузнецкий остроги, находятся в западной Сибири,¹ но и потому, что автор в описании нахождения врагов на Томск проговаривается и о себе и, повидимому, как находившемся в это время там: «О люте, люте было бы *нам в Томском граде* в сий недельный день Христова воскресения, хотящим (рук. хотящу) им (т. е. литовцам)... града достояния раскопати» (л. 131), и ниже в молитвенном обращении: «Не преложи (рук. предложи) светлаго дня тридневнаго воскресения *нам* верным во оскорбление», еще ниже: «отвратися меч острый от *нас* на их

¹ Тара основана в 1594 году, Томск — в 1604, Кузнецкий острог — в 1618, Тюмень — в 1585 на месте городка Чингия, Тобольск — в 1587.

(т. е. литовцев) выю» (л. 131 об.).¹ В других местах Повести этих намеков нет; общие формулы: «по грехом нашим», «грех наших ради» и т. п., разумеется, здесь в счет не идут.

Пожалуй, можно до некоторой степени в число таких местных черт занести и то, что автор говорит о Кучаше Танатарове: его соратники появляются прямо под стенами Тары, «по провожении изменника Кучаша Танатарова, понеже он ведая ко граду пути, како приити, и время и места, ту бо той окаянный воспитан бысть» (л. 124 об.), т. е.: автору была знакома такая подробность из жизни «окаянного», как то, что он был из окрестностей Тары, здесь вырос. При рассказе о нападении сыновей Куйши автор точно определяет место их стана — на речке Ивейке в семи поприщах от города; так же точно определяет он и местоположение церкви Богоявления в Томске: вне города «в подгории». Все это, при наличии и других черт,² получает смысл указания на пребывание автора в тех местах, события коих он описывает.

Что касается формы и композиции интересующей нас Повести, то, как сказано было, она должна быть отнесена к тому жанру, который принято называть «воинскою повестью». Сюда она примыкает не только по своему содержанию, но и по способу обработки этого содержания: в ней — на лицо большая часть характерных стилистических черт «воинской» повести. Так, несмотря на сравнительно небольшой свой объем (она занимает 14 листов в 4-ку разгонистой скорописи), она дает в достаточном, чтобы иметь право отнести ее к «воинским», количестве типичные лексические и фразеологические обороты, аналогичные и иногда сходные или даже тождественные со старшей «воинской» повестью.

Оружие: мечу предати (дважды; ср. Историю о Казанском взятии, 43);³ падоша острием меча (четыре раза; ср. там же, стр. 8, 55); немилосердый, кровавый меч; меч сей кровавый, острый в крови вашей воскипел; бысть оружное бряцание и конский топот; придоша во оруженном одеянии светящиеся; огнедышущие пищали.

¹ Далее следует рассказ об измене одного из поджигателей.

² Например, «поганые» в такой форме требуют сдачи города Тары: «разорите град и очистите то место: мы хоцем *кочевати* zde, се земля *наша* есть» — требование, совершенно в духе тогдашнего еще кочевого или полукочевого быта сибирских инородцев и тогдашних земельных отношений у них к русским, забирающим их землю.

³ Цитирую параллели по изданию 1902 г. (Казань).

Настроение воюющих: утвердишася мужественно, показавше храбрость свою пред нечестивыми; поостри ярость свою на язык сей; умрети за святыя церкви, за истинную веру пострадати; град сей аки птицу руками своими возьмем (ср. то же в Азовском сидении).

Характеристика воинов: яко дивие звери поядаху, грады разоряюще; аки соколи изучени ударишася на многия жаровлиныя стада (ср. то же в Мамаевщине); спешаху (воины на битву) яко звани на брак сладкого вина пити; бѣ же их (воинов) яко травы сельные множество.

Битва: брань с ними составиша; закалаху яко свиней; вопль великий избыточествует повсюду от гласов убиваемых; копейным поражением и острыми стрелами граждан уязвляют и низлагают и конскими ногами попирают: в крови християнстей руки свои обагриша.

Как и в большинстве русских «воинских» повестей, враги-иноверцы и здесь называются «погаными» в противоположность русским — «християнам».

Столь любимое «воинской» повестью изобразительное средство, как сравнение, угодное описываемому событию другому известному, служащее в то же время средством объяснить читателю смысл описываемого, дать оценку его, — и в нашей Повести нашло себе яркое выражение. Автор любит приводить для сравнения преимущественно события библейские, предпочитая при этом ветхозаветные; поэтому у него Куйша сравнивается с древним Амаликом, в другом месте — с Олоферном и Сисарой; подвиг казаков, избивающих татар Куйши — с подвигом Гедсона (ср. в повести о Динаре, отсюда в истории о Казанском взятии); вылазка защитников Тары под покровом ночи сопоставлена с уходом евреев из Египта под покровом облака и столпа огненного; нападение литовцев на Тюмень и гибель их напоминают автору эпизод о медном змии, а литовцы, поселенные в Тюмени и оттуда ушедшие, — иудеев, ушедших из Египта в пустыню.

Эти сопоставления даются автором Повести — кстати сказать — в виде обширных цитат (правда, не претендующих на буквальную точность сравнительно с библейским текстом) в объеме большем, нежели этого, казалось бы, требовали цели автора: словно он пользуется случаем поделиться с читателями своими сведениями по библейской истории.

Кажется, автору «Повести» не чужда местами и ритмичность речи в соединении с созвучиями в конце фразы или ее части, — черта, наблюдаемая, как известно, в некоторой степени и в «воинской» повести; так,

у него находим: (Кучаш идет) «град разорити... мечу предати... в плен свести... огнем пожещи»; (татары) «спаху... вставаху... огонь возгнещаху»; «грады разоряюще, верных погубляюще»; «растлению предлагаемы и жены и мужи разлучаемы и бедне насилуемы и оскверняемы»; «зубы кусающе... иные же сокрушающе, иные же во огонь вметающе»; «из чресл исторгаху, овых на копья вознизаху, овых ножи резаху... убиваху»; «нападают... уязвляют... низлагают... попирают».

Приподнятый тон речи, отличающий «воинскую» повесть и выражающийся наиболее ярко в склонности к «лирическим» отступлениям (их много, например, в истории взятия Казани), находим и в нашей Повести, например: «О велие божие благодеяние!» восклицает автор по поводу удачной вылазки защитников Тары, считаемой им за чудо, и продолжает: «Како не удивимся твоему, Слове, милосердию!» и т. д. Такое же отступление — по поводу избиений в Тюмени, Красном Яре: «о них же (т. е. убиенных) подробно что рещи или глаголати или писати, от горькия болезни не вем!» И далее по тому же поводу: «Оле, велие падение бысть и убийство! О, бедные матери, колико болѣзнию сердец ваших внутренняя отсекаете!..» и т. д.

Наконец, можно добавить — на этот раз скорее для характеристики автора, нежели самой Повести — общую концепцию, идейное содержание Повести: автор ее (как и другие авторы «воинских» повестей) разделяет общепринятую в его время традиционную точку зрения на провиденциальное значение современных событий, проводимую главным образом в книжной литературе, близко стоящей к церковной — представление о ближайшем участии в делах человеческих с одной стороны божества, с другой — темной силы: несчастья, дурные дела — результат воздействия или действия сатаны, дьявола, или гнева божия на людей за грехи и т. п., удача, победа — результат милосердия божия к людям, покровительства христианам и т. д. На этой почве воззрений стоит и большая часть «воинских» повестей, напр., не раз упомянутая История о взятии Казани. Этим объясняется введение в Повесть и дидактического элемента с одной стороны и (в стилистическом отношении) в значительном количестве богомолений, обращений к божеству, поучений читателям и т. п. — с другой; то же найдем ярко выраженным и в Истории взятия Казани. Этим объясняется, таким образом, и стилистическо-формальная сторона Повести, поскольку она не покрывается «военным» характером рассказа. Но эта же идеология

Повести может служить указанием на ту общественную среду, для которой писалась Повесть, и где мы должны искать ее автора.

Продолжая анализ Повести, как литературного произведения, следует обратить внимание на точки соприкосновения ее не только с «воинской» повестью (что было сделано мной сейчас), но и на текстуальное совпадение ее по местам с определенным памятником, выросшим на той же почве — в Сибири — и в той же, вероятно, социальной среде, что и Повесть: это даст возможность ближе подойти к самой личности автора нашей Повести. Я имею в виду соотношение нашей Повести, для нас анонимной, к так называемой «Летописи» Саввы Есипова: на это соотношение было уже указано в помянутом докладе С. О. Долговым; но в протоколе, откуда мы узнаем об этом, мнение докладчика отмечено, разумеется, очень кратко и в самой общей форме. Вот оно: «Литературная оболочка Повести та же, что в позднейших воинских повестях. Ближе всего Повесть стоит к Сибирской летописи Саввы Есипова, повторяя почти дословно многие фразы и почти целые периоды этого литературного памятника» (стр. 16 назв. издания). Первую часть этого мнения — определение нашей Повести, как «воинской» — мы видели выше: ближайший анализ ее подтвердил высказанное в протоколе мнение. Для второй части остается произвести не только эту проверку, но и сделать из нее возможные надлежащие выводы, отсутствующие в протоколе. И это тем более необходимо, что Сибирская летопись принадлежит к другому литературному жанру, нежели наша Повесть, и точки соприкосновения между ними должны получить иное объяснение, нежели это имело место в отношении Повести и повестей «воинских», как принадлежащих к одному и тому же литературному жанру. Действительно: простое сопоставление текста Повести с текстом Сибирской летописи (также называемой в рукописях: О Сибирской стране, О Сибири и о сибирском взятии, Списание о Сибирской земле — см. назв. изд., стр. 105 и прим.) обнаруживает несомненные между ними текстуальные совпадения в ряде случаев, хотя Сибирская летопись, если и рассказывает о военных событиях, не есть «воинская» повесть, как представительница особого жанра: но это — и «не летопись, т. е. погодное изложение (как такое название приложимо к Строгановской летописи — *М. С.*), а цельное произведение на известную тему: цель автора — показать, каким образом страна, подчиненная бусурманскому царю и служившая идолам, покорилась власти царя (христианского, православного — *М. С.*) и просветилась христианским уче-

нием» (В. С. Иконников. Историография, II, 2, стр. 1293). Вот те текстуальные совпадения нашего автора и Саввы Есипова, которые, надо полагать, имел в виду и С. О. Долгов:¹

Повесть

1. Некогда посла бог на них (иудеев) гнев свой, змием повеле поядати их, и кийждо их уязвляем умираху. И паки милосердова о них и вложи в сердце блаженному Моисею, он же, божиим мановением подвижим, сотвори змию медную и постави посреди полка сынов израилев; уязвляем ж от змия взираху нань, исцелеваху. Потом же они сию обоготвориша и многожды прогневаша бога; сего ради тмами казнишася: голодом и язвами, и пленом, и ратию, и различными разоренми, яко же писано: «И виде господь и возревнова и разгневался гневом и рече: отвращу лице мое от них, яко прогневаша мя в делех своих» (о литовцах под Томском, л. 130—130 об.).

2. Тогда восприемше (граждане Тары) щит истинныя веры и утвердишася мужественно и показавше храбрость свою пред нечестивыми и вси глаголаху: достойно ныне умрети за святыя церкви и за истинную веру пострадати, благочестивому царю по-

Савва

(Израильтяне поклонились тельцу) и сего ради посла на сих (господь) гнев свой, змием повеле поясти их, кийждо же их уязвляем от змии умираху; и паки господь милосердова о них и вложи в сердце блаженному Моисею; он же, божиим мановением подвижим, сотвори змию медяну и превознесе ю на трость, прообразуя Христово распятие. Уязвляем же от змии взираху на ону змию (и) исцелеваху. Повеле же им не вместо бога змию имети; но немощи их снисходя; они же и сию обожиха и начаша яко бога хвалити ю; и сего ради тмами казнишася: голодом и язвами, пленом и ратию и различными разоренми, яко же той же Моисей в песни в Девтеронии, предвозвещая непокоривым иудеом в будущее им в последних озлоблениях глаголет. И виде господь и возревнова и разгневался гневом ради сынов их и дочерей, имеяху бо бесом пожрети я, и рече: отвращу лице мое от них, яко прогневаша мя в идолах своих (стр. 120—121 — о магометанстве и язычестве подданных Кучума).

Восприимше щит истинныя веры и утвердившеся мужественно и показавше храбрость пред нечестивыми... (стр. 123 — характеристика Ермака и его дружины). Тако и сии воины положиша упования на господя твердо и вси глаголюще: достойни умрети за

¹ Привожу их в порядке текста Саввы (Сибирские летописи, СПб., 1907, стр. 105—170).

служим (л. 127 об. — о вылазке из Тары).

истинную веру и пострадати за православие и благочестивому царю послужити (стр. 124 — из той же характеристики).

Восприимше щит истинные веры и утвердишася мужественно и показавше храбрость свою пред нечестивыми и вси глаголюще: достойни умрети за истинныя святыя божия церкви и за истинную веру пострадати и благочестивому царю послужити (стр. 165 — «Синодик казакам»).

3. Возопиша велиим гласом: держайте, не бойтесь! Бог с нами! и паки возопиша: боже, помози нареченным во твое имя! (л. 129 — о той же вылазке).

на бой поидоша вси глаголюще: с нами бог! И паки приложиша: боже, помози (нам) рабом своим (стр. 139 — бой под Чувашевым).

4. овии (татары Куйши) спяху, овии вставаху, овии возгнецаху огонь на варение яди (л. 128 об. — там же).

овем (воинам) спящим, овем же не спящим, видящим еще (стр. 139 — о пленении Маметкула).

5. пред отцы сынове убиваемы, живота гонзнуша (л. 134 — избиеение в Тюмени).

божим бо судом прииде на воинов смерть, и тако живота своего гонзнуша (стр. 148—149 — смерть Ермака).

6. И не бысть такова зла православным христианом, отнелиже и солнце евангельское Сибирскую землю осия, и псаломский гром огласи (л. 135 — там же).

Оттоле же солнце евангельское землю Сибирскую осия, псаломский гром огласи, наипачи же во многих местех поставишася гради (стр. 161 — «Благодарение богу»).

7. бе же их (врагов) яко травы сельныя множество (л. 128 — нападение Куйши).

насеяшеся множество их (врагов), яко травы сельны (стр. 166 — «Синодик казакам»).

Присмотревшись к приведенным сопоставлениям, особенно к более обширным по объему, мы приходим к выводу, что текст Саввы Есипова не только обстоятельнее, нежели у автора Повести в этих местах, но и стройнее логически по изложению; тот же результат получим, если сравним оба текста в связи с остальным изложением у наших авторов: отмеченные места у Саввы, как будто, теснее связаны с остальным его изложением, нежели у нашего автора; отсюда является весьма вероятное предположение, что автор Повести воспользовался то там, то сям произведением Саввы, как источником для уснащения своего произведения параллелями и уподобле-

ниями, частью понравившимися ему выражениями и оборотами. Такое предположение не встретит препятствия и со стороны хронологического соотношения между обоими произведениями: Савва, доведя свое «Списание» до 1584 года включительно (см. изд. стр. 168), пишет: «Изложена же бысть сия летопись «Сибирское царство и княжение и о взятии» в Тобольске граде в лета 7145 сентября в 1 день», т. е. писана им в 1636 году и к концу года (сентябрьского) кончена; наша же Повесть, как мы видели, касается событий 1634 и 1635 годов, и могла быть написана, только некоторое время спустя, когда события эти прояснились и могли быть оценены автором с его точки зрения. При таком представлении о возникновении Повести вероятнее всего предположить, что она писана после 1636 года, хотя, может быть, и немного времени спустя после окончания труда Саввы Есипова, а потому и автор Повести мог уже иметь под рукой этот труд, мог его использовать для своей Повести. Таким образом устанавливается не только один из источников Повести, но и время ее появления, последнее, конечно, приблизительно. Возможно установление и еще одного источника нашей Повести: таким для одного ее места была, вне всякого сомнения, известная, популярная издавна в письменности (она даже была напечатана в Трехлое (М. 1622), л. 493 и сл.) «Повесть о неседальном», трактующая, как известно, об аналогичном событии — спасении Царьграда от осады его персами: соответствует в нашей Повести этому событию избавление Тары от нашествия Куйши, причем Куйша здесь играет роль персидского военачальника Сарвара. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести выписку из нашей Повести и из «Повести о неседальном» рядом с нею. Цареградцы просят о мире Сарвара, он грубо им отказывает, приказывая очистить город; граждане с теплой мольбой обращаются к богу, и молитва их была услышана: осаждающие со срамом и с громадным уроном уходят во свояси; у нас — то же: Куйша требует очищения города, грозя его взять силой, граждане обращаются к богу, ночью совершают вылазку и избивают татар Куйши, остатки коих постыдно бегут.

Повесть о Таре

разорите град и очистите мѣсто... утре пришед всячески град сей, яко птицу, руками своими возмем и пуста его положимъ. Много ж первие на бога злохулно глаголаху окаяннии. Сущии ж во

Повесть о неседальном

В'сачьскы оубо оутрь град вашъ, яко птицу, роукою моею возмоу и поуста его положоу... идѣте от града, идѣже хотите... Многа же первие на Христа бога нашего и на рожьскую его злаа.

градъ жители, елицы священницы и елико причет, иночествующии и весь людский народ востенавшѣ от среды сердца и ко святымъ божиимъ церквемъ бяху притичюще, рупѣ на небо въздѣюще, со слезами многими молящѣся, глаголаху: «Защитниче нашъ, господи, господи! призри отъ святого своего жилища и виждь скверныхъ сихъ дерзнувшихъ хулити святое и великолѣпное имя твое. Низложи, защитниче нашъ, господи, да не рекуть: гдѣ есть богъ ихъ? Ты бо еси богъ нашъ, иже гордымъ противляяся и на смиренныя призирая, твоя бо держава неприкладна и величество неразруσιμο. Слыши словеса окаянныхъ сихъ врагъ, яже поносятъ тебѣ, владущему всѣми, избави града достояния твоего, и люди нареченныя во твое имя... И молахуся плачущѣся людие...

хоулив'шю... соущии в градѣ жители елицы священ'ници и елико причетъ и иночествующии и весь людский народ востенавшѣ от среды сердца къ святымъ и божественнымъ церквямъ бяху притичюще и роуцѣ на небо въздѣюще и со слезами многими молахуоуса глаголюще. застоупниче нашъ, господи, господи, призри отъ святого своего жилища и виждь сквер'наго вар'вара сего и соущихъ с нимъ. дрѣз'ноув'шихъ хоулити святое и великое твое има. низ'ложи его, застоуп'ниче нашъ, господи, да не речетъ. гдѣ есть богъ ихъ. ты бо еси богъ нашъ. иже гор'дымъ противляяся и с'мирныя призираа. твоя бо держава неприкладна и владычество неразруσιμο. слыши вар'вара сего яже посла поноса тебѣ владущемоу всѣми. избави град достояния твоего и люди нареченныя в твое имя. и тако молахуоуса плачущеса люди (По рукоп. б. Уварова, № 351, XV в., в лист, л. 184 и об.).

Что Повесть писалась, спустя сравнительно небольшой промежуток времени после описываемых в ней событий, можно предполагать по той свежести впечатлений, какие на автора производили описываемые им события: он, если и не был прямым участником всего им описываемого (для подобного утверждения у нас нет данных), он, судя по его стилю, живо и отчасти даже болезненно воспринимал эти события: об этом говорят его довольно частые «лирические» отступления, о которых речь была выше: его настроение находило себе выход в этих стилистических особенностях «воинской» повести.¹ В согласии с такой свежестю впечатлений будет стоять, в таком случае, и та точность в мелочах, топографических и описательных, которую мы отметили выше; можно привести и еще примеры: ему хорошо известно место, где произошла неудачная попытка тюменцев

¹ Для ясности приводимой аналогии возьмем для сравнения хотя бы спокойный, рассуждающий тон Саввы, повествующего о событиях в Сибири, спустя более, чем 50 лет, после самого позднего из них.

отбить полон (на речке Пошеме, в 15 верстах от города); с большой обстоятельностью и подробностями описана им вылазка из г. Тары при нашествии Куйши: на стан его жители Тары нападают, дождавшись утренней зари: «тогда забрезжал пес, ишедый из града, иже сами (т. е. нападающие) мнеша, яко от сел пришел пес»; обстоятельства убийства вельможи при нападении на стан также подробно изложены: «некто силен нача восходити на свой конь и возопи своим языком: Стойте, не бойтеся! по нас люди! Тогда некто христианин пришед удари его во главу из огнедышущей пищали, он же пад издше. Тогда мнози погани обступиша около его, бе бо честен в них и храбрость имея и силу; и ту мнози падоша острием меча храбрых вой христианских» (л. 129 и об.). Если приведенные соображения можно признать правдоподобными, можно хронологически точнее определить и нашу Повесть: она писана после 1636 года, но все же скоро после этого года, пока впечатления событий в Таре и Тюмени еще были свежи, т. е. немного позднее «Списания о Сибирском царстве и его взятии».¹

Но кто же мог быть автором «Повести о Таре и Тюмени»? Прямых указаний в нашем распоряжении нет;² но есть косвенные, отчасти даваемые самой Повестью, для того, чтобы указать на определенное лицо, хотя бы в виде вероятного предположения: таким лицом, скорее всего, мог бы быть тот же Савва Есипов. Савва Есипов был, как известно, дьяком первого сибирского и тобольского архиепископа Киприана: когда было решено образовать первую Сибирскую епархию, на нее был избран настоятель новгородского Хутынского монастыря Киприан, человек, несомненно, незаурядный (он выдвинулся еще в Смутное время своими дипломатическими

¹ Не позднее какого времени явилась Повесть, также можно указать предположительно: она писана, вероятнее всего, до 1642 года: в этом году Тюмень была сильно укреплена рвами, валами, башнями и рогатками («Россия», изд. Девриена, т. XVI, стр. 383) и после этого неприятельским нападениям более не подвергалась. Весьма вероятно, что описываемый нашей Повестью разгром Тюмени и дал повод укрепить Тюмень, как важный стратегический и торговый пункт западной части Сибири. Об этих, во всяком случае весьма солидных, укреплениях, возведенных в 1642 году, автор Повести не говорит, хотя и упоминает о стенах города; видимо, здесь имеются в виду первые укрепления города, устроенные в 1595 году (см. «Россия», там же), но к 1635 году ставшие уже настолько плохими, что не могли помешать разгрому города.

² Возможно, что имя автора стояло в заголовке Повести в ее полном виде: если припомним, единственный нам известный ее текст начала, к сожалению, не сохранил; поэтому было бы весьма желательно иметь еще списки Повести лучшей сохранности. Но пока таких не нашлось по известным, каталогизированным рукописным собраниям.

способностями), энергичный и способный организатор; отправляясь в Сибирь устраивать не только новую епархию, но и первый русский культурный центр в не умиротворенной еще Сибири, Киприан привез с собою в Тобольск целый штат работников главным образом из Новгорода, вероятно, также отобранных ввиду важности задачи из наиболее подходящих: в числе их был и Савва Есипов, занявший важный пост дьяка, т. е. заведующего делами епархии, человек, несомненно, книжный и начитанный по своему времени. После недолгого пребывания в Сибири (1620—1624) Киприан, все же успевший за это время много сделать для развития русского хозяйства в Сибири (в частности для хлебопашества), вернулся в Европу, а его сотрудники, в числе их и Савва, остались в Сибири. В числе культурных начинаний Киприана было между прочим составление «Синодика казакам»: для этой цели он распорядился собрать от старожилов и ближайших их потомков сведения об Ермаке и его сподвижниках; это нужно было для установления их имен и деяний в «Синодике». Таким образом этот Синодик явился старшим из известных нам в письменной форме источником по истории завоевания Сибири.¹ Так его воспринял и Савва, который не только положил его в основу своего «Списания о Сибири», обработав его литературно, но и целиком поместил в конце своего труда; поэтому он и пишет: «зде же о сем оставих, а се написах к своему исправлению... Ино же написах с писания прежде мене списавшего, нечто (обретох) и стесняемо бе речью, аз же распространих». Но, составляя свое «Списание», этим одним основным источником не он ограничился: «ино же от достоверных муж испытах иже очима своима видеша и быша в та лета» (стр. 170 изд.). Можно с большой долей вероятности предполагать, что путем таких расспросов достоверных людей (и это, заметим, более, чем через 50 лет после Ермака) у Саввы набрался материал не только для истории завоевания Сибири и до событий 1584 года, но — наверное, и еще в большем количестве — для времени последующего, несомненно, представлявший интерес для местных деятелей, и даже ближайшего, когда совершались события, не менее волновавшие современников Саввы, нежели события прошлого, довольно

¹ С. В. Бахрушин (Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., М. 1928) полагает, что «Синодику» Киприана предшествовало, в качестве первоисточника, стилистически им переработанного, «написание», принесенное ему казаками, когда он пожелал от них узнать, «како приидоша в Сибирь» (см. стр. 16). Это «написание» служило основным источником для Саввы Есипова. «Синодик» составлен в 1622 году (см. там же).

уже отошедшего; а в числе их, конечно, были и сведения о происшествиях в Таре, Томске и Тюмени, частью даже, быть может, пережитые самим Саввой непосредственно. Литературно образованный по своему времени, сам писатель, автор «Списания о Сибири», может быть, в то же время общественный деятель в Тобольске или Томске, Савва, несомненно, имел все данные, чтобы использовать и собранный им материал, не нашедший места в силу указанной выше нами цели и плана в его «Списании», для нового произведения на тему близкую предыдущей, могущего представить несомненный интерес для его современников-сибиряков, т. е. для нашей «Повести». Созидая Повесть в духе «воинских» повестей, он, естественно, в стилистических целях имел возможность воспользоваться своим же прежним трудом, применив показавшийся подходящим из него материал для новой цели — рассказа о событиях 1634—1635 гг.; отсюда — точки соприкосновения,¹ именно текстуальные и по содержанию, между Повестью и «Списанием», и те изменения сходных мест в частности, какие представляются вполне законными у автора, пользующегося своим трудом более раннего времени. Приемы же его творчества, поскольку они не противоречили несколько иной цели его нового произведения, в общем остались теми же и теперь: та же склонность видеть параллель между ветхозаветными образами и событиями и событиями нового времени; только здесь, в Повести, она получила более определенное назначение: не только дать разъяснение смысла события, но и — в духе «воинской» повести — выразить настроение автора, подчеркивая дидактическую, идейную сторону его произведения. Спокойный тон повествователя о прошлом, благополучно завершившемся, заменился — опять-таки в согласии со стилистикой «воинской» повести — приподнятым, чему способствовала близость событий, притом далеко не утешительных, ко времени создания самой «Повести». Общая же идеология и в том и другом произведении осталась одной и той же — та же провиденциальная точка зрения на события — что и понятно: эта идеология оставалась неизменной у книжников определенной группы этого времени.

Таким образом все сказанное, взятое вместе, невольно наталкивает на соблазнительную, в то же время вполне естественную мысль: не одно ли и

¹ Даже единственный у Саввы Есипова в его «Списании» случай параллелизма, явившийся под влиянием известной Троянской истории (битва на реке Скамандре, стр. 130) вошел себе отзыв в Повести в виде воспоминания, вставочного по характеру, о Кентавре, явившемся на помощь Приаму и погибшем под Троей (д. 132 об. — 133).

то же лицо, т. е. не тот же ли Савва Есипов, было автором и нашей Повести о Таре и Тюмени и Сказания о Сибирской земле? Одинаковость местности, где создались оба произведения, близость по времени создания обоих, значительная близость и самого стиля, несмотря на принадлежность их к различным, хотя и не очень отдаленным друг от друга, жанрам, вполне удовлетворительное объяснение этих различий в стиле на почве того же различия жанров, приведенное выше, наконец наличность текстуальной связи между обоими произведениями — все это, как будто, говорит о возможном тождестве и авторов обоих произведений.

(ПОВЕСТЬ О ГОРОДАХ ТАРЕ И ТЮМЕНИ)

(Л. 124) Бысть ж нѣкто от менших татар имянем Кучашъ Танатаровъ, научен бысть дияволом, понеже бо он имѣ от сложенія миру над всѣми ж сими зависть и неправда и леть богатства помрачаетъ, и сего ради оставиша человѣцы свѣт правды, а тму возлюбиша. Вниде ж в того Кучаша сатана, зане имея в нем жилище себѣ и обѣща ему власть дати; еяже той желая: остави ж род свой и отечество, бѣгун бывает и преселися в землю Калмацкую и прилѣпися калмацкому нѣкому тайшѣ и сотворися ему вѣрен, и начат проситися, еже бо итти ему на град Тару, покушашеся град раззорити, а живущих ту православных христіанъ мечю предати и в плѣн свести. (124 об.) И собращася колмацкия люди в управлени и придоша под град Тару даж до стены градной по провождении измѣнника Кучаша Танатарова, понеже он вѣдая ко граду пути, како прийти, и время и мѣста, ту бо той окаянной воспитан бысть, а нынѣ зол враг бысть православным христіаном, неукротимъ супостатъ и боритель. Граждане ж ощутивше иноплеменных нашествие и бран с ними составиша и грѣх ради наших мнози падоша острием меча поганых, и мнози от них православни христіане плѣвни быша, и стада скотския отгнаша. И возвратишася восвоися со многими корыстями. (125) Се же сотвориша граду тому не единому, но многожды. Той ж враг Кучашко велику себѣ честь получи от царевичевъ Кучюмовых внучат и колмацких тайшъ. Нѣкто ж тогда тайша колмацкой именем Куйша слыша многия побѣды, нашедшия на сибирския грады, и межусобныя брани и водное топление, понеже имѣя у себе множество татар, отбѣгших от града Тары и от иных градов, и вся си ему повѣдаша и о градѣ Тарѣ, яко уже точию един град стоит, а окрестныя уѣзды до основания разрушены и живущих в нем мало. Той же Куйша, яко ж древнии Аммаликтъ, егда услыша, яко сынове израилевы из Египта избѣгоша со многимъ богатством, и поиде на них (125 об.) побѣдити их восхотѣ и рече в себѣ: «Побѣжду их и возму богатство египетское». И пришед в пустыню во многих силах побѣжден бысть самъ, и грады его сынове израилеви разрушиша, — тако и сей тайша Куйша вознесся в мысли своей и посла

дву сынов своих да зятя своего со многими силами под град Тару, повелѣ град разорити и церкви божия, идѣже богу приносится бескровная жертва, и мирския жительствующая дома огнемъ пожещи, сущихъ же православныхъ христіанъ мечю предати повелѣ окаянный, ивехъ же в плѣнъ свести. Внезапу же погании приидоша даждо стѣнъ градныхъ во оруженномъ одѣянии (126) свѣтящеса. Граждане жъ едва успѣша затворити врата, ниии же плѣнени быша и отведени во станы ихъ. Погании жъ таковая глаголаху гражданамъ: «Раззорите градъ и очистите мѣсто: мы хоцемъ кочевати здѣ, се земля наша есть; аще ли не очистите, утре пришедъ всячески градъ сей, яко птицу, руками своими возьмемъ и пуста его положимъ». Много жъ первие на бога злохулно глаголаху окаянии. Сущи жъ во градѣ жителие, елицы священники и елико причетъ, иночествующи и весь людскій народъ востѣнавше отъ среды сердца и ко святымъ божіимъ церквамъ бяху притичюще, руцѣ на небо воздѣюще, со слезами многими молящеса глаголаху: «Защитниче нашъ, (126 об.) господи, господи! Призри отъ святаго своего лица и виждь скверныхъ сихъ дерзнувшихъ хулити святое и великолѣпное имя твое! Низложи, защитниче нашъ, господи, да не рекутъ: гдѣ есть богъ ихъ? Ты бо еси богъ нашъ, иже гордымъ противляеши и на смиренныя призираеши, твоя бо держава неприкладна и величество неразрушимо. Слыши словеса окаянныхъ сихъ врагъ, яже поносятъ тебѣ, владущему всѣми. избави града, достояния твоего, и люди нареченныя во твое имя, простри ярость твою на языкъ сей, иже имени твоего не призываютъ». И тако моляхуся плачущеса людие, овни же по стѣнамъ града стояху, каждо ихъ ждуще смерти. (127) Солнцу же уклонившуся на западъ, и покрыся земля ночью тмою, погании отъ града отидоша и шедъ сташа на рѣчкѣ, глаголемей Ибѣйке, отъ града точию за 7 поприцъ, стражей своихъ поставиша близъ града, сами жъ в станѣхъ своихъ пребываху безъ опасения и возношахуся въ сердцахъ своихъ, се токмо глаголаху: «Утре разрушимъ градъ, уже бо имъ нѣсть ниоткуда помощи», а не вѣдуще сего безумнии, яко не отъ многихъ вой побѣда бываетъ, но свыше отъ бога, можетъ бо и беспомощнымъ помощи, яко же древле велехвалный Олофернъ, иже восхотѣ осилвати бога израилева, ему же отсѣче главу жена Юдифъ, иже отъ сыновъ израилевыхъ, и прегордому Сисарѣ главу жена острымъ древомъ проби (127 об.), Гедеонъ же, судия израилевъ, со тремя стами множество Мадіамъ побѣди: подобно жъ тому и нынѣ той же богъ на поганыхъ побѣду показа. Тогда граждане рѣша другъ ко другу: «Изыдемъ во слѣдъ поганыхъ, ничто жъ сумнящеса, точию положимъ упование на бога, негли богъ поможетъ намъ». Тогда восприимше щитъ истинныя вѣры и утвердившеса мужественно и показавше храбрость свою предъ нечестивыми, и вси глаголаху: «Достойно нынѣ умерети за святыя божія церкви и за истинную вѣру пострадати, благочестивому царю послужимъ». И поидоша си воины безстрастни. О велие божіе благодѣяние! Яко жъ древле, егда сынове израиљеви поидоша изъ (128) Египта, и веде ихъ богъ по пустыни къ Черному морю, предъ ними жъ идяше въ нощи столпъ огненъ, а въ день облаченъ позади ихъ: и нынѣ таково жъ чюдо показа богъ: егда приидоша воины на то мѣсто, идѣжъ поганыхъ

стражи стояху, посредѣ их проидоша, а не бысть либо в толиких христианских воех оружное бречание и конский топот, но поганых стражи быша тогда яко глухи и слѣпи; аще и слышаху что, но мнѣша, яко в их станѣх то есть. Какое не удивимся твоему, Слово, милосердию! Кто ли исповѣдати может силу твою или чюдеса твоя? Аще не бы умножилися пред тобою беззакония грѣх наших, кто бы встал на люди твоя, кто ли бы озлобил достояние твое (128 об.), яко же пророк глаголет: «аще бы человек в пути моя ходил, ничесо ж враги его смирил и на стужающая возложил бых руку мою». Прощед же стражей их, достигоша до рѣчки прежреченной Ибейки, идѣже стояша поганых вой без опасения — бѣ же их яко травы селныя множество — овии спаху, овии востаху, овии огни возгнецаху на варение яди. Слышаху ж они топот конский, но мнѣша, яко из их коней, плѣнники же связаны быша яко злодѣи. Христианстии ж храбрии воины плѣшние люди уже под станы их приидоша вси друг пред другом спѣшаху, яко званнии на брак сладкого вина пити ожидаху же еще, егда возсияет заря. Тогда забрекал пес изшедый из града, погании (129) же сами мнѣша, яко от сел есть пришел пес. Тогда христианстии вой, яко изучении соколы ударипася на многия жаровлиныя стада, возопиша велиим гласом: «Держайте, не бойтесь, бог с нами!» и паки возопиша: «Боже, помози нареченнымъ во твое имя!» И нападоша на станы их и закалаху яко свиней. Они ж, яко беснии пси, метяхуся сѣмо и овамо, и многих поганых побивша и сына Ку(й)пина убивша, овии ж в водѣ утопоша. Тогда нѣкто силен нача восходити на конь свой и возопи своим языком: «Стойте, не бойтесь, по нае люди!» Тогда нѣкто христианин пришед ударил его во главу из огнедышущей пищали, он же пад издше. Тогда мнози погании обступивша около его, бѣ бо честен в них (129 об.) и храбрость имѣя и силу, и ту мнози падоша острием меча храбрых вой христианских. И тако погании с срамом поидоша во свояси, православное ж воинство яко побѣдницы возвратипася во град радующесе и славяще бога, давшаго побѣду на врагов, и плѣнении вси возвратипася. И тако тогда избави богъ град Тару от нашедших.

Но еще гнѣвъ божий не укротися за умножение грѣх наших, по реченному: «Нигдѣ не престанеть, рече, ярость моя на грѣшники, дондеже истреблю вы.» В та ж времена в Томском граде, в новомъ Качинском остроге и на Красномъ Яру и в Кузнецкомъ остроге мнози христианстии людие падоша острием (130) меча поганых, о нихже подробно что рещи, или глаголати, или писати, от горкия болѣзни не вѣмъ, понеже православнии христиане, яко пшеница, пожинаеми, и терние умножашесе, много ж за то и зла пострадаша. Нѣкогда посла богъ на них гнѣвъ свой: змиемъ повелѣ поядати их, и кийждо их уязвляеми умираху; и паки милосердова о них и вложи в сердце блаженному Моисею; он же божиим мановениемъ подвижим сотвори змию мѣдную и постави посредѣ полка сыновъ израилевъ: уязвляемии ж от змия взираху нань, исцелеваху. Потом же они сию обоготвориша и многожды прогнѣваша бога; сего ради тмами казнишася (130 об.) гладом и язвами и плѣном и ратию и различ-

ными разорении, яко ж писано: «И видѣ господь и возревнова и разгнѣвася гнѣвомъ, и рече: отвращу лице мое от них, яко прогнѣваша мя в дѣлах своихъ». Тако и от сих литовскихъ людей отврати лице свое злаго ради ихъ совѣта. О таковыхъ бо пророкъ глаголетъ: «Ядый хлѣбъ мой воздвиже на мя ковь». Сии бо окаяннии, ядуще хлѣбъ до сытости, но совѣщаша на градъ христіянский лукавая. 142-го году противъ памяти святого пророка Илии Фезвитянина — тогда ж память его лучися в день недѣльный — тѣхъ же окаянныхъ злодѣйский совѣтъ таковъ былъ: в той было недѣльный день в Подгории зажеши церковь Богоявленія господа нашего (131) Исуса Христа, и какъ бы люди из града тамо пошли, а имъ было по тѣхъ людехъ бити из снаряду, а иныхъ посящи мечемъ и пограбя всего града богатество, и градъ сожеши, а самѣмъ было итти черезъ степь в Литву. О люте! О люте было бы намъ в Томскомъ граде в сий недѣльный день Христова воскресения, хотящимъ имъ, зломысленнымъ волкомъ, сурово и немилостиво града достоянныя раскопати и церкви божія раззорити, идѣже хваления и славословія славѣ божіей приносятся, и христіянскую неповинную кровь пролити. И вся быша злая в сий недѣльный день умыслиша окаяннии сотворити. Милосердый ж, в Троицы славимый богъ призрѣ на нѣ милостию своею, помяну (131 об.) щедроты своя, утоли от насъ рыдание слезное, не поступи дивному звѣрю, пришедшему ис пустыни поести словесныя овцы и не преложи свѣтлаго дне тридневнаго воскресения намъ вѣрнымъ во оскорбление, отвратися мечъ острый от насъ на ихъ выю, по глаголющему: «ровъ изрыи ископа и впадеса самъ, обрати бо ся болѣзнь ихъ на главу ихъ и неправда ихъ на всѣхъ сниде, посягни злое сѣмя не на ораной земли, и пожаша плевелъ и ядше умроша». В навечерний канонъ того дни нѣкто от ихъ же совѣта, тайно отбѣжавъ, и градоначалникомъ повѣда. И сии поимани быша и испытани и прияша мечь по своему злодѣйскому умыслу (132): овѣхъ же обѣсиша, овѣмъ главы отсѣкоша, овѣхъ в темницы затвориша. И тако (богъ) помилова градъ и люди.

Но поганыхъ бысть неукротимое стремление, яко звѣрие дивныя, поядающе, гради раззоряюще, вѣрныхъ погубляюще. Ктому же дияволъ, ненавида добра человѣческому роду, вооружи домашнихъ вразей и мало насъ не порину в ровъ гибельный. В Томскомъ граде литовские люди новоприсланные и старые жители, уже у коихъ жены и дѣти и много лѣтъ ту жиша, тѣ воспомяну(ша) лукавое свое ихъ первое житіе во своей странѣ, яко же древле иудѣемъ смущаше, егда в пустыни манну ядуще, чеснока желажу, бога, сотворшаго небо и землю и казнившаго ихъ ради Египта и сотворшаго велия (132 об.) и неизреченная чудеса, оставиша, идоломъ поклонишася, данный законъ отвергоша, пророки учащая ихъ побиша.

Тогда ж града Тюмени мнози татара отечество свое оставиша и в Колмаки отбѣгоша; из нихъ же бысть татаринъ именемъ Езѣякъ, и пришедше в Калмацкую землю воздвигоша рать велию, ежъ ити воевати градъ Тюмень, готову имущу помощь сатанина первенца Кучашка. Бысть же в лѣто 7143-го ану(а)рія мѣсяца в день, в онже восходитъ солнце на Стрелца — Стрелецъ бо

звѣзда именовашеся храбраго ради исполина, баше той стрелец исполни от главы даже до пуа человѣкъ, от пуа ж конь по всему подобю, бысть ж крѣпокъ и силен, (133) и той прииде на помощь Троянскому царю Прияму и убиен бысть на брани. И сего ради чуднаго художества древнии мудрецы промеж звѣзд поставиша; во время ж то ловления бывает и блистанія падут иж италияне стрѣлы зовуть или стрела, снѣгъ и подобно студени. — В то ж время настоящія тоя години нашедше погани на град Тюмен(ь), се бо попускающу богу на християны за грѣхи наша, ово поганья наводяща, ово водою смиряя, ово пожаром, ово голодом страша ны отлучити от грѣха, наказуя ны, яко отец чада. Сиче бысть за грѣхы наша: внезапно приидоша погани даже до стѣнъ градных. Тогда на гражанъ нападе (133 об.) ужас, погани же разыдопаша по уѣздам и многих християн овѣх мечю предаша, овѣх живых в плѣнъ ведоша, и в крови християнстей руки своя обагриша. Вопль убо велий избыточествует повсюдѣ от гласов убиваемых, и никоея же надежи мощно имѣти животу своему защищения, и плачются людие всѣх своих падений. Колмаки ж в провожении измѣнников Кучашка Танатарова да Езеека с пособники их явных врагов своего отечества крѣпцѣ на християнъ нападают и никоего защищения от гражан обрѣтают. Сего ради и многих смерти предадут и разсужения и возраста не имѣют. Оле, велие падение (134) бысть и убийство! И тамо бысть велие низлагание: пред отцы сыновы убиваеми живота гонзнуша, отроковицы от матерей отторгаемы и блудному растлѣнню предлагаемы, жены с мужи разлучаемы и бѣдне насилуемы и оскверняемы. О, бѣдныя матери, коликою болѣзнию сердцеъ ваших внутренняя разсѣкаете, зане чад ваших чресла зрите исторгаемы и чудом раздробляемы, и колико возможете изнести слез в разорении чад ваших, ихже разсѣкает немилостивый кровавый меч! О, роде слѣпый и жестокий, смерти не вѣдуще! почто отцы нынѣ насилуемныя руки не разумѣете и ухищрения поганых не познасте (134 об.) прежде, даже не ускорит меч сей острый, в вашей крови не воскицѣл, или мѣли есте, яко нашествие иноплеменныхъ бес тяжкия казни и жестоково отмщения возможеть проити? И тако погани многия веси и села разрушиша и пограблену бывшу всему сокровищу даж и до скота. В молитвенных же храмѣх и в домѣх, идѣже обрѣтаху всечестныя иконы и животворящая кресты, ругахуся имъ и в нечистыя мѣста метаху, иныя ж зубы кусающе, яко ж беснии пси, иныя же сокрушающе, иныя во огонь вмѣтающе; утвари ж церковныя [на поле: священныя] имаху себѣ. О, кто достойно восплачется тоя бѣды? Кий язык (135) изглаголетъ содѣянная? Кий слух кротце приметъ такову пакость, еяже николи ж слышахомъ, и не бысть такова зла православнымъ християном, отнели же и солнце евангельское Сибирскую землю осия и псаломский гром огласи, ни отцы наши возвѣстиша нам таковая. О, како святии не подвигоша владычицу Богородицу умолити о людех согрѣшших и уставити таковой судъ гнѣва господня, еж бы не предал святыни своей в попрание и православных християнъ в руки сыроядцемъ! Но они убо святии, аще и умолятъ, но не

противятся судбамъ господнимъ, яко ничимже не можетъ оѣиститися таковой грѣхъ, точию огнемъ и инѣми казньми тому ж подобнымъ, занеже (135 об.) согрѣшихомъ. И от сего явѣ есть, яко вся добрая святыхъ церквей и монастырей составление и на вся, яж богу освящаемъ, сия приемлетъ богъ нашего ради исправления; аще ли мы согрѣшаемъ ему, и та святая презираетъ и в попра-ние сие и нас беззаконникомъ предаетъ, якоже нынѣ видимъ: преславный град Тюменъ(ь) попрап, и всѣмъ благочестивымъ умилно и слезамъ достойно видѣние, яко виноградъ видимъ есть, егож озоба вебрь дивий из луга пришед, или сад оцепенѣвъ мразомъ лютыя зимы и увядъ и бысть в поношение поганымъ. И тако погании поидоша во 'своеси со многимъ богатствомъ и в плѣнъ поведоша с собою мужеска полу (136) и женска с тысящу человекъ, младевцевъ же, ссущихъ млеко, от матерей из чреслъ исторгаху, овых на копияхъ вознизаху, овых ножи рѣзаху, овех о стену и о землю, за власы и за ноги емше, убиваху, овѣх мечи разсѣкаху, веселяхуса погании, яко побѣдницы суть и многими избыльны богатствы. Граждане ж плачущесе и поидоша во слѣд поганых, уповаху отмѣстити наносимыя имъ тяшкыя бѣды от них. И постигоша их на рекѣ, зовомой Пышмѣ, от града 15 поприщ и, не дождавшесе своихъ немногими людьми нападаша, погании ж возвратившесе и немилостивно на гражданъ нападаютъ, копейнымъ поражениемъ и ост(р)ыми стрѣлами гражданъ (136 об.) уязвляютъ и низлагаютъ и коньскими ногами попираютъ. И аще не бы господь прекратилъ той день, конечно бы вси граждане пали остриемъ меча поганыхъ, понежъ гнѣвъъ божийъ възде на ня; аще и горами подвизалися бы, но противу гнѣва божия кто постоитъ? Бысть же в то время убитыхъ и в плѣнъъ сведенныхъ мало не двѣ тысячи человекъ.

Вся же сия бысть грѣхъ ради нашихъ, прочему ж роду на увѣрание.

А. Д. СЕДЕЛЬНИКОВ

Рассказ 1490 г. об инквизиции

В октябре 1490 г. новгородский архиепископ Геннадий Гонзов писал московскому митрополиту Зосиме, между прочим, об инквизиции у «Фрязов» - католиков: «... Ано Фрязове по своей вѣрѣ какову крѣпость держать! Сказывалъ ми посолъ цесаревъ про шпанского короля, какъ онъ свою очистилъ землю, и азъ съ тѣхъ рѣчей и списокъ къ тебѣ послалъ. И ты бы, господине, великому князю о томъ пристойно говорилъ, не токмо спасенія ради его, но и чески для государя великого князя»...¹ До сих пор этим восторженным отзывом, хорошо известным по многократному цитированию, и ограничивались сведения о «Речах». Судить о них сполна, как о памятнике борьбы того же Геннадия с жидовствующими, а одновременно — католической пропаганды в Новгороде конца XV века, мы получаем возможность только теперь, когда нашелся их текст. «Речи» помещаются, именно, в рукописи Всесоюзной публичной библиотеки (Москва), Музейского собрания № 3271. Рукопись определена в «Отчете Московского Публичного и Румянцовского Музеев» за 1898 г. так: «полуустав разных рук конца XV — начала XVI века»,² и для научного мира не является новостью; отсюда С. О. Долговым изданы с комментарием акты собора 1490 г. против жидовствующих — поучение митр. Зосимы и приговор, причем упомянуто о замечательном составе рукописи, заслуживающей подробного описания и издания наиболее важных статей.³ Поставленной себе

¹ Памятники древне-русского канонического права, ч. I² (Русск. Историч. Библиот., т. VI, СПб., 1908), стр. 775.

² Отчет . . . , стр. 17.

³ Московский собор 1490 года против жидовствующих по новооткрытым документам. Чтения в Общ. ист. и древн. рос., 1902, кн. III, отд. 2, стр. 113—125. Здесь (стр. 118), говоря очевидно о той части рукописи, в которой читаются изданные им тексты, С. О. Долгов определил ее точнее — кон. XV в. По своему письму вторая часть Муз. 3271 распределяется

задачи С. О. Долгов не успел выполнить, теперь же она осуществляется, но несколько иначе, чем было, повидимому, намечено: в рамках не столько описания, сколько монографических по отношению к одному, заключающемуся в рукописи тексту — «Речам».

I

Рукопись Муз. 3271, в четверку ($20 \times 14 - 14\frac{1}{2}$ см), по внешности крайне ветхая, с одной верхней уцелевшей крышкой переплета (кожаного, современного книге), состоит собственно из двух сшитых вместе частей: I — лл. 1—65, полуустав разных почерков, порою переходящий в скоропись, и II — лл. 66—291 об., с почерками подражательным уставному и полууставными. Палеографически обе части относятся к концу XV в., вторая может быть, впрочем, немногим старше; по происхождению же она совершенно самостоятельна. Первая часть, которую дальше исключительно придется иметь в виду, сама по себе представляет сборник ярко выраженного состава. Начало у нее утрачено; затем дефектность, помимо двух случаев оторванных верхних углов листа (лл. 1, 49) замечается лишь по близости к утраченному началу, между лл. 1 и 2, 3 и 4; видимо, эти изъяны затронули одну и ту же большую статью (летописную, см. ниже описание). Наблюдается подклейка листов к стержню, чем и были своевременно избегнуты более значительные потери в составе. На сохранность конца данной части рукописи указывает, при отсутствии вообще пробелов в цельную страницу, пустая оборотная сторона последнего листа (65 об.).¹

В графике и орфографии встречаются югославянские особенности *e* типа *ε*, «негеометрическое» *з*, высоких типов, с округлыми загибами *т*, *ь*, *з* и т. п.; употребление *ж*, постановка *ь* вместо *з*, соседство нейотированных гласных, и т. д. Язык сборника, сообразно с происхождением и содержанием статей, то церковно-славянский, то книжный великорусский,

так с л. 66 по л. 77 об. идет «устав», подражающий образцам XIII—XIV в., им начата, но не закончена повесть о взятии Царьграда крестоносцами, ср. в I Новгород. летоп., Полн. собр. русск. летоп. III, 26 и сл., далее конец той же повести и ряд других статей, представляющих, вместе с первой, выборку из летописи, близкой в общем к Софийскому времени, писаны в обычной полууставной манере посл. четверти XV в., особым того же времени полууставом писаны разбитые и с многочисленными между ними дефектами лл. 256—291, на которых помещаются отрывки текста «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия.

¹ На нее нанесены только позднейшие «пробы пера»

то великорусский, окрашенный устною речью (как язык «Речей»), в смысле диалектизмов бесцветный, если не считать очень редких следов среднерусского говора.¹

Что касается почерков, то из имеющихся трех или четырех один (*В* в прилагаемой схеме, полуустав), судя по всему, является добавочным: это только почерк статьи, писанной по обороту л. 61 (она не заполняет всей страницы, тогда как остальные страницы, кроме предыдущей, л. 61 и последней, л. 65 об., заполнены целиком; интересно, что и датировка статьи оказывается среди всех возможных в сборнике самую позднюю, единственно переходящую за дату 1491 г., о которой будет речь ниже). За небольшим исключением л. 61 об. и следующих затем лл. 62 — 62 об. — 64 (где имеются один или два особых, очень схожих полууставных почерка, на схеме Г и Д) весь сборник написан двумя бегло-полууставными почерками, из которых один (*Б*) местами ближе к полууставу, местами (*Б₁*) переходит в мелко-скорописную манеру; общность в приемах начертаний у обоих, А и Б, такова, что позволяет заключить об их принадлежности одной графической школе; кроме того одновременность их явствует из их чередования по сборничку. Схематически почерки могут быть представлены так:

1.	лл. 1—1 об.	А	} Почерк «Речей посла цесарева» (лл. 4 об. — 5 об.)
2.	» 2—27.	Б	
3.	» 27 об. — 40 об.	А	
4.	» 40 об. — 61 ...	Б, Б ₁	
5.	» 61 об.	В	
6—7.	» 62—62 об. — 64 ..	Г	
	Д	
8.	» 64—65.	Б ₁	

На вопрос о времени письма графика всех наличных почерков отвечает: конец XV века, что находится в полном согласии с хронологической пометой «нынешнего лета» 6999-го (= 1491), которую мы встречаем на л. 54, т. е. в области одного из основных почерков, (именно *Б₁*). Со своей

¹ Эти следы похожи на описки (см. ниже в Описании под №№ статей 65, 95: лукаван, обнавляется; и т. п.); но такого именно характера им и следует быть, принимая во внимание несомненно хорошую грамотность писцов сборника. «Описок» в сторону новгородских фонетических признаков (в роде мены *ц* на *ч*) на 65 листах сборника совершенно не отмечено.

стороны водяные знаки бумаги говорят о том же. Их показания, остававшиеся по преимуществу на 80-х годах XV в., нельзя не найти благоприятными для оценки сборника, как датируемого только что отмеченным годом. До половины сборника идет знак, весьма обычный в бумаге XV в. — бычачья голова с высоким крестом между рогами, перевитым змеей; ближайшие варианты даны у Н. П. Лихачева за 70-е, 80-е и 90-е годы; впрочем, они встречаются и в бумаге начала XVI в.¹ Точнее определяет почерки другой бумажный знак, идущий начиная с л. 35 до конца. Это также «бык», но с иными деталями: между рогами, направленными кнаружи, шест держит корону о пяти зубцах, симметрично три высокие и два низкие; средние три завершаются трилистником; над короной на прямом стебле шестилистник. Полное соответствие этому сложного рисунка знаку дается номером 2685 в альбоме Лихачева, снятым из рукописи собрания Ундольского № 1, недатированной, относимой к последней четверти XV в.; из датируемых знаков близки встреченные в рукописях 1477, 1478, 1481 и 1485 годов.²

Наконец, о том, что перед нами не копия, пусть даже близкая к своему оригиналу, свидетельствует отсутствие следов сплошной переписки текста и очевидное стремление заполнять страницы, сообразуясь с размером мелких статей и соответствующим образом тесня почерк.

Состав статей в интересующей нас части рукописи следующий:

1) л. 1 (без начала) галичане. лахове. волосо. Из Начальной летописи, о происхождении и расселении племен.

2) л. 2 (после дефекта) ѿна. ѿ. тма бы: тоѣ ѿсепя, витовтъ постави в ливѣ митроцолитѣ. григорѣа памъблака своїми ешны литѣскими. Из летописи (1415 г.). Следуют краткие летописные же известия о событиях XV в., кончая, после нового дефекта, постигшего статью на 1453 г., годами 1485 и 1486.

¹ Палеографическое значение бумажных водяных знаков, I—III; здесь №№ 1163, 1164 (оба 1478 г.), 1223, 1224 (оба 1483 г.), 1279 (из Геннадиевской библии 1499 г., очень близок) и др.

² О рукописи Унд. № 1 см.: Лихачев. Назв. труд, т. I, стр. 293; сам собиратель считал возможным относить эту рукопись чуть ли не к первой четверти XV в., согласно с годом 1423, получающимся для одной из статей (выдержку из последней см. под № 29 состава описываемого сборника): Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, М. 1870, стр. 6. Варианты знака из датированных рукописей занесены у Лихачева под №№ 1155, 1189, 1202—1205, 1215, 1217.

3) л. 4 об. Сказыва̃ посѣ цесаревъ юрью. про шпанскѣ корола. а̃ имени емѣ не помнѣ.

Исследуемый памятник; издается ниже.

4—5) л. 5 об. "И что ѡ лѣтѣ еретици смѣщаю̃ простѣ люди. Особая редакция соответствующего места из грамот Геннадия Гонзова к Прохору еп. сарскому (кон. 1487 г.) и к Иоасафу архиеп. ростовско-ярославскому (нач. 1489 г.), и его же Извещения о пасхалии на осмью тысящу лет (кон. 1492 г.); возникла не ранее 1489 г., так как составлена по смерти еретика протопопа Алексея, . . . иже и разсѣдѣ̃ яко̃ ари̃ . . . бѣ̃ е̃ предѣ̃ сатанѣ̃ . . .¹

л. 6. "И что числа поставлены в шестокрилѣ. сѣс. деватнадесатиць. Геннадий, к Прохору сарскому. Текст отсюда вплоть до конца грамоты, с опущением лишь заключительной эпистолярной формулы. Неполный текст грамоты издан по списку XVI в. И. П. Хрущовым, Исследование о сочинениях Иосифа Санина (СПб., 1868), стр. XVII—XVIII.

6) л. 7 об. "Ико премѣрыи соломѣ. и̃з̃мелча̃ непшѣю̃ и̃сполненіа̃ премѣрости̃ ѡ̃ б̃а̃ [м̃]розрительнѣ̃ рачитѣства̃ ѡ̃образѣ̃ прѣна̃черта̃. (все).

7) Прїидет бо врѣма̃ е̃га̃ ц̃р̃товати̃ начне̃ клапышь. и̃ ѡ̃жестѣ̃ капарь. и̃ ѡ̃множас̃а̃ прѣз̃зи. и̃ прозлбнѣ̃ смокы. и̃ напре̃ прїидѣ̃ ѡ̃мѣта̃а̃ плоды. тогда затворѣ̃са̃ двери̃ живота̃ и̃ стькрѣ̃ши̃са̃ корчѣ̃ на̃ землю. и̃ станѣ̃ жернѣ̃ въ̃ ѡ̃мѣ̃ и̃ поболѣ̃ мелющїи. и̃ встанѣ̃т̃ вси̃ ѡ̃ гл̃са̃ птича̃. и̃ смѣтѣ̃са̃ дщери̃ пѣсни. и̃ сьберѣ̃т̃са̃ на̃ торжище. плачюще̃ и̃дѣ̃ чл̃к̃ въ̃ дѣ̃ вѣчныи: + Далее — толкования эсхатологического характера, числом 13.

8) л. 8 об. "Еже что е̃ сѣдї̃ чл̃к̃ старою̃ ѡ̃держї̃.

9) л. 9. Великіи̃ василїи̃ жї̃. мѣ̃ лѣ̃. Мелкие заметки.

10) л. 9 об. Прїими̃ книгѣ̃, и̃ прочитай̃ часто̃ знаѣ̃мое. а̃ не̃ вѣдомѣ̃ и̃ди̃ к̃ мѣ̃рѣ̃и̃шнѣ̃ [sic] себе̃ вьпрошати̃. а̃ще̃ ѡ̃ чл̃скаго̃ ѡ̃ма̃ не̃ прїимеши̃ разѣ̃ма. да̃ бѣ̃ видї̃ пѣ̃визѣ̃ твоѣ̃ и̃ подѣ̃ ти̃ разѣ̃т̃ и̃ и̃сполнї̃ желанїе̃ твоѣ̃: (все).

11—12) л. 9 об. "Ѡ̃ и̃конѣ̃ пр̃чтой̃ ѡ̃дигитрей̃ въ̃ прїиградѣ̃. "Одигитрей̃ икона̃ . . . См. Полн. собр. русск. летоп. (ПСРЛ), т. V, 171—172.

л. 10. "Ѡ̃ рїсѣ̃ пр̃чтой̃. Там же; 172.

¹ Литературная перипетия, вызвавшая описываемую разновидность аргументации Геннадия, разъясняется, а самый текст печатается в другом месте.

13) л. 10. **О** неясѣти. Неясѣ члюѣ бива птица ѣ. Иная лексическая рецензия этого сказания — у А. Д. Карнеева, Материалы и заметки по литературной истории Физиолога (СПб., 1892, прилож., VIII). В описываемый сборник внесено видимо по связи с символом неясѣти: та ѣ гоу прободены быша ребра еѣо ѿ жидѣ, ѣ ѣзиде крѣ ѣ вода. ѣ ѣживи вселенѣю.

14) л. 10. **Црѣвь** стѣе вѣскрѣне въ ѣерлѣмѣ. на трѣеи части града ѣерлѣма. ѿ горы велика въ двѣ верха. ѣдѣ на грѣбѣ бжѣи не покрыѣ а дрѣгии на прѣлѣ стѣла трапезы покрыѣ. : † Из хождения архимандрита Грегѣенія. См. изд. Правосл. палест. сборн., вып. 48 = XVI, 3 (СПб., 1896), стр. 2.

15) л. 10 об. **Правило** стѣѣ ѿпѣ велика ѣнѣ града. **Е**ъ прѣтѣми твоими архѣпѣпы. рѣе. Издано в Пам. др.-р. канонич. права I, № 15. Составило видный аргумент для защитников церковных стяжаний в XVI в. — «иосифлян». Цитируется между прочим архиеп. Геннадием в грамоте к князю волоцкому Борису (1485 г.) и московским собором иерархов в 1503 г.; наоборот, «заволжец»-нестяжатель Вассиан Патрикеев исключил Правило из своей редакции Кормчей.

16—17) л. 11. **С** еретико[х: заглавие вверху страницы киноварью] Гдѣнѣ прѣсѣщенны ѣосима митрополиѣ всеа рѣси. ѣ архѣеишѣ ѣ ѣпѣи, ѣ архимандрити, ѣ ѣгѣмени, ѣ протопопи. и вѣ ѣже ѣ нѣ бжѣтвенны сѣценныи съборѣ. Соборный приговор 1490 г. на жидовствующих. Издан С. О. Долговым, см. выше; текст единственно известный. Непосредственно перед собором Геннадий просил выслать ему акт с именами проклятых еретиков (что налицо в настоящем тексте): «. . . а какѣ еретиковѣ прокленете, митрополитѣ бы отецѣ, да и вы, наша братѣя, и ко мнѣ прислали, и азѣ быхѣ и здѣсе соборнѣ также тѣхѣ проклятѣю предалѣ. . .». Пам. др.-русск. канонич. права I², 782.

л. 12 об. **Е**мирѣннѣ ѣосимы митрополита всеа рѣси, ѣ все сѣнна събора. побченѣ всемѣ православномѣ хрѣтѣанствѣ. на ѣресники ѿбличенѣе. † Да ѣсте вѣдѣще вси православнѣи хрѣтѣане. Издано Долговым, там же. Единственный полный текст.

18) л. 15 об. **Е**оломѣ **Е**жетни бо члѣци родѣ, в нѣ же ѣ неразѣ ѿ бѣѣ.

19) л. 15 об. **К**олко гдѣтва было, грѣцкое ѣ пе ѿдно, ѣ сербское, ѣ болгарское, ѣ арбанское, ѣ босна, тѣ ѣже бѣ покорѣ по поганство, нашѣ

грѣхѡ дѣла. а топерь тѣрпи перестѣпили черное [sic] море, занже взѣ кафѡ. ино ѡсмотримса рано : (вся заметка). Кафа была взята турками в 1475 г.

20) л. 15 об. Злаоѹ. 'Озеро ѡстави, и вселеннѡю ѡлови.

21) л. 16. На вѣсточной странѣ. за ю'рьскою землею. на морѣ живѣ лю', самоѣдь. Текст короче изданного Д. Н. Анучиным, Древн. Моск. археологич. общества, вып XIV, стр. 230—236 (из 9 сказаний 2-е выпущено, 5-е и 6-е сокращены).

22) л. 17. Первѡю чашю испити зрѣю. в.ю весѣю. г.ю. сытости. д.ю бѡсованю. т.ю крамослюѡ [sic] з.ю горцѣи мѡцѣ. Вся заметка.

23) л. 17. Пѡмъ и свишь не надобѣ злато ни сребро. ни безѡмномѡ мрѣа слова : Ср. в Молении Даниила Заточника по так наз. изводу XII в.; § 66 издания текста у П. П. Миндалева (Каз. 1914).

24) л. 17. теиѣ. лампетис. ведиктос. какос ѡдигѡс. лиоѣс. влаверѡс. ѣмнос. ѣдикос .•. Имена антихриста. Составлены, не все удачно, под «звериное число» 666; последние шесть берутся попарно. Относительно тѣтѡх и др. ср. у В. Малинина, Старец Елеазарова монастыря Филофей (Киев, 1901), стр. 397.

25) л. 17 об. Се гѣз гаса⁹ смиренни. Отреченная грамота архиеп. ростовско-ярославского Иоасафа, кон. 1488 г. Текст, как в отреченной архиеп. новгородской Серии, 1484 г., изданной в Пам. др.-русск. канонич. права I, № 112₁.

26) л. 18 об. Блгвение геронтия митрополита всеа рѡси. ѡ стѣ дсѣ възлюбленномѡ. Послание к вел. кн. Ивану III на Угру, от 13 ноября 1480 г. По списку XVI в. издано в Акт. историч. I, 137—138.

27) л. 19 об. Блгѡвѣрномѡ и хѡлюбивомѡ. . . [несколько хвалебных эпитетов] и преславномѡ гдѣрю, великомѡ кнѣю. иванѡ васиѣви всеа рѡси. бгѡмолецъ твой гнѣ [пробел вместо имени] блгвляю и челѡ бью.

Послание архиеп. ростовско-ярославского Вассиана Рыла на Угру, кон. 1480 г. Изд.: ПСРЛ, VI, 225—230.

28) л. 26. "О икопнописцѣ стѣмѣ ѣфалистѣ лоуцѣ. Глѡют же ѡ немь. первѣѣ ѡбразъ прѣстѣга влѣца нашеа бѣа, на рѡкѡж носящѡю га ише ѣс хѣ живописателнѣ хѡдѡствомѡ написа.

Взяг конецъ проложного сказанія об еванг. Луке, — на окт. 18. См. печатный Пролог [1877 г.], кн. I, 97.

29) л. 26 об. **Є** вѣка[х: заглавие вверху страницы киноварью] Держати ми вса хрѣтѣанская прѣковная преданїа непреклонно ѿ не превратно. Символ веры, следующий в епископском Исповедании за словами «едино божество», опущен, и после переходного «таже верую въ» идет текст согласный с изданным не раз (см. Пам. др.-р. канон. права I, 432—455) за исключением: «въ всемъ послѣдуа . . . митрополиту . . . имярекъ», и «и не сотворити ми ничесоже . . . какъ есмы то изначала прїяли» (назв. изд., 452—3—4), чего в описываемом тексте нет; добавления: после «сблюдати непреложно» (453) тако ѿ прѣ бывшии епїпи ѿ моа браа тоа моа епїпа; заключительная клятва аще ли чрѣ сѣ свое ѿповѣданїе. и чрѣ вышерѣныа своа глѣ в чѣ престѣплю . . . ѿсѣженїе вѣчное да воспрїймѣ . . . пописѣ сїе своєю рѣкою, в лѣ : [На поле: зрї].

30) л. 27. **В** пандократорской прѣкви в соу^а хранилѣ видѣхѣ стѣе еуліе . . . ѿ тѣ е потирь топазиѣ. Выдержки из Хождения Игнатия Смольнянина, 1389—1393 гг. Изд.: Правосл. палест. сборн., в. XII, стр. 10. — Ср. ниже статью 37.

31) л. 27 об. **О** митаи архимаѿритѣ. **В** лѣто ꙗꙋ ѿ ꙗꙋ . ꙗꙋ. Летописная повесть о нем. Ср. ПСРЛ, т. VIII (Воскрес.), стр. 28—32.

32) л. 33. **В** лѣ. ꙗꙋ ꙗꙋ. мѣа сѣ въ ꙗ. прѣставї прѣсѣщныи митрополї кыѣвскыи ѿ всеа рѣси кѣпрїанѣ. Духовная грамота Киприана. См. ПСРЛ, VIII, 78—80.

33) л. 35 об. **И** вѣрѣ во ѿндѣи всѣ. ꙗꙋ. а всї вѣрѣю в бѣта. Из Хождения за три моря Афанасия Никитина, краткие выдержки. В летопись (см. ПСРЛ, VI, 330 и сл.) Хождение внесено под 1475 г.; доступно для русской письменности стало с 1472 г., когда Никитин вернулся.

34) л. 35 об. в корею ѡбили, шахсенѣ. алевѣы дѣтея. а вѣчѣ махметѣы, ѿ ѿ ѿ проклѣ. ѿно б. городовъ са розвалило : (все; на поле: зрї).

35) л. 35 об. **К**нѣи рѣтїи. Первые прїиде ѿз варягѣ рѣорикѣ. Родословие князей великих и удельных, встречающееся в летописи и в сборниках, см.: архим. Варлаам, Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря. Уч. Записки II отдел. И. Акад. Наук V, 3, стр. 41. Степени великого княжения отмечены цифрами сверху имен; последние имена — ѿоан^нъ [III] . . . ѿвана вѣсильѣви сѣбѣ ѿоан^нъ [Молодой, род. 1458 г., ум. 1490 г.]; тут же московское родословие заканчивается без степени: ѿвана ѿвановї сѣбѣ дмитрїи [род. 1483 г., венчан на вел. княжение в 1497 г.]; сыновья Ивана III от вел. кн. Софїи отсутствуют. Все

даты на основании остальных кратких родословий князей ростовских, тверских, белозерских, смоленских, ярославских — не моложе указанных.

36) л. 37. Твореніе храма соломонова. Ѡ. тысящъ сѣчахъ камѣе в горѣ. Ѡ тысящъ сѣчахъ древе. 1 тысящъ ношахъ каменіе. Т и С прѣстоахъ работѣ. ѿ въ м ѿ С лѣ съверши дѣло : +

37) л. 37. В лѣтѣ 5. ѿ мѣа феврѣаріа въ. аї. в нѣлю о блѣнѣ. вѣнчанъ ѡбѣ прѣ маѣйлъ на прѣтво ѿ съ прѣцю. стѣмъ антоніѣ патріархѣ. Из Хожденія Игнатія Смольнянина. Прав. палест. сб. XII, 14; ПСРЛ (Никонская), XI, 101.

38) л. 38 об. "Адамъ падѣ, ѿ вси мы по прелестію быхѣмъ.

39) л. 38 об. великаго Нока города ѿмена архїей пѣ. В лѣтѣ 5. ѿ. ѿ. чѣ [sic; ѿ вместо ѿ] архїей пѣ ѿкимъ требища разори. Затем — перечень новгородских владык, начиная от Луки (Жидяты) и до Симеона (1416—1421 гг.), не совсем точный. В конце анахронистически — заметка об освящении церкви на Вологде епископом Феоктистом. Ср. П. Строев, Списки иерархов... , 33—35.

40) л. 39 об. "Иже сѣма ѿстачающаго ѿ себе, законъ ѡчищати п водою обливати повелѣваѣ : (все).

41) л. 39 об. Чтѣ сѣ на стѣлицѣ рѣ, чтѣное ѿ стѣ. мерзость бывшемъ ѡпѣстѣнїю. Внизу страницы киноварью: Елистра [sic] папы рїскаго.

42) л. 40 об. Десатина нивы: сѣавшемъ девѣ снопѣ, ѿ ѿмѣющемъ землю десатини снопѣ. ѿще ли кто ѿнако разѣлїи, бгѣ проклѣ бѣдѣ. мѣзы бо ѿ дарове ѡслѣплакѣ мѣрѣ ѡчи : ѡнѣдѣ такова скверна прибѣка ѡложеніе всѣаскы творити чїщѣса. да не гнѣва бжїа привлечѣ на са. заповѣдеи прѣстѣнница бывше : +

43) л. 40 об. Прича ѡ ѿстиннѣ. Нѣчто хода по пѣстыни. ѿ ѡбрѣте женѣ едїнѣ столѣщъ печалнѣ. Аполог, читающийся несколько полнее в летописи (ПСРЛ, VII, 253).

44) л. 40 об. Кизанїа старѣи вавилона. мѣ лѣты: римъ старѣи византїа. 1 лѣгы: іерлѣмъ старѣи рима. 4 лѣты без. 1 : (все).

45) л. 40 об. Патріархы великіа. д. а и константинѣ гра. в въ алеѣандрїи. Г. въ іерлѣмѣ. Д. въ антїохїи : + (все).

46) л. 41. Законъ правокѣрна црѣ ѿстинїана велика, ѿ ѿвычайнѣ прѣторѣ дѣлемъ ѿ поставленѣ на епїпство. нѣ (это — киноварью). ѿ поставленѣ епїпъ, та токмо повелѣваѣ даваги.

47) л. 41 об. санове црѣковникѣ великіа црѣве. чинѣ первыи.

48) л. 42 об. **Пѡбаеть вѣдати, колико ѣсть талантѣ.**

49) л. 42 об. **И сѣ имена древодѣ. веселей. ѱелиа. первое колѣно ѱю^ово. створши^и скинїю и скрижали, и херувїи и серафїи : +** Ср. выше ст. 36.

50) л. 42 об. **Блжнago ѱлїи и ѱлисеа въ дсѣ дѣиства (киноварью). Илїа ѡбѡ. ѡ. дѣиствъ сотвори. . . и елисѣи. дї. дѣиствъ створи.**

51) л. 43. **Прорѣнїе валааумово, вмѣсто клатвы на ѱлїл. Иако добри дѡми твои іакове.**

52) л. 43. **О врани іаковли съ агглѡ, толкованїе ѡ ѱлїи. И борашѣ с нимъ мѡжъ до ѡтрины. Из Палеи Толковой, ср. издание Палеи Коломенской 1406 г. (М., 1892), л. 84-2.**

53) л. 43 об. **ѡ ѣзекїи црїи. ѣгда волѣ. и рѣ емѡ ісаїа пррѣкъ. Сѣ глѣтъ бѣ двѡа ѡца твоѣ.**

54) л. 44. **Млѣтва іоанна златаѡста. Толкованїе ѡ аїла, млѣтвѣ ісѡвѣ. Хоташѡ на словесъ глѣти оумомъ своимъ. Гї, а іс, хѣ, снѣ а бжїи а сѣ прилѡ, помилди ма : +** Один из вариантов «умной» Иисусовой молитвы. См. Описание рукописей Соловецкого монастыря (Каз. 1881) I, 484—485; А. С. Орлов. Иисусова молитва на Руси в XVI веке. Памятн. др. письм. и иск., изд. ОлДр П. СLXXXV (СПб., 1914).

55) л. 44. **Ѣ сказанїа ѱсторическѡ ѡ поставленїи стлѣстѣ. Ѣгда поставлѣмъ хоташѡ быги іерархѡ.**

56) л. 44 об. **При константинѣ велицѣ. ѡлавїа антиѡхїискии на двое пѣвѣскїе лики раздѣлїи.**

57) л. 44 об. **Пѡбаѣ вѣдати и сѣ. іако внега ѡбходѣ прѣвъ миро-сающе. г : Дѡ и не ідѡ ѡпако іако латїне ѣретици ѡбращаѡса : Но сїце пѡбаѣ, іако съ стѣми дары ѡдеснѡю іти : Иаще ли кто ѡ сїннї начнѣ пнако мрѣствовати, іако ѣретици фрази. Инаѡема такового, и послѡшаѡщей ѣго. іако ѣдиномысленици с ними ѡсѡдѣса : Интерес к данному лигургическому вопросу может быть поставлен в связь с известным спором о «посолони», 1479—1481 гг., в котором видное участие принимал Геннадий Гонзов, тогда еще архимандрит московского Чудова монастыря. Настоящая статейка выражает мнение противоположное геннадиевскому и со ссылкой на практику латинян — т. е. также, как в послании о «посолони» молдавского епископа Василия к митрополиту московскому Геровгию; см. Опис. рукоп. сборников Публичной библ. (СПб., 1882), I, 507.**

58) л. 44 об. **Израїнѡю прѣбѡ двїю истїннѡю бї[ю]. . . Ѣѣ бѡ^к всѣ вѣдомо, и несторїи ѣрети наѡчи класти трапезу ржаничнѡю, мня бїю [sic]**

члѣкорѡ ѡ. Стїи ѡѡци не повелѣша творити тѡ но пшеничнѡ поставлати трапезѡ. Последняя фраза составляет любопытное, меняющее смысл добавление к тексту кон. XIV в., напечатанному в Летоп. русск. литер. и древн. (М., 1862), IV. III, 88. Ср. Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, I, 166—167.

59) л. 45. в вѣсѣи пасхѣ ѡ новѣи. ѡ ноги ѡчнѡ ѡмы. вѡ.

60) л. 45. Кто не покланяѣса ѡсконномѡ. кто не слави бесконечнѡ : Тѡ. . . В толковании фигурирует часто повторяющийся в полемике против жидовствующих мотив о том, что «древняя мимоидоша».

61) л. 46. Рѣкы ѡ глѣть новым ѡнотариѡ ѡмрѣк ѡще кто мртѡвѣѡ ѡа хртѡвнѡи.

62) л. 46. Не чюдї ѡще ѡ блѡго нам бѣсове ѡ полезно, множицею премѣрѣнїа ѡ разѡмѣнїа влагаю. ѡ симѡ ѡмнѡ сѡпротивѡ глѡ.

63) л. 46 об. ѡ хѡлѣ на словѣнскѡю грамотѡ. Нѣцїѡ начаша хѡлити словѣнскѡя книги. Из Жития Мефодия первоучителя словенского. Ср. в Повести временных лет, ПСРЛ, I, ² в. 1, стб. 26—27.

64) л. 46 об. ѡ жїа Стеванова ѡпїа перѡ. Слышѡ ѡ ѡтера дидакала, слово глѡемое. но не вѡ ѡще ѡистиньствѣѡ ѡли нї. ѡ рѡ. ѡгѡ вѡ мирѡ приѡбращѡ, тогѡ во грѡ вселимса. сї рѡ вѡ мирѡ возвѣрѣѡ. ѡ по радѡ вси ѡзѡщи крѡтѡса в послѣннаа врѣмена, всѡ земла, ѡ вса страны, ѡ вси ѡзѡщи вѣровати начнѡ : Эсхатологического характера выдержка из жития, написанного Епифанием Премудрым. См. изд. Археографич. комиссии (СПб., 1897) стр. 68.

65) л. 46 об. ѡврѣтохѡм во сказанїе нѣкое сице вѡзвѣше ѡ и разсѡдѡвше написѡше прѡ тї. Презвитерѡ нѣкѡи бѡ, в нѣкоѡи веси. ѡмѡа женѡ ѡже оба млада бѣста. Текст значительно старше, короче (до слов ѡ да не мнїмое блѡго в лѡкавай грѡ бѡдѡ включительно) и исправнее изданного по материалам П. А. Сырку (Изв. ОРЯС, 1907, кн. IV, стр. 132—133).

66) л. 47 об. [С]лыши златорѣчива Иоанна глѡща (это — наверху страницы). ѡще всюдѡ достоиньство блѡгѡ ѡскала бѡ. не хотѡще быти ни крѡщенїе, ни тѡло хѡво, ни приношенїе ѡнѣми. ннѡ же ѡ недѡтоѡными ѡбыче дѡиствовати бѡ. ѡ никакѡ крѡщенїа блѡгѡ ѡ жїа ѡерѡѡва преврѡжаѡса. ѡ свершаѡмы. не члѡкѡ бо свершаѡмы приносї. но все бжїа силы дѡло ѡ. ѡ той сѡ вѡсть ѡ на рѡ тайнствѡай. ѡ рѡ сїнїа ншѡ всѡми дѡиствѡай, ѡко же самѡ вѡсть : + [на поле: ѡгипѡ(?)]. Мотивировка, направленная, вероятно, против мнений кон. XV в. о свойствах таинств, совершаемых еретиками.

67) л. 47 об. Глше авва марко. ꙗко хоташѣ презвитерѣ стати пре стою трапезою.

68) л. 47 об. Прибнаго нила постника + ꙗще ѿ съ дарѣи пришешаго къ жертвеннѣ, не приѣ не требѣай ничтѣ.

69) л. 47 об. Иплъ. ѡчистите съвѣ вашѣ ѿ мртвы дѣль. . . Глѣ.

70) л. 48. ꙗко сищенничествѣ ѡбѣ съ всеми стми ѡцы, глѣ ѿ бжтвенныи злаѣсть. ꙗко ничтѣ та ба раздражаѣ, ꙗко ѣ чрез достоинства сищенничествовати : [На поле: Злѣ]. Далее — мелкие выписки о священническом и епископском сане.

71) л. 48 об. О мелхисидецѣ. Быша оубо ѿ раздѣленѣ донелѣже приде авраамъ ѿ межирѣча.

72) л. 50 об. Стго генадіа патрїарха константина града ѡ дѣствѣ нѣнѣи ѿ по вѣе вжїе ѣ. Доуга ѡбраз бжтвеннаго пѣбїа.

73) л. 51. Къпрѣ. Что ѣ ꙗкоже глѣ бжїа книги, сътвори члѣка по ѡбразѣ нашемѣ ѿ по пѣбїю : Глѣ. Се глѣ не ѡ вѣшнѣ видѣнїи члѣка по ѡ невидимѣ.

74) л. 52. Се же чї риторства. рѣчетѣства. за ѣ разжмѣѣ ѿ писати ѿ глѣати.

75) л. 52. Кирила мнїха ѡ престѣпленїи вжїа запокѣ. ѿ ѡ изгнѣнїи. ꙗда ѿ из рал. Смотри зѣ ѿ разжмѣи ѿ бытїи кнїгѣ. Сътвори бѣ тѣло вѣш рал. ѿ внесе въ ѣдемъ, а не в рай. ѣдем же речѣса пища. «Притча» Кирилла Туровского. В издании М. И. Сухомлинова: Рукописи графа А. С. Уварова, II, СПб., 1858, стр. 132.

76) л. 52 об. Іоаннѣ дамаскынѣ. Бжнѣ ѿже ѿмѣ съма в сїонѣ ѿ ѡжикы въ крѣлѣ.

77) л. 53. С криници. Бо ѡлїи (sic) кесарь первѣ ѣдї ѡбладаше римскѣ црѣтвѣ. . . по нем же црѣтова авгѣсть.

78) л. 53. ꙗще бѣ ищещи, коѣа рѣа вины хѣво пришествїе. послѣшай. по райстѣмъ ѿпаденїи, звѣдавъ адамъ ѣвѣ женѣ свою.

79) л. 54. Волю ѿмѣючи ѡ хѣ, разчести сїе. ѿ адама ли, ѿли ѿ потона нѣшнее лѣто ѿдѣ. по ѣврейскыи число. ѣ. смѣ. ꙗ по хрѣтѣанскѣ ѿ адама ѿдѣ нѣшнее число ѣцѣ. ꙗ по фрѣскыи по нарѡженїе лѣ гнѣ, нѣшнее число: Дата, как это очевидно из соображений палеографических и литературных (состав статей), относится ко всей описываемой части рукописи: 6999, т. е. 1491 г. «Число по-еврейски» требовало для себя справки — конечно, дата «5246» самостоятельно для настоящей заметки

не вычислялась и взята готовою, причем ее источник мог восходить к 1486 г.: ср. хронологию Лунника «от жидовских книг» с 1466 г., у А. И. Соболевского, Переводная литература московской Руси XIV—XVII вв., СПб., 1903, стр. 418 — а «число по-фряжски» так и осталось невычисленным. Координирование счета лет с еврейским счетом характерно для кон. XV в., а с фряжским в частности для Новгорода. Недоумение по поводу счета у «латинян» сквозит в послании Геннадия и Иоасафу; оно же разрешается в послании, к Геннадию же, Дмитрия Грека Старого, о «летах седьмой тысящи».

80) л. 54 об. **С**ло[во] о антихристѣ извѣстно (это сверху страницы). Ѡ обрѣзаніа приводѣ нѣкоѣ члѣка влѣхва ѣ проказлива, ѣ чародѣлива. л. 55. **О** том же. Црѣвовати ѣко три лѣта ѣма ѣ и по лѣта.

81) л. 55. **Б**сѣ ѣбѣ ѣтѣи прѣрци глѣѣ.

82) л. 55 об. **Н**а скончаніи ѣвѣса сѣѣ погнѣбелныи.

83) л. 56. **Д**аніи. **И** ѣко ѣбѣ копчина не можѣ прѣити мирѣ. рѣзвѣ та ѣко при содомѣ.

84) л. 56. **И**оѣ бгѣслоѣ. **Ѡ** хѣва вѣплощеніа до антихѣва пришествіа бѣ ѣдѣномѣ сѣ вѣсто.

85) л. 56. [в] (sic) селѣнанѣѣ. а. епѣ. **Г**ла сѣа ѣ лѣтѣ ѣ ѣ временѣ браѣ не требѣ ѣ вѣ писати.

86) л. 56 об. **Н**икакѣ мнѣти ѣже быти пришествію.

87) л. 56 об. **Ѡ**тѣо василіа. **Н**е мози глѣти, ѣко сегда бѣдѣ кончина, ѣ ѣногда кончина мирѣ. но по вса днѣ ѣ ноши чаи на са гнѣва бѣжѣа.

88) л. 56 об. **Г**лѣт бо дѣѣ, веліи бѣѣ ншѣ веліа крѣпѣѣ ѣго, ѣ чѣѣна дѣла ѣ рѣзѣмѣ ѣго нѣѣ чѣсл. **Н**а поле: Ѡ зерцѣа.

89) л. 56 об. **М**ногажѣ вѣпросиша хѣ ѣго алли ѣ ѣчнци, ѣ послѣднѣѣ лѣтѣ нѣвѣшнаго сего вѣка. Ср. «Просвѣтитель». . . Иосифа Волоцкого, изд. 4-е (Каз., 1903), стр. 349—352.

90) л. 58. **Г**ригоріи бгѣсловѣѣ ѣ недоѣѣдомыхѣ. **И**же рѣѣ ѣ лиричьскыи пиндарѣ.

91) л. 59. **В**ъзнесеніа хѣва до первѣа собора. лѣѣ тѣ и гѣ. а Ѡ вѣла мирѣ, в лѣѣтѣ ѣѣ. ѣ ѣѣ.

92) л. 60. **Н**ачатѣ днѣѣ, Ѡ нѣѣ же достѣѣи храниѣти врачеваніа члѣѣ ѣ скотѣѣ. ни крови пѣщати. **Б**люстѣса ѣ всегѣа. **М**ѣа гѣѣ. а да ѣѣ.

93) л. 60 об. **Н**аставшѣа мѣа вѣ первыи днѣѣ до чѣа сѣати н сѣѣти ѣѣ волосѣѣ ѣрѣзѣати. тонци бываюѣ.

94) л. 61. въ ꙗꙋ лѣѣ мѣи. □ и д̄.

95) л. 61. въпрѣ. На колико лѣѣ ѡбнавлѣса крѣѣ нбѣи.

96) л. 61 об. Гію оуѣв пасхалію на осмоую тысяцѣ писѣ изъ алѣфы рѣкы занеже алфа рѣка. съставлена бѣ мрѣими стѣими ѡпѣи. На .ф. лѣѣ. и. л. и в̄, и пакы възвращаетса. и никакѣ кѡнчатса, 'И сего раѣ не смж-щаѣмса ѡ семь браѣ. Того бо раѣ писѣ еа. Пѣкли и еще ѡмрѣдита мило-стивыи х̄с бгѣ ншѣ. и поѡстѣ намъ грѣшнѣ нѣчто мало. Ѳждама нашего ѡбращеніа и покалнѣа. 'И всако бо чаѣмъ браѣ, на скончаніи сѣмыа ты-сѣща пришествіа х̄ва страшнаго и грознаго. 'Или проѡвленіа нѣкоѡго Никтѣ бо вѣсть того токмо ѣдинъ бгѣ. занѣ самъ гѣ оучнѣкомъ гл̄а. ꙗко зима кончина прѣдетъ. Гіе сѣмаго вѣка скорбѣ проѡвлѣа. И индѣ ѡбо глѣѣ. Се стоить сѣмыи вѣкѣ, да ѡже концю быти. Да того раѣ браѣ кожо наѣ внимаемъ себѣ. и бждемъ готови на всѣ чѣѣ. 'Ожидѡущи страшнаго смртнаго чѣа. и втораго грознаго пришествіа х̄ва. Приведено полностью; статья представляет предисловие или послесловие к пасхалии, составляв шейся кем-то незадолго до наступления 1492 г. Известно, что в 1492 г. эту работу, по поручению и образцу, полученным от митр. Зосимы, выполнял Геннадий, который и составил пасхалию на 70 лет, выведя ее из «альфы»; см. Пам. др.-русск. канонич. права, I², № 119. Описываемая статья относится, по всей вероятности, к его же предыдущему опыту в той же области.

97) л. 62. 'Обиходъ гѡдинѣ. настатьѣ часѡ. в̄ филиппово говѣнѣи.

98) л. 63. 'Иже въ стѣѣ ѡпѣа нашѣ григоріа бгѡслова. втораво слова. Ѳсюдѣ смѣшеніе кваса семѡднѣвно. сѣ бѡ таинѣише числѣ. Л. 63 об.: тогѣ. [к]. г̄. законъ и еѣтва раѣзарѡютса.

99) л. 64. Слова блж̄наго зорававела. 'Ег̄а же ѡсѣде іерлѣмѣ тѣ прѣ халдѣйскыи.

100) л. 65. въ црѣскѣѣ книгѣ писано. азъ ѣсмь ѣвстраѣ, честь и держава римскаа. Сокращенный пересказ из повести об Евстратии-Велизарии. значительно старший, чем ее списки. Напечатан отсюда П. Н. Сакулиным, в статье «Русская повесть о воеводе Евстратии». (Под знаменем науки, юбилейный сборник в честь Н. И. Стороженка (М., 1902), стр. 486).

Рассмотренный состав статей заслуживает название выдающегося не только в силу интереса или редкости отдельных из них, но и в силу их же, не часто встречаемой, традиции: многое здесь было, с очевидностью близко к пережитому моменту, подобрано под его непосредственным веянием.

Это сказалось как на осведомленности составителя в сфере прежнего литературного запаса, откуда вошел ряд тенденциозных текстов-выдержек (напр. статьи: 7, 13, 24, 29, 42, 57), так и на включении нескольких вполне злободневных памятников: таковы статьи 3—5, 16, 17, 96; сказалось даже, когда дело дошло до интимной заметки, касающейся подсчета лет еврейского и фряжского сравнительно с православным. Понятное для времени накануне 1492 г. обилие эсхатологии (статьи 80—89, и др.) гармонирует со статьями, так или иначе посвященными календарным вопросам. Что касается порядка датируемых, точно или приблизительно, статей XV в., то он следующий:

1406 г.	Опис., № 32
1416—1421 гг.	» » 39
до 1422 г.	» » 64
около 1423 г.	» » 29
1472—1475 гг.	» » 33
[после?] 1475 г.	» » 19
1480 г., 13 ноября	» » 26
1480 г., кон.	» » 27
после 1483 г.	» » 35
после 1486 г.	» » 2
1487 г., кон.	» » 5 ¹
1488 г., кон.	» » 25
1489—1490 гг.*	» » 4
1490 г., июль — сентябрь	» » 3
1490 г., 17 октября	» » 16
1490 г., после 17 октября	» » 17
1491 г. или 1490, кон.	» » 79 . . . дата сборника
незадолго до 1492 г.	» » 96

Как видно из приведенного перечня, к его концу хронологические вехи сборника утрачивают характер случайности, какой они имели по отно-

¹ В статье под № 5, л. 6 об. есть хронологическая выкладка, согласно которой протекло «до сих мест» 5621 + 1400 лет, т. е. 7021 год. Но с нею, хотя и указывающею как будто на 1513 г., не приходится считаться, так как вообще она не имеет датирующего значения для посланий Геннадия (к Прохору и к Иоасафу рост.-яросл.). Видимо она была внесена Геннадием с применением круглых цифр, почему и формула счета здесь необычна: «400 лет да тысяча».

шению к более ранним статьям. Резко учатившись около середины 80-х годов XV в., извлекаясь главным образом из материала полемики с новооткрытой ересью, они внезапно обрываются на высшей точке своей частоты. Подобное явление нельзя, разумеется, не оценить, так как нельзя не видеть, что состав прекрасно подтверждает вышеуказанную дату: 1491 (или 1490, кон.) год. Со стороны же палеографических наблюдений, как мы видели, не встретилось препятствий считать сборник не копией с тождественного состава статей, а самим их первооригиналом.

Место сбора статей, за отсутствием об этом пометы, трудно определить с желательной точностью. Но остается все же для выводов большое богатство содержания, позволяющее наметить соответствующую литературную среду и уже отсюда строить дальнейшие предположения. Надлежащая оценка сборника по его составу сама наводит на ответ о том, какая именно среда, какой книжный центр могли в 1491 г. располагать коллекцией столь новых, и позже редких памятников, как соборный приговор 1490 г., поучение Зосимы, «Речи посла цесарева», особая редакция грамоты Геннадия, неизвестное до сих пор «предисловие-послесловие» к псахалии. Такими центрами могли быть, конечно, только места средоточия борьбы с ересью — прежде всего Новгород, где лишь недавно до того закончились геннадиевские «обыски» жидовствующих; в гораздо меньшей степени — Москва и Иосифов Волоколамский монастырь. На Москву в составе сборника как будто указывают деяния собора (поучение и приговор) и отправленный, ведь, Зосиме текст «Речей»; но с неменьшим правом на свежую традицию тех же статей претендует и Новгород, где Геннадий, оставивший у себя, надо полагать, экземпляр «Речей» (недаром он говорит про «список» с них) как нельзя более живо был заинтересован результатами собора на еретиков. И, следует обратить внимание, права Новгорода и особенно новгородского окружения Геннадия получают перевес еще со стороны другой, второстепенной правда, но все-таки заметной струи интересов в сборнике: имеется ряд статей о поставлении на владычество, о мзде за поставление в сан, о достоинстве поставляемых во священство. Все это интересы, в пору формирования сборника чрезвычайно живые для новгородской владычной кафедры, так как над нею, в лице Геннадия, тяготели обвинения в сепаратизме и во мздоимстве, приближая грозившую ей секуляризацию земель. При том предположении, что составителем сборника был один из близких к архиепископу людей, во всяком случае человек сочув-

ствующий и пользующийся возможностью находиться в курсе полемики, объясняется наличием ряда специально «геннадиевских» текстов — литературных источников Геннадия или же выдержек из его грамот. Надо добавить, влияние литературной школы геннадиевского новгородского двора обеспечивало ту диалектическую бесповторность, какую мы находим в сборнике; отсутствие новгородских особенностей языка роднит сборник, хотя бы и известный всего по 65 сохранившимся листам, с Геннадиевской библией и с большинством книг, изготовленных, по заказу или по личной инициативе, на геннадиевском дворе тамошними писцами. Скорее средневеликорусское, чем местное новгородское окружение московского ставленника Геннадия — поскольку дело касалось книг и уставно-церковных порядков, не представляет, конечно, чего-либо странного.

II

ТЕКСТ «РЕЧЕЙ ПОСЛА ЦЕСАРЕВА»¹

Гказыва̃ посѡ цесаревъ | к̃рю. про шпанскѡ корола. а̃ имени емѡ
не помни̃. | тѡ деи корѡ очисти̃ свою землю ѿ ересеи живскы̃ | а̃ за тѣ
королѣ шѣ земѣ. шпанскаа. католонїа. биско | кастелїа. серденїа. корсига.
а̃ тѣ шѣ земѣ всѣ великїе. а̃ тѡ имъ корѡ шпанскои всѣ гър̃. и̃ в тои е̃
зе|мли на шпанїе, тѣ живскїе ереси почали прозабати | и̃ тѡ корѡ шпан-
скои избрѣ̃ великѡ чл̃ка и̃з свой̃ велмѡ | да послѣ̃ послѡ к папѣ к римскомѡ,
что тѣ еретїство | въ его землѣ в великї̃ людѣ, в бискѡпѣ̃, и̃ въ архима|н-
ритѣ̃. и̃ в попѣ̃, и̃ въ црковны̃ людѣ. и̃ в миранѣ̃ въ | многы̃ почало про-
забати. и̃ папа рїскыи с тѣ̃ | е̃ послѣ̃ послѣ̃ двѡ̃ пискѡ великї̃ людеи
к томѡ шпанскомѡ королю въ его землѣ тѣ̃ лиха и̃скати. и̃ ка̃ | ѿ папы
двѣ̃ бискѡпа пришли. и̃ корѡ шпанскои | к папины̃ бискѣ̃ избрѣ̃ свой̃ двѣ̃
бискѡпа великїе | да̃ два бо̃рина болшы̃ свой̃, кои по̃ тѣ̃ корелѣ̃ (sic) всѣ̃ |
тѣ̃ земли держѣ̃. да̃ велѣ̃ имъ с папиными бискѡп[ы] | тѡ̃ лиха обыски-
вати. и̃ папины би|скѡпы и̃ ко||ролевы, и̃ королевѣ̃ бо̃аре, с̃быскали в налѣ̃.
двѡ̃ би | скѡпѡ̃ королевѣ̃. да̃ и̃ казнили многым̃ иказнми | и̃ многыми ранами
да̃ и̃ сѡгли. да̃ после тѡ̃ ѡбы|скали шѣ̃ архимандритѡ̃, и̃ попѡ̃ и̃ игѡменѡ̃. а̃
по | тамошнемѡ̃ зовѣ̃ ихъ ѡбаты. да̃ тѣ̃ казнили не|мл̃тиво да̃ и̃ сѡгли. да̃

¹ Варианты некоторых букв (в, е, и, т, ъ) не воспроизводятся. В квадратных скобках — стертые чтения, восстановленные по смыслу контекста. Начальный инициал С и разделительные знаки «абзацев» || (над точкою) в подлиннике киноварью. Последние здесь не воспроизводятся.

после тѣ боаръ ѡбыскали ѥ земледержьщѣ, ѥ попоѣ ѥ мирскѣ людѣи. | ѥ црковныѣ людѣи многѣи. да мѣчили ѥ многими | розными мѣками. да ѥ перѣгли всѣхъ. а всѣхъ тѣхъ | ѡбыскали в тои ереси, бискѣпоѣ ѥ боаръ, ѥ архи-мандритоѣ ѥ попоѣ, ѥ земледержьщѣ, ѥ мирскѣи | людеи ѥ малыѣ ѥ великѣи с четыре тысащи. да тѣ | всѣ съжжены. а животы ѥ [ѥ ѥ]мѣнѣа на ко-рола | поймали. а ѥныѣ лихѣ ко[ѥ] не поспѣли поймати ѥ тѣ стѣпили и зъ земли вонъ безъ вѣсти. а | животы ѥ ѥ ѥмѣнѣа на корола поймали. а ѥже томѣ четвертои го ка тѣхъ лихѣ ѡбыскали да | ѥ перѣгли. а ѥ нѣтъ ѥ сѣднѣи тѣ папины два бискѣпа ѥ корола живѣхъ. ѥ папа ѣздити к себѣ не | велѣ. а корѣ ихъ прѣ ѡ себе не ѡпѣсти. а лихѣ | та и ѡбыскиваю. да хотѣ ихъ ѥскоренити. | чтобы то лихо в тѣхъ землѣ не было. а вѣра ѥ | тѣ корола латинскаа. а бискѣпы папины | тѣхъ живѣ не емлю. а корѣ деи ѥмъ хочѣ дати многое | мноѣство. ка ѥ станѣ прѣ ѡпѣщати. | а тѣ деи земли на запаѣ за французскѣи королевствомъ, | спелса рѣбѣ с рѣбежѣ. а слава деи ѥ хвала тѣ | шпанскѣи корола пошла по всѣхъ землѣ по латинскѣи вѣрѣ, что на лихѣи крѣпко стѣи. да ѥже | деи въ ѥго землѣ лихѣи мало чюти : †

О тождестве текста «Речей» с тем, который упоминался Геннадием, вопрос мог бы идти разве только как о тождестве редакционном, да и то по внешне-формальной причине — поскольку их посылный экземпляр не сохранился, а в грамоте Геннадия вместо «Юрья» сказано «ми». Что Геннадий выслушал устный рассказ посла не совсем в том выдержанном виде записи, какая была вслед за тем сделана, это вполне понятно при любом способе передачи рассказа: через переводчика ли, или непосредственно на славянском языке, у иностранца посла, конечно далеко не совпадающем с чисто великорусским языком найденной записи.¹ Но существование различающихся между собою записей, из которых одна была отправлена Зосиме, а другая сохранилась в списке 1491 или даже конца 1490 г., — ожидать не приходится, особенно ввиду документального значения текста «Речей» и выясненной выше современности имеющегося списка посылному их же экземпляру. Хотя имя рассказчика не названо, указать, кто

¹ О знании рассказчиком «русского» языка говорится в одной посольской грамоте 1505 г.: «... а были нѣкоторые разумѣющѣ языкъ руской — тѣхъ не стало, также и Юрья Делатора не стало»... Памятники дипломатическихъ сношений, СПб., 1851, т. I, ст. 130. Об относительности понятия «русский» языкъ см.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., СПб., 1903, стр. 36—37.

«посол цесарев», легко в пользу посла императора Максимилиана I, Георгия Делятора (*della Torro*), проезжавшего через Новгород летом и, обратный путь, осенью 1490 г.; Геннадий явно смотрит на «Речи», как на свежую новость, долженствующую оказать свое влияние на великокняжескую антицерковную политику.¹ И вперед и обратно цесарский посол ехал вместе с послом вел. князя Ивана III к императору, Юрием Мануиловичем Траханиотом или же «Юрием Греком» современной дипломатической переписки. Естественно думать далее, что если Г. Делятор представлялся, будучи в Новгороде, местному архиепископу, то был соблюден этикет, т. е. при аудиенции присутствовало высшее должностное лицо русского посольства. Аудиенция в иной обстановке оказалась бы, пожалуй, даже небезопасна для Геннадия, при тех натянутых отношениях, какие к 1490 г., установились у него с правительством, точнее — с влиявшей тогда на события придворною партией. Влиянием при дворе пользовался жидовствующий Федор Курицын, дьяк, ведавший важными посольскими делами, и вокруг себя сгруппировавший не только еретиков-попов и разных служилых людей, но и некоторых членов великокняжеской семьи. Политический смысл влияния заключался в борьбе между младшей и старшей линиями наследников на престол. На одной стороне, покровительствуемой самим Иваном, находились малолетний внук и сноха (невестка) великого князя, на другой — жена и сын. Приверженцами этой последней партии должны были являться также окружавшие вел. княгиню Софью греки, в частности семейство Траханиотов, с самого начала близко стоявшее к ней, бывшей византийской принцессе. Братья Траханиоты, Димитрий и Георгий (Юрий) выполняли в свое время роль посредников-сватов Ивана III. Стоит лишь сопоставить несомненную близость Траханиотов к римской курии и сочувствие тех же Траханиотов Геннадию,² чтобы безошибочно усмотреть в свидании Геннадия с Г. Делятором, рассказывающим об инквизиции, инициативу Юрия Траханиота. Неудивительно, если имя последнего

¹ Неудачное понимание под «послом цесаревым» Николая Поппеля (1486, 1488 гг., см.: Е. Е. Голубинский. История русской церкви, II, 571, прим.) опровергнуто Л. Н. Майковым: Последние труды, II (Изв. ОРЯС за 1900, кн. 2, стр. 386—387). Поппель приезжал оба раза при митроп. Геронтии, тогда как Геннадий сообщает о «Речах» Зосиме в антураже последних новгородских событий. Особенно неудачна ссылка Голубинского на 1486 г., когда ересь жидовствующих еще не была раскрыта.

² О «сообщничестве» Геннадия с Траханиотами говорит Степенная книга (XI степень). ПСРЯ, т. XXI₂, стр. 367.

возглавляет собою запись «Речей»: он — лицо ответственное за подлинный текст и смысл рассказываемого. Такой официальный и авторитетный свидетель был нужен находящемуся под подозрением Геннадию. Здесь следует принять во внимание два обстоятельства: во-первых, что нельзя было поручиться за полноту соответствия рассказа фактам — послом он, видимо, передавался по наслышке и без подготовки, причем не упоминалось, как это ни странно, имя испанского короля, одного из видных государей Европы;¹ во-вторых, что в рассказе имелась, помимо религиозной, задевавшая интересы Геннадия экономическая тенденция. Многое здесь объясняется из особенностей тяжелого, богатого сложными переживаниями времени, когда новгородская Софийская кафедра, переданная уже московским ставленникам, принуждена была отстаивать свои имущественные права в их прежнем традиционном объеме.

Вслед за Феофилом, последним выборным новгородским ставленником, идет после перерыва непродолжительное святительство слабого умом Сергия (1483—1484 гг.). Несмотря на эту мимолетность управления, Сергий оставил по себе печальную память: «... приѣде съ Москвы отъ великого князя Ивана Васильевича изъ его руцѣ... и многы игумены и попы испродаде, и многы новыя пошлыны введе».² Мало того, про него сложилась легенда с враждебным Москве замыслом. Сергия стали посещать, во сне и на яву, погребенные в Софийском соборе владыки и обличали «... безумное дерзнутие на поставление святительства ему, яко презрѣвшу и поруганно оставльшу положенныя каноны святителями, отци, въ нихъ же глаголетъ: яко живу сущу епископу и неяту бывшю, ни обличенну ересьми или инѣми вещьми, подобными изверженіа и неправедно ни по правиламъ изгнану бывшю, не подобаетъ иному на престоль его мучительскы держати...».³

И по отношению к Геннадию, преемнику Сергия, мотивы недовольства имели свою идейно-лицевую сторону. Феофил уже скончался, и теперь даже условно нельзя было применить вышенаведенную ссылку. Зато, также в канонических терминах Кормчей, Геннадия встретили толками, что он купил Софийскую кафедру, поставлен по корысти и по мзде, а не по до-

¹ Фердинанд Католик, с 1479 г. Еще более возможна здесь неточность в цифре сожженных, «около 4.000». Ср. цифровые данные напр. по Еврейской энциклопедии (СПб.), т. VIII, 174—180.

² ПСРЛ, V, 41 (Псковская летопись).

³ Там же, 42.

стоинству. Упрек, идущий из запаса давних стригольнических идей, чрезвычайно затруднявший положение Геннадия в борьбе с посягательствами на кафедральное имущество. В унисон с принципиальными мотивами, как права церкви и кафедры, у него и у его противников все время прорываются мотивы личные («святокупство», корыстолюбие), почему и защита первых сопряжена для Геннадия с самооправданиями.

Не дальше, чем в 1485 г., когда он в качестве новопоставленного обследовал владения своей кафедры, ему, наряду с хлопотами о земле св. Софии, приходилось писать не только «от канонов», но и *pro domo sua*. Таково послание, сохранившееся от его переписки с кн. Борисом Волоцким. В послании характерно совмещение претензии на «...землицу... туто на Волоцѣ...» с необходимостью опровергать упрек в недостойнстве, брошенный на основании «апостольских правил» (Кормчей?): «...что еси, господине, писалъ... рекши: язъ принялъ имѣніемъ санъ святительскій, или мірскихъ князей помощію; ино ото обоего того зазора чюдждь есмь...».¹ Крайне неудачный административный дебют Геннадия по отношению к Пскову, вызвавший там целый мятеж (кон. 1485 г.), как нельзя хуже повредил его репутации, задев ту искони оппозиционную часть епархии, откуда шла, по старой памяти, формулировка обвинения в недостойнстве. За все последующее время Псков смотрел на Геннадия несочувственно.

Но всю тяжесть, лежащую на его плечах, можно представить, лишь учтя наличность противоположного враждебного фронта — секуляризаторской тактики Ивана III. Феофил был сведен в 1480 г. из-за «нелюбья» по поводу первой секуляризации (1478 г.), когда отобрано, помимо монастырских, десять кафедральных волостей. С того же приблизительно времени начинается по новгородской епархии перепись владычных и монастырских земель; сначала она, с разрешения вел. князя, велась своими, местными средствами, но затем — около 1490—91 г., т. е. момента «Речей» — эта льгота Иваном взята обратно, и к делу приступили московские чиновники. Кончилось, как известно, новою секуляризацией, гораздо более чувствительною для кафедры, чем первая.²

¹ Пам. др.-русск. канонич. права, I², 754—755.

² А. С. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, Од., 1871, стр. 32 и сл.; см. также: Б. Д. Греков. Новгородский Дом св. Софии. Записки Ист.-Филологич. факультета СПб. универс., ч. 120 (СПб., 1914), стр. 246—247.

Когда в 1487 г. Геннадием была обнаружена ересь жидовствующих, положение особенно резко ухудшилось. Теперь его самого начинают публично обзывать еретиком, рассылая бранные грамоты «без числа»: и по новгородской епархии, и по московской земле, и по иным городам. Это сведение относится собственно к стригольнику Захару, игумену одного из псковских монастырей (Немчинова), который в личной беседе с Геннадием возвел ересь «святокупства» на всех священнослужителей церкви во главе с митрополитом; во множестве не дошедших, очевидно, вследствие беспощадного отбора и уничтожения, грамот Захар «лаял беспрестанно» в течение трех слишком лет, 1487—1490, — лет раскрытия секты жидовствующих и двух ее обысков. Нет никакого сомнения, что действуя настолько смело, Захар опирался на помощь жидовствующих и даже, как догадывался Геннадий, был освобожден перед тем из заточения по ходатайству кого-то из придворных врагов его, Геннадия. Неизвестно точно, насколько прикнул к «жидовству» Захар, и как поэтому понимать роль «ересем начальника», какую ему приписывает судебный акт (приговор) собора 1490 г., но что вплоть до суда он вел собственную стригольническую линию, — это несомненно. Жидовствующие направили его против своего главного врага, а в то же время умело тормозили ход следствия встречным обвинением, которое вполне согласовалось с идейными нападками на симонию: «...били есте челомъ», гласит соборный приговор: «на Генадіа архієпископа о томъ что, рекши, онъ васъ ималь и мучилъ изо имѣнія, да грабилъ животы ваши».¹ Непосредственно перед тем Геннадий жалуется в грамоте к собору владык: «... а нынѣ на меня лжу швиваютъ, моему обыску вѣры не имутъ. А то вѣдь печалованье! Еретикомъ ли было облыгати наше святительство? А которой такъ за себя скажетъ? А коли сказалъ, и они доискиваются иныхъ, а тотъ уже готовъ, — въ рукахъ, да томѣ ужъ вѣры не имутъ, что тотъ не вретъ».² Т. е. и тут, как и по поводу Захара, действовало чье-то ходатайство, указывалось на ненадежность следователя, чуть ли не способного изобрести ради вымогательства ересь. И тактика эта, удачная до того, что не верили признанию обличенных и ждали опровержений от других, усвоена с первых шагов борьбы, вскрывая таким образом лишний раз большую приспособляемость жидовствующих к окружающим условиям

¹ Чтения в Общ. ист. и древн. росс. 1902, кн. III, отд. 2, стр. 124.

² Пам. др.-русск. канонич. права, I², 780—781.

и, кроме того, их повадку пользоваться чужими по происхождению приемами и аргументами.¹ Еще в великокняжеской грамоте от 13 февраля 1488 г. производство нового, второго обыска обуславливается тем, чтобы имущество всех, кто впредь будет привлечен к следствию, переписывалось в присутствии правительственного чиновника, а описи присылались к великому князю.² В конечном счете, доносы и подозрения сделали свое дело. Не без их закулисного влияния оказался результат московского суда над еретиками, далекий от надежд Геннадия «жечи да вешати».³

Нетрудно видеть, как в обстановке этой личной вражды ослаблялась его оборонительная позиция: кафедральным имуществам Новгорода угрожали оттуда же, где медлили казнить еретиков и куда Геннадию, главному свидетелю и обвинителю в процессе, не велели являться, несмотря на немаловажные поводы приехать в Москву.⁴ Роль заочного, по крайней мере, воздействия, в глазах Геннадия необходимого перед началом соборного суда, предназначалась «Речам посла цесарева». Имелось в виду, чтобы митрополит о них «великому князю пристойно говорил». В пример, заслуживающий подражания и долженствующий деликатно пристыдить Ивана III с его церковной политикой, возводится церковная политика «шпанского короля». Тот не только-де сам, по собственной инициативе, беспощадно преследует «жидовские ереси», но и вознаграждает имуществом казенных духовенство — инквизиторов, так как они на местах следствия казнят лишь, а «живот [имущество] не емлют». Процесс протекает при полном единодушии властей духовной и светской, при участии первых сановников короля («два боярина болших, кои под тем королем все те земли держат») и к обоюдной выгоде церкви и государства: и ересь жидовствующих уничтожена, и еретические имущества взяты в казну, откуда уже королем частью даны в награду бискупам. Образ действий шпанского короля не мог не показаться идеальным Геннадию: тут и не возникали недоверие, доносы на следователя, вопрос о лихоимстве. Инквизиционные конфискации имущества еретиков при этом невольно противопоставлялись секуляризациям Ивана III. Насколько высоко иноверный латинский государь превзошел православного,

¹ Ср. послание Геннадия к Иоасафу рост.-яросл., где говорится о «мессалианских мудрствованиях» (точнее — приемах) еретиков. Чт. в Общ. ист. и древн. рос., 1880, кн. III.

² Пам. др.-руск. канонич. права, I², 761.

³ Там же, 784.

⁴ Там же, 765.

который — увы! — даже исконное достояние церкви раз отобрал, не удовлетворился этим, и собирался описывать и отбирать вторично...¹

Мы вправе считать «Речи посла цесарева» как бы идущими из уст самого Геннадия, настолько созвучна оказалась запись рассказа его наиболее задушевным скорбям. Но в то же время «Речи» — замечательный памятник католического влияния в Новгороде, на архиепископском дворе. Так незаметно прокрадывалась сюда пропаганда, рекомендуя свои услуги и своих агентов по вопросу, казалось бы, нейтральному, далекому от жгучих вероисповедных различий между Римом и Русью: о преследовании врагов христианства, жидовствующих. Никакого вывода из живописуемой ими картины истребления еретиков и союза светского государя с папою «Речи», правда, не делают. Но это не мешает косвенно им служить идее унии, — если перевести мотив о конкордате на язык римо-русских отношений.

¹ В «Речах» усматривается несколько аналогий между испанским и русским «жидовством», объясняющих обостренный интерес Геннадия к институту инквизиции, о котором он услышал от Г. Делятора, но в то же время требующих проверки своей объективности. Возникновение и строй испанской инквизиции кон. XV в., в меру ее изображения «Речами», вкратце сводятся к следующему (материал для сличений взят по С. Г. Лозинскому, История инквизиции в Испании, СПб., 1914 — переработка R. Lea. A History of the Inquisition of Spain): А. Установлено, что инквизиция вспыхнула на горячей почве борьбы с иудействующими выкрестами, т. наз. марранами, *шагáнос*; сущность ереси составляли их рационализм и безверие, а возбуждение против них испанского общества питалось экономической и кастовой враждой. Характер ереси, как она обрисовывается по индексу примет еретика, изданному в качестве практического руководства при розыске, — выдержанный иудейский; этою ее характеристикой, не исчерпывая конечно генезиса движения, индекс предопределил инквизицию и в ближайшие за собою годы, как борьбу с иудейством, тающим среди «ложных христиан» (терминология папских булл); лишь с завоеванием Гренады (1491—1492 гг.) видным объектом гонений сделалась также мусульмане-мавры. Но это время, очевидно, выходит за предел возможного отражения в «Речах»; аналогия же с «ложными христианами», среди которых таится юдаизм, была Геннадием воспринята тем охотнее, что он сам обвинял жидовствующих в «ложном христианстве»: «... а они ся зовут христиане, да человек разумному — и они ся не явятъ». Пам. др.-русс. канонич. права, I², 784. — Б. Ересь захватила высший слой общества. Среди *шагáнос* насчитывалось немало богатых купцов, промышленников, землевладельцев. Входя в дворянское сословие и пользуясь всеми его привилегиями, *шагáнос* достигали высших государственных должностей, а те из них, кто предпочел церковную карьеру, иногда занимали епископские посты. «Речи», действительно, не только говорят о многом множестве еретиков, но и указывают на их социальный состав, именно на «великих людей — бояр, земледержцев», а с другой стороны, на «бискупов, архимандритов и попов». Опять очевидна сила тенденциозной аналогии: русское движение жидовствующих появилось среди духовенства, а поддерживалось влиятельными людьми при дворе Ивана III. — В. Вместе с первыми действиями инквизиции началось массовое бегство *шагáнос* из Испании. «Речи» точны и в данном случае, отмечая факты бегства и конфискацию имущества бежавших: «а иные лихие ко[их] не поспели поимати, и те ступили из земли нон без вести, а животы их и имениа на короля поимали». В меньшем¹

Мы не знаем, довел ли их митроп. Зосима до сведения Ивана III и произвели ли они какое-нибудь действие. Конечно, инквизиция не привилась у русских отнюдь не в силу «сравнительной мягкости славянской натуры»,¹ а лишь в силу отсутствия аналогичных западноевропейским общественным взаимоотношений, экономических и культурно-религиозных. Когда указывают на казнь, устроенную Геннадием (на головах еретиков были надеты и сожжены берестяные шлемы, может быть, подражание испанской согоза), то упускают из вида оправдывавшие, несомненно, Геннадия византийские в том же духе прецеденты сожжений с предшествующими позорными процедурами. Но под покровительством практики византийского церковного права могли не без успеха и католические эмиссары предлагать то или иное из инквизиционного опыта и обихода. Как бы то ни было, хотя ограниченное членовредительством, ауто-да-фэ все же состоялось: Геннадий, по словам местных летописцев, «...повелѣ их [еретиков] жечи на Духовском поле».²

конечно, количестве, но аналогичные случаи наблюдались Геннадием, так как новгородские жидовствующие тоже бежали от обысков, сначала в Москву, позже за литовский рубеж. Пам. др.-русс. канонич. права, I², 772; «Просветитель» Иосифа Волоколамского, изд. 3 (Каз., 1903), 37—38. — Г. Конфискация является своего рода жизненным нервом, проходящим через весь инквизиционный строй. Еще в 1478 г. задуманной папою Сикстом IV инквизиции испанская корона придала характер вполне казенного ведомства: назначает инквизиторов светская королевская власть; конфискованное имущество еретиков поступает в собственность государственной казны. Вскоре последовали протесты со стороны Сикста IV. В действиях новой инквизиции он усматривает скорее грабеж, чем «акт веры», *actus fidei*; он пишет о многих жалобах, поступивших в римскую курию, и требует, чтобы впредь в трибуналах было дано место его делегатам. По словам папы, испанские инквизиторы руководятся «*non zelo fidei et salutis animarum, sed lucri cupiditate*»; вся суть процесса сводится к тому, что подсудимые, часто по оговору рабов, соперников, заведомых клеветников «*bonis et beneficiis spoliantur et traduntur curiae vaesulari et per illam ultimo supplicio officiantur*». В «Речах» нет ни намека на корыстолюбие инквизиторов, но правильно изображается светский уклад инквизиционного института. — Д. Из документов явствует непрерывный ряд поражений курии в пользу короля. Здесь своим освещением инквизиции (посольство в Рим, высылка оттуда епископов, радушный прием и королевские им милости) «Речи» значительно расходятся с историей. На фоне общей их верности смыслу событий (ср. предыдущие рубрики) это расхождение едва ли случайно. Супрематия папы по отношению к испанской инквизиции кон. XV в. осталась не более, чем не претворенным в жизнь идеалом папских сторонников.

¹ Славянофильская точка зрения Ор. Миллера, — Вопрос о направлении Иосифа Волоколамского. Журн. Мин. нар. проsv., 1868 (ч. СХХХVII, февраль, стр. 527—545).

² ПСРЛ, III, 143, 184, 244 (II и III Новгородские). Соображения относительно процессии осужденных жидовствующих, посаженных на лошадей задом наперед («Просветитель», назв. изд., 43) приводились Н. П. Поповым: Афанасиевский извод повести о Варлааме и Иоасафе. Изв. ОРЯС, т. XXXI (Лен. 1926), стр. 221.

И. П. ЕРЕМИН

Из истории старинной русской повести

Повесть о посаднике Щиле

(Исследование и тексты)

I

Повесть о посаднике Щиле впервые была издана Н. И. Костомаровым в 1860 г. в первом выпуске «Памятников старинной русской литературы» Г. Кушелева-Безбородка по спискам Публичной библиотеки Толстовского собрания: Q. XVII. 67, сб. к. XVI — нач. XVII в. (стр. 21—22) и F. I. 323, Синодику к. XVII в. (с. 22—24). Титла Н. И. Костомаровым раскрыты, орфография списков модернизирована. Издание не всегда точно в передаче рукописного оригинала.

В 1879 г. была переиздана — И. А. Шляпкиным по Синодику 1681 г. в приложении к его «Описи рукописей и книг Музея Археологической комиссии при Псковском губернском статистическом комитете», Псков, 1879, с. 1—8 (отд. оттиск из № 39 Псковских губ. вед. за 1879 г.).

В 1890 г. — И. Гольшевым по списку 1746 г. См. его «Альбом рукописного Синодика 1746 года», Гольшевка, 1890, с. 5.

В 1892 г. — Х. М. Лопаревым в первом выпуске его «Описания рукописей Общества любителей древней письменности» по рукописи Об-ва F.СЛШ, XVII в. (с. 302—308) — точно и с сохранением всех орфографических особенностей рукописного оригинала.

В 1898 г. — в пересказе и отрывках по рукоп. собр. Плюшкина, № 225, XVII в., в неофициальной части «Псковских губернских ведомостей», № 37, с. 1—2. См. W. (Василев), «Материалы для истории Псковской страны».

В 1907 г. — В. Н. Перетцом в Приложениях к киевским «Университетским известиям» № 8 по рукописям: Московск. Рум. муз. № 2771, XVIII в. (с. 40—44), Черниговской духовной семинарии № 89, XIX в. (с. 44—47) и № 83, XVIII в. (с. 47—48).

Наконец, в 1911 г. — Ан. Титовым по двум спискам XVIII в. собственного собрания. См. его брошюру «Повесть о Щиле (Новгородское сказание)», Москва, Печатня А. И. Снегиревой, 1911, VII—+ 24.

Первой попыткой научного анализа повести о посаднике Щиле, повидимому, следует считать краткую заметку о ней автора «Опыта о посадниках новгородских», Москва, 1821 (Дополнения, с. 303—305). Эта заметка сводится к пересказу сюжета повести по спискам Толстовского собрания № 107 (пыне — F. I. 323), № 72 (F. I. 407), № 195 (Q. XVII, 67) и к анализу ее исторической основы. По мнению автора, повесть о Щиле отражает собою определенное историческое событие, отмеченное новгородскими летописями, — основание новгородского Покровского монастыря мшихом Олоняем Шилом или Щилом.

Противоречивые показания летописей и повести относительно личности Щила понимаются автором в том смысле, что Щил был посадником, впоследствии принявшим монашеский чин. Основание монастыря он относит к 1410 г., опираясь в данном случае, повидимому, не только на свидетельство Летописца новгородского церквам божиим, но и на авторитет Амвросия.¹

В 1859 г. мимоходом коснулся повести Ф. Буслав в своей речи «О пародной поэзии в древнерусской литературе» (Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II, СПб., 1861, с. 58—60). Ф. И. Буслав решительно отнес повесть о Щиле к памятникам «народной» поэзии и указал на ее тесную связь с древнерусским искусством, в частности, живописью. «Повествование о Щиле — говорит Ф. И. Буслав — принадлежит столько же истории народной поэзии, сколько и истории живописи. Это эпизод из народного стиха о страшном суде, и вместе, из иконописного изображения того же предмета. Повествование имеет предметом не вечную казнь над лихоимцем, а моление о том, чтоб душа его избавилась от казни, которая — как известно из старинных иконописных подлинников — для лихоимцев состоит в том, что бесы льют им в горло, а они сидят в огне, не хотят пить и отворачиваются» (с. 59).

¹ История российской иерархии. ч. VI, М., 1815, с. 728

Н. И. Костомаров в своем «Объяснении» к изданным текстам, вслед за автором «Опыта о посадниках новгородских», считает вполне возможным отождествление героя повести с историческим мнихом Олонием Щилом, основателем новгородского Покровского монастыря. Самое событие он относит, однако, не к 1410 г., а к 1309 (sic!) г., т. е. к эпохе архиепископа новгородского Давида (1307—1324), ссылаясь на свидетельство 4-й новгородской летописи под 6818 г. (= 1310 г.).¹ Что касается имени упоминаемого повестью архиепископа новгородского Иоанна, то оно, по мнению Н. И. Костомарова, вероятно, в позднейшее время «у переписчиков изменилось из имени Давида в имя Иоанна» (с. 25). «Способ наказания, какое постигает Щила — полагает Н. И. Костомаров — указывает на подмесь к церковным понятиям каких-то своеобразных народных» (с. 26).

Вопросом о редакциях повести впервые заинтересовался Х. М. Лопарев. Он различает три редакции. Представителями первой, очевидно, древнейшей редакции Х. М. Лопарев считает изданный Н. И. Костомаровым список Публичной библ. Q. XVII. 67 и, ошибочно, Погод. № 1601; второй — изданный Н. И. Костомаровым список Публичной библ. F. I. 323 и Погод. № 1551. К третьей редакции он относит опубликованный им список О-ва древней письменности F. CLIII. Эта последняя редакция, по наблюдениям Х. М. Лопарева, «содержит в себе все черты обеих редакций с прибавлением некоторых новых» (Описание рукоп. ОДП, I, 1892, с. 302).

Е. В. Петухов в своей работе «Очерки из литературной истории Синодика», ОДП, CVIII, 1895, вслед за Х. М. Лопаревым, различает три редакции повести. Первую редакцию (Q. XVII. 67) он считает древнейшей из дошедших до нас. По его мнению, она — новгородского происхождения и возникла во всяком случае не позже 1681 г.; позже этого года первая редакция не могла бы упомянуть о том, что Щилов монастырь «и донныне стоит», так как в 1681 г. этот монастырь уже утратил свою самостоятельность (с. 223—224).

Вторая редакция повести (F. I. 323), пишет Е. В. Петухов, «явилась позднее первой и на ее основании; то, что имеется в ней сверх первой редакции, не представляется новым с фактической стороны, а есть лишь литературное развитие того, что оказалось в этой последней» (с. 223). Отсутствие во второй редакции ряда фактических данных, характерных для

¹ Ср. Н. И. Костомаров. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада, т. II, СПб., 1863, с. 336.

первой, по мнению Е. В. Петухова, доказывает ее новгородское происхождение.

Третья редакция (ОДП, F. CLIII) — «литературное развитие двух первых» (с. 224—225).

Вслед за своими предшественниками, Е. В. Петухов не сомневается в том, что повесть о посаднике Щиля отражает собою определенный исторический факт, именно, основание Покровского монастыря в окрестностях Новгорода мнихом Олонием Щилом. Перечисляя летописные свидетельства об этом событии, Е. В. Петухов отметил, что новгородские летописи, первая, вторая и четвертая, относят основание монастыря к 1310 г., т. е. эпохе архиепископа новгородского Давида (1309—1325), а третья (Летописец новгородский церквам божим), по какому-то странному недоразумению, не только к 1310 г., но и к 1410 г. — «при архиепископе Иоанне». Исходя из того предположения, что упоминаемый всеми тремя редакциями повести архиепископ Иоанн — Иоанн II, занимавший новгородскую кафедру с 1388 по 1415 г., Е. В. Петухов первоначально, следовательно, достоверным считает известие Летописца новгородского церквам божим под 1410 (6918) г. «Сравнительный перевес количества летописных данных за 1310 год — пишет он — не может иметь большого значения в виду зависимости их от одного источника. При предпочтении же 1310 года пришлось бы встретиться с гораздо более значительными затруднениями, так как было бы необходимо не только игнорировать известие «Летописца новгородским церквам» о 1410 годе во всем его объеме, но и считать ошибкой упоминание имени архиепископа Иоанна в разных редакциях повести о Щиля» (с. 227).¹

Считая Щиля повести лицом историческим, Е. В. Петухов, однако, не ручается за историчность его «посадничества», так как новгородские летописи ни разу не называют его посадником (с. 225). Автор повести, называя Щиля посадником, — полагает Е. В. Петухов — очевидно, следовал народной легенде (с. 228).

Вероятными литературными источниками повести о Щиля Е. В. Петухов считает повесть о Павле Простом и его ученике и сказание Римского патерика о мздоимце Валентине (с. 221).

¹ Ср. П. Мрочек-Дроздовский. Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды, М., 1881, с. 13—14, 142—144.

А. де-Витт, автор первого в нашей науке специального исследования повести о Щиле («Повесть о новгородском посаднике Щиле»¹ — Известия отд. рус. яз. и словесности Академии Наук за 1913 г., кн. 2, с. 88—114) ставит себе такую задачу: строго разграничив две сферы бытописания — летописную и повестную и сопоставив данные проделанного анализа, ответить на следующие вопросы: «1) тождественен ли Щил, герой повести, со Щилом, основателем монастыря, о котором говорит летопись, и 2) действительно ли герой повести является лицом историческим?» (с. 88—89).

Анализ «сфер бытописания» исчерпывается подробным пересказом сюжета повести и повторением мнений отдельных исследователей по тому или иному вопросу. По вопросу о редакциях повести А. де-Витт целиком присоединяется к мнению Е. В. Петухова; вслед за ним классифицирует изданные списки на три редакции; первую (Q. XVII. 67) считает древнейшей и по происхождению новгородской, вторую (F. I. 323) — более поздней и не новгородского происхождения, третью — компиляцией первых двух «возможно... новгородского происхождения» (с. 89—99).

Время основания Щиловой обители А. де-Витт, ссылаясь на Н. И. Костомарова, относит к 1310 году; время возникновения «повести» (трудно понять, что автор понимает под словом повесть, легенда — книжное сказание или устную легенду о Щиле) — к началу второй четверти или даже к концу первой четверти XV века — «сказание — пишет автор — тесно связано с именем архиепископа Иоанна, поэтому оно могло зародиться лишь после Иоанна, т. е. не ранее, как после 1417 г.» (с. 100); в сказании упоминаются деньги и гривны, следовательно, сказание появилось тогда, когда деньги новгородской чеканки уже успели войти во всеобщее употребление, т. е. после 1447 г. и во всяком случае не ранее 1420 г. (с. 100—101).

Сопоставление этих дат — основания монастыря и возникновения повести, по мнению А. де-Витт, свидетельствует о том, что «легенда не может относиться к историческому Щилу уже потому, что ко времени ее возникновения об историческом Щиле не существовало ни малейшего воспоминания» (с. 102) и доказывает, что «повесть не связана ни с основанием монастыря, хотя и говорит о нем, ни с личностью строителя» (с. 104).

¹ Доклад, прочитанный на XV Археологическом съезде в Новгороде 26 июля 1911 г.

По мнению А. де-Витт, источником повести о Щиле явилось не воспоминание об историческом мнихе Щиле, а иконография — предполагаемые автором «фрески» Щилова монастырь», изображающие мучения в аду грешника лихоимца.

Подробный критический анализ этой теории А. де-Витт дадим несколько ниже.

Вот приблизительно все, что до сих пор было сделано по изучению повести о посаднике Щиле. Что же осталось сделать?

Прежде всего, необходимо, изучив весь доступный рукописный материал, совершенно заново пересмотреть вопрос о редакциях повести, в связи с теорией А. де-Витт пересмотреть также вопрос об исторических предпосылках повести, времени, месте и обстоятельствах ее возникновения, выяснить источники повести, подготовить критическое издание всех редакций повести, основанное на тщательном изучении всех доступных нам списков.

II

Приступая к анализу вопроса о литературной судьбе повести о посаднике Щиле, спешу заранее оговориться, что предметом моего изучения будут только редакции повести и варианты этих редакций, если они окажутся; вопрос о генеалогии отдельных списков, как не укладывающийся в тесные рамки моего исследования, оставляю в стороне.

Судя по доступным мне спискам повести, она дошла до нас в шести редакциях.

Первая редакция известна мне только по следующим трем спискам:

1) Рукоп. Ленингр. гос. публ. библ. Ф. XVII. 67 (Толст., II, 195), Сб. к. XVI — нач. XVII в., л. 77 об. (изд. Н. Костомаровым в Пам. старин. рус. лит. I, СПб., 1860, 21—22) — Сказание о Щиловѣ монастырѣ иже в великом Новѣграде.

2) Рукоп. А. Титова XVIII в. (изд. А. Тиговым в его брошюре — Повесть о Щиле, М., 1911, 22—24) — Повѣсть о посадницѣ Щилѣ.

3) Рукоп. Ленингр. публ. библ., собр. Титова, № 2080, Сб. XVIII в., л. 8 об. — л. 11 об. — Сказание о лихвенномъ собрании.

Все эти списки восходят к общему протографу, причем № 1 и 2, почти буквально совпадающие между собою, передают его лучше № 3 (см. текст 1). Имеем ли мы право рассматривать протограф этих списков

как архетип редакции? — Вряд ли. В архетипе следующий отрывок, конечно, читался исправно: «Вопросившу же архиепископу Щила от какова имени воздвигну (божию) церков. Егда совершена бысть церкви, Щил же моли архиепископа освятити церков. Понеже о том вначале не спросил его, егда спроси благословенне». Здесь текст явно обесмыслен и требует перестановки. См. также: «Святитель же повеле ему молити бога... во беднии пребывати... сорокоусты дати... милостыню безпрестанно творити — егда же совершатся 40 дней, придет, возвести нашему смирению». В этом отрывке мы имеем дело с деформированной прямой речью архиепископа. К подробной аналizu этой редакции мы еще не раз вернемся. Пока отмечу только, что время возникновения архетипного текста первой редакции мы смело можем уже теперь отодвинуть к XVI веку (см. № 1).

Вторая редакция повести известна мне по 34 спискам. Встречается она преимущественно в составе Синодиков XVII—XIX вв. Судя по известным мне спискам дошла до нас в шести вариантах. С них то и начну свой анализ.

Вариант I представлен следующими списками.

1) Рукоп. А. Титова нач. XVIII в., поморского полуустава, с 19 рисунками¹ (изд. А. Титовым «Повесть о Щиле», М., 1911, 9—21). — Повесть странна о Щилѣ посадницѣ.

2) Рукоп. Ленингр. публ. библ. О. XVII. 68, лицевой сб. пол. XIX в., написан полууставом, стилизованным под XV в. Состав сборника: л. I — л. 26 — Чюдо о повгородскомъ посадникѣ Щилѣ; л. 26 об. — л. 88 — Слово о полку Игореве (список с изд. 1800 г.).

3) Рукоп. Моск. гос. истор. муз., собр. Шукшина № 578 (по оп. № 484), XIX в., лицевая, л. I — л. 20 об. — Повесть странна о Щилѣ посадницѣ. Повесть занимает собою всю рукопись.

4) Рукоп. Моск. гос. истор. муз. № 2750^а, сб. лицевой нач. XX в., исполнен Бляновым, л. 3 — л. 19 об. — Повесть о повгородком посадникѣ Щилѣ.

Указанные списки можно подразделить на три группы. К первой отнесем № 2 и 4; ко второй — № 3; к третьей — № 1. От протографа № 2 и 4, назовем его X, № 3 отличается во первых, несколько иным

¹ А. Титов. *Ibid.*, с. 7.

чтением отрезков 6—10, 12—13 (см. варианты к тексту II); во вторых, отсутствием концовки 15—16.

Заметим, что отрезки 6—10 и 12—13 в чтении X более древни и принадлежат архетипу первого варианта синодичной редакции, так как почти совпадают с чтением соответствующих отрезков первой редакции — древнейшей из числа всех редакций повести, как увидим ниже.

12—13 I ред.	12—13 X	12—13 № 3
Архидиакон же виде в надстенном писании Щила во гробе и з гробом вне ада до пояса и возвести о сем святителю...	Архидиакон же виде Щила на стенном писании з гробом вне ада до пояса и возвести святителю...	Архидиаконъ же по повелѣнью святителя, шедъ, распечата церковь, соглядавъ на стѣнномъ писании и видѣ Щила з гробом внѣ ада до пояса, и паки запечатавъ церковь, прииде и повѣда о семъ святителю...

Этого, однако нельзя сказать о концовке X—15—16; в значительной мере повторяющая предшествующий текст, она несомненно более позднего происхождения. В этом отношении № 3, в котором эта концовка отсутствует, лучше X передает архетип первого варианта; № 3 заканчивает повесть почти теми же словами, что и первая редакция: и оттоле устроися монастырь нарицаемый Щилов, идеже и до ныне стоит...

№ 1 своеобразен тем, что, совпадая почти буквально с текстом X, почему-то присоединяет к отрезкам 6—10, 12—13 в чтении X те же в чтении № 3.

Анализируя списки по схеме А, мы приходим к выводу, что восходить один к другому могут только X и № 1; по всей вероятности X → № 1. Если это так, то взаимоотношение списков изучаемого варианта второй редакции графически можно изобразить в виде схемы Б.

А недошедший до нас архетип этого варианта, как X (+ 1 + 2 + 3 + 5 + 14), но без 15—16.

Перейдем к варианту II. Он известен нам по следующим спискам.

1) Рукоп. Библиограф. Акад. Наук № 33. 9, 4, лицевой Синодик к. XVII в., л. 96—л. 105 об.

2) Рукоп. Моск. гос. публ. муз. № 1835, Сб. к. XVII в., л. 47 — л. 54—Сказание о Шиловоу монастырѣ, еже есть в великомъ Новѣградѣ.

3) Рукоп. О-ва древней письменности Q.LXXXV, лицевая, XVII в., л. I—л. 9 об. — Слово и сказание о Шиловѣ монастырѣ, еже есть в великом Новѣградѣ. Повесгь занимает собою всю рукопись.

4) Рукоп. Ленингр. гос. публ. библ. F. XVII. 23, лицевой Синодик к. XVII в., л. 132 об. — л. 139 об.

5) Рукоп. Моск. гос. исгор. муз., собр. Уварова № 936 (272), лицевой Синодик вг. пол. XVII в., л. 171—л. 180 об. — Слово и сказание о Шиловѣ монастырѣ, еже есть в великомъ Новѣградѣ. № 1 и 2 восходят к общему протографу; № 3—5 — также. В списках № 3—5 недостает конца повесги; во всех она обрывается словами: «сотвори всю 40 дней елико заповѣда ему святитель.

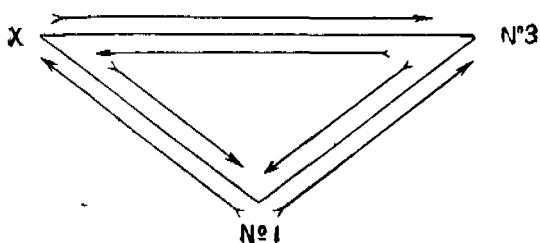

Схема А.

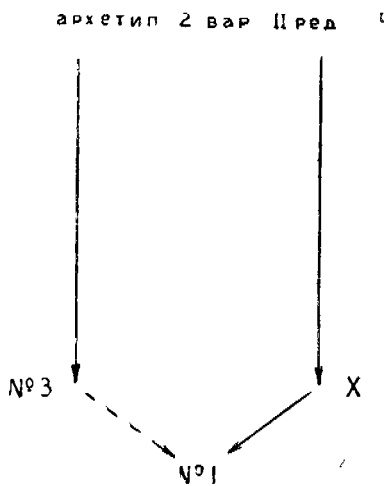

Схема Б

В 40 день прииде ко святителю и возвѣсти ему еже сотворихъ отца ради своего» (№ 3).

Второй вариант синодичной редакции, почти буквально совпадая с текстом первого варианта, отличается от него несколько иным изложением обстоятельств чуда с гробом посадника Щила. По первому варианту чудо заключалось в том, что «стенное писание», на котором был, по приказу архиепископа, изображен посадник Щил (по первой редакции — Щил «во адове дне»), после усердных молитв его сына за упокой Щиловой души постепенно таинственным образом видоизменяется, своими изменениями как бы символизируя спасение его души. Когда архидиакон по приказанию архиепископа в первый раз приходит в церковь, то видит, что Щил изображен на «стенном писании» не весь «во адове дне» — его голова уже вне ада. Во второй раз — видит Щила во аде только по пояс. В третий —

всего вне ада. Гроб его стоит в церкви на старом месте — пропасть исчезла. В изложении чуда первый вариант буквально следует первой редакции, вплоть до текстуальных совпадений с нею. См. выше, с. 66.

I ред.

... Архидиакон же по повелению святителя соглядав вся разумне и видит в надстенном писании, иже над гробом, Щила во аде во гробе, главу же его вне ада, и возвести о сем святителю...

I вар. II ред.

... Архидиакон же по повелению святителя соглядав над пропастью стенное оно писание, и виде Щила во гробе — главу з гробом вне ада, и запечатав церков, и пришед, возвести о сем святителю, яже веде...

Во втором варианте чудо описывается так.

а) ...Архидиакон же по велению святителя соглядав о нем над гробом, на стенном писании, и видев гроба Шилова из пропасти подвышнена немного, и пакн запечатав церковь, и возвести о сем святителю...

б) ...Архидиакон же в церковь прииде и видев того гроба на верлу половины, и прииде, и возвести святителю...

с) ...Архидиакон же видев на стѣнном писании (на стенном писании — нет в Рум. 1895) той Шилон гроб изшед в верх земли вес и возвести архиепископу...

Нет никакого сомнения в том, что автор второго варианта представляет себе чудо несколько иначе, чем авторы первого варианта и первой редакции; именно — никаким изменениям «стенное писание» не подвергается; чудо состоит в том, что гроб с телом Щила постепенно появляется из поглотившей его пропасти. Подтверждение этому мы находим не только в тексте эпизода б, но и в дальнейшем указании автора: «над гробом пение над Шиловым святителю соборне певшу, и погребоша его с великою честию». Откуда мог у него взяться этот гроб, если он сам в начале повести отметил, что гроб Щила исчез в пропасти. В первом варианте и первой редакции появление гроба из пропасти оговаривалось — во втором варианте этой оговорки нет (см. эпизод с).

I ред.

...Архидиакон же виде в надстенном писании Щила вне ада з гробом всего изшедша, такоже и гроб его верху земли обретеса

I вар. II ред.

...Архидиакон же, пришед, виде на стенном писании Щила во гробе всего вне ада, и виде гроб его с телом на верху земли, якоже его

над пропастью, пропасти же не положиша во гробе, всего цела, и бе видети, во гробе же весь цел не обретесе ту и пропасть, и приобретесе, якоже и положен. И сия шед, вся возвести архиепископу...
вся архидиякон возвести архиепископу..

Автор второго варианта, однако, не заметил, что при таком представлении о чуде с гробом Шцила, все упоминания о «стенном писании», весь эпизод — повеление архиепископа написать «вапы» изображение Шцила на церковной стене — лишены всякого смысла и только мертвым балластом обременяют сюжет повести. Не умея оказать сопротивление тексту источника, автор второго варианта подчас явно пишет не то, что думает. В этом отношении второй вариант представляет из себя любопытнейший документ, свидетельствующий о том, какую почти гипнотическую власть нередко имела над нашими древними книжниками написанная буква.

Повод к такому представлению о чуде автору второго варианта дала миниатюра.

Во всех лицевых списках повести эффектные эпизоды чуда с гробом Шцила всегда иллюстрированы (три миниатюры по числу эпизодов). Мне известны два типа живописной композиции чуда. По первому типу (встретился мне только в рукописях первого варианта) чудо состоит в постепенном изменении «образа Шцилова» на церковной стене (появление гроба из чудовищной пасти — «ада»);¹ по второму — в постепенном появлении исчезнувшего гроба с телом Шцила из пропасти. Миниатюры последнего типа автор второго варианта мог найти уже заготовленными в той рукописи, в которую он переписывал повесть.

Второй вариант вместе с первым восходит к одному общему источнику.

Первый вариант нельзя возвести ко второму — это ясно из всего вышесказанного. Мы не можем предположить и того, что второй вариант восходит к первому, так как тогда не удалось бы объяснить почти буквального сходства некоторых текстовых отступлений II варианта от I с текстом первой редакции.

I вар.

II вар.

I ред.

...в погребальных во гробе ляг и надгробная пеня повели над собою пети в созданнем своем храме...

...в погребальная ляг в созданнем своем гробе и надгробная пеня повели над собою петь...

...лязи в создании своем во гробе оном, и повеле и надгробное отпетн...

¹ А. Титов. *Ibid.*, с 12

...Святитель же тогда посла архидиакона своего тайно к запечатленной церкви и, распечатав, повелевает ему стенное писание, идеже пропасть, соглядати и паки церковь запечатати, соглядав известно...

...И святитель тогда от клироса своего архидиакона, тайно наказав, посылает к запечатленной церкви, распечатав, повелевает ему пропасть и стенное писание, разумно аря и внимая, и паки тое церковь повеле ему запечатати, да соглядав известно повеле ему известити себе о сем яже виде на стенном писании...

...Святитель же от клироса своего посылает архидиакона к запечатленной церкви и повелевает, сокровенне распечатав церков, дозрети разумно, идеже пропасть, гроба и над нею стенное писание и соглядав известно, паки запечатлети церков и возвестити себе о сем...

Возникновение второго варианта синодичной редакции можно отнести к половине XVII в. (№ 5).

Вариант III, судя по количеству дошедших списков, был наиболее распространенным. Известен мне по следующим спискам.

1) Рукоп. О-ва древней письменности Q. СXXXIV, лицевая, XVII в., л. I — л. 24 об. Повесть занимает собою всю рукопись.

2) Рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., собр. Погодына, № 1551, Сб. XVII в., л. 2 об. — л. 13 — Бытие чудно и ужаса исполнено явися в великомъ и славномъ Новѣграде.

3) Рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., собр. Буслаева, Q. I. 1152, лицевой Синодик XVII в., л. 80 об. — л. 102 об.

4) Рукоп. Ленингр. гос. публ. библ. Q. I. 407 (Толст. II. 72), лицевой Синодик XVII в., л. 63 об. — 81 об.

5) Рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., собр. Погодына, № 593, лицевой Синодик к. XVII в., л. 85 об. — 106 об.

6) Рукоп. Ленингр. гос. публ. библ. F. I. 323 (Толст. I. 107), лицевой Синодик к. XVII в., л. 133 — 143 об. (изд. Н. Костомаровым в Пам. старин. рус. лит., I, СПб., 1860, 22 — 24).

7) Рукоп. Моск. гос. истор. муз. № 3580, лицевой Синодик XVII в., л. 112 об. — л. 132 об.

8) Рукоп. Моск. гос. истор. муз., собр. Уварова, № 987^a, лицевой Синодик к. XVII в., л. 104 об. — л. 117. Список дефектный: пропуски в тексте ввиду утраты листов.

9) Рукоп. Моск. гос. истор. муз. № 233, лицевой Синодик к. XVII в., л. 99 — л. 122.

10) Рукоп. моск. гос. истор. муз., собр. Уварова, № 932 (69) (726), Синодик к. XVII в., л. 47 — л. 55.

11) Рукоп. Моск. гос. истор. муз., собр. Вахрамеева, № 406, сб. лицевой синодичного состава к. XVII в., л. 104 об. — л. 115 об.

12) Рукоп. Моск. гос. публ. муз., собр. Большакова, № 62, Сб. XVII в., л. 432, — л. 435 об. Список дефектный: нач:... положи. Шцл же по совершении церковнемъ ... кон:...; темничникомъ и страннымъ болии прежняго вдвое давалъ.

13) Рукоп. Ленингр. гос. публ. библ. Q. XVII. 192, Сб. к. XVII — нач. XVIII в., л. 34 об. — л. 37 об. — Выписано из книги Синодика.

14) Рукоп. Ленингр. гос. публ. библ. F. IV. 200 (Толст. I. 326), лицевой Синодик XVIII в., л. 146 об. — л. 167 об.

15) Рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., собр. Титова, № 1610, Сб. XVIII в., л. 222 об. — л. 228 — Выписано из книги Синодика.

16) Рукоп. Моск. гос. истор. муз. № 25, лицевой Синодик XVIII в., л. 109 — л. 132 об.

17) Рукоп. Моск. гос. истор. муз., собр. Уварова, № 940 (853), лицевой Синодик 1704 г., л. 102 об. — л. 123 об.

18) Рукоп. Моск. гос. истор. муз. № 128, Синодик XVIII в., л. 65 об. — л. 85 об.

19) Рукописный Синодик 1746 г. Богородицерождественской церкви села Климовского Вологодской губ., Вельского уезда, л. 38 — л. 41 (изд. И. Гольшевым в Альбоме рукоп. Синодика 1746 г., Гольшевка, 1890, стр. 5).

20) Рукоп. Черниговской духовной семинарии № 89, поморск. письма XIX в., л. 173 (изд. В. Н. Перетцом в Приложении к № 8 киевских Университетских Изв. за 1907 г., 44 — 47).

Все эти списки, за исключением №№ 6, 11, 18 и 19, почти буквально совпадают между собою.

№ 6 (Публ. библ. F. I. 323) характеризуется некоторыми добавлениями, частичной перефразой текста, мало удачными перестановками эпизодов (см. варианты к тексту IV 116 — 117, 120, 134); № 11 (Вахром. 406) — частичным сокращением текста (см. вар. 116 — 117, 121 — 125); № 18 (Истор. муз. 128) — некоторыми добавлениями и подновлениями словаря (см. текст V); № 19 (текст И. Гольшева) — сокращениями текста.

Третий вариант синодичной редакции (см. текст IV), совпадая в общем почти дословно с текстом первого варианта, отличается от него тем же, чем и второй вариант — иным изложением чуда: гроб с телом посадника Щила постепенно, в три приема, появляется из поглотившей его пропасти — никаких чудесных метаморфоз со «стенным писанием» не происходит. В том, что автор третьего варианта именно так представлял себе чудо нет никаких сомнений; правда, и у него архиепископ, узнав о страшной гибели Щила, неизвестно зачем велит написать «образ Щилов» на церковной стене, но зато в дальнейшем он уже ни разу не упоминает об этом «стенном писании»:

а) «Архиепископ же посла архидиякона досмотрити в церкви Щиловы пропасти. Архидиякон же видев Щилова гроба наруже немного, и отиде запечатав церковь, и возвести архиепископу».

в) «Архиепископ же посла того же архидиякона досмотрити Щиловы пропасти. Архидиякон же прииде и видев того гроба половина наруже, и прииде, возвести архиепископу чудо сие».

с) «Архиепископ же посла того же архидиякона в третии досмотрити того великаго чюдеси. Архидиякон же прииде в церковь и виде тот Щилов гроб наруже весь, и возвести великому святителю чудо сие».

В этом отношении третий вариант оставляет далеко позади неудачную попытку порвать с традицией автора второго варианта.

Третий вариант отличается от первых двух также несколько более подробным описанием некоторых эпизодов, связанных с чудом.

I вар.

...Святитель же повеле сыну Щилову по прежде реченному 40 дней сотворити тако, яко ж и напреди изъявлено...

...Сын же Щилов трицею паки сотвори по повелению его, и пришед, поведи святителю...

II вар.

...Святитель же паки сыну Щилову повеле по прежде реченному другую 40 дней сотворити такожде, яко же напреди изъявлено...

...Сын же Щилов трицею паки сотвори по повелению от святителя и поведи святителю... -

III вар.

Архиепископ же повеле Щилову сыну в постепи в молитве пребыти и творити еще вторую 40-цу, глаголя: тако же сотворив, и прииде к нашему смирению и возвести ми о сем...

...Сын же Щилов в четиридесять день давал нищим и темничником, и церквам, и страным болии и прежняго вдвое.

Сын же рекомаго Шцила прииде ко архиепископу и возвести ему еже сотворил лишения ради отца своего по повелению, елико заповедал ему святитель...

Как видим, автор полностью повторяет то, что было уже «наперед изъяснено».

Третий вариант не восходит к первому. Достаточно привести следующие примеры, чтобы убедиться в этом.

I ред.

...ныне же повелеваю ти ити в дом свой и повели у здания своего в стене устроить гроб, и повеж вся своя тайны отцу своему духовному и, вздев срачицу и саван и вся яже сут подобна на погребание мертвым, и лязи в создании своем, во гробе оном....

I вар.

...ныне ти повелеваю устроить вся, яже на погребение мертвым, исповеждься отцу духовному и в погребальных во гробе ляг....

III вар.

...ныне ти повелеваю: устрой вся своя погребальная—срачицу и саван и вся суть на погребение мертвым, и исповеждь отцу своему духовному вся своя согрешения и в погребальных ляг в созданном своем гробе....

II вар.

...ведый Шила богата суца и мздоимца...

I вар.

...ведый Шцила богата суца и ростомца...

III вар.

...ведый Шцила богата суца и мздоимца...

Не восходит третий вариант и ко второму. На это указывает во-первых, полное отсутствие каких-либо текстуальных совпадений в описании чуда между вторым и третьим вариантами (см. выше); во-вторых — почти буквальное сходство некоторых текстовых отступлений третьего варианта от второго с текстом первой редакции.

I ред.

...Святитель же заповеда сыну Шцилову паки

II вар.

...Святитель же паки сыну Шцилову повеле по

III вар.

...Архиепископ же повеле Шцилову сыну в poste

вторую 40 дней такожде	преждереченному дру-	и в молитве пребыти
сотворити, якоже напреди	гую 40 дней сотворити	и творити еще вторую
изъявися, и егда совер-	такоже, якоже напреди	40-цу, глаголя: тако же
шатся, паки возве-	изъявленно...	сотворив, и прииде
стити себе о сем...		к нашему смиренію
		и возвести ми о сем...

Остается предположить, что третий вариант, вместе с первыми двумя, восходит к одному общему источнику.

Между прочим, если это наше предположение справедливо, и автор третьего варианта составил свою версию чуда независимо от автора второго варианта, то это только доказывает, что оба они должны были воспользоваться каким-то общим источником — в данном случае мы не вправе предположить случайное совпадение — таким общим источником могла быть только миниатюра (см. выше).

Подобно второму, и третий вариант возник, по всей вероятности, не позже половины XVII века.¹

Остальные варианты синодичной редакции известны мне лишь по единичным спискам. Вариант IV — по двум спискам, восходящим к общему протографу:

1) Рукоп. Моск. гос. истор. муз., Новоспасского собр., № 9, Синодик XVII—XIX вв., л. 46 — л. 51 об. — Чудо страшно и ужасно бывшее в великом Новѣградѣ.

2) Рукоп. Ленингр. гос. публ. библ. собр. Погодина, № 1940, Сб. XVIII в., л. 270 — л. 274 об. — Чудо страшно и ужасно бывшее в великомъ Новѣградѣ.

Вариант V — только по одному списку: рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., собр. Буслаева, Ф. I. 733, лицевой Синодик XVIII в., л. 97 — л. 110.

Вариант VI — также по одному списку: рукоп. библ. Всесоюзной Акад. Наук, № 17, 5.5, лицевой Синодик XVIII в., л. 203 — л. 215.

Все эти варианты синодичной редакции (IV, V, VI) восходят к третьему варианту. Чтобы убедиться в этом достаточно приведем следующий пример.

¹ Третий вариант синодичной редакции, самый распространенный из числа всех известных нам, проник в сказку. См. Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Вятской губернии. П., 1915, с. 282—283, № 92 (пропенты)

III вар.

...Архиепископ же посла архи-
диякона досмотрити в церкви
Щиловы пропасти. Архидия-
кон же видел Щилова гроба на-
руже немного, и отиде, запечатав
церковь, и возвести архиепископу...

V вар.

...Архиепископ же посла архи-
диакона досмотрити в церкви Ши-
ловы пропасти: Архидиакон же
приде в тое церковь и видѣвъ
гроба Шилова наруже немного,
и запечата тое церковь, и отиде
ко архиепископу и возвести ему сие
великое чудо...

IV вар.

...Архиепископ же посла своего
архидиякона видети в церкви Ши-
ловы пропасти. Архидиакон же
вниде в церковь тую и видел гроба
Шилова из пропасти подышшена не-
много, и паки запечатав церковь,
и отиде ко архиепископу и возвести
ему тое великое чудо...

VI вар.

...Архиепископъ же посла архи-
диакона досмотрити пропасти
Шиловы. Архидиакон же пришедъ
в церковь и видѣ ис пропасти Ши-
лова гроба с тѣлом немного появився,
и шедъ архидиаконъ и возвѣсти ви-
дѣнія святителю...

Перейдем к характеристике каждого из указанных вариантов.

IV вариант (см. текст VI) замечателен, прежде всего, точным хроно-
логическим приурочением события, о котором рассказывает повесть —
к 6694 (1186) г. — году смерти архиепископа новгородского Иоанна I-го.

Автор четвертого варианта, очевидно, отождествил архиепископа
Иоанна повести со старым, эпическим Иоанном (1165 — 1186), тем
самым, который в своем известном поучении так сурово обличал ростовщи-
чество и милостыню от неправых прибытков.¹

Свой оригинал четвертый вариант передает довольно свободно; частично
дополняет его, перефразирует, иногда сокращает. Сличение текстов показы-
вает, однако, что автор четвертого варианта, перерабатывая текст своего
источника, не ставил себе каких-либо новых композиционных или стилисти-
ческих заданий; он ограничился тем, что последовательно прокорректировал
текст (ср. тексты IV и VI) — именно это-то и дает нам право называть
этот вариант вариантом, а не редакцией.

Возник вариант IV во всяком случае не позже конца XVII в. (№ 1).

V вариант синодичной редакции (см. текст VII) интересен, главным
образом, тем, что не только знает прозвище героя повести — Шил, но и его
имя — Михаил.

¹ Там др.-рус. канон. права, I², СПб., 1908. Приложение, с 352 — 353, 368 — 369.

Нет никакой необходимости думать, что автор пятого варианта произвольно окрестил Щила этим, первым попавшимся, именем. Дело могло обстоять и так: автор пытался восстаповить «забытое» повестью имя посадника Щила; из новгородских летописей он легко мог узнать, если не знал, что время возникновения Щилова монастыря Покрова богородицы относится к 6818 (1310) году — на вопрос же кто в это время посадничал в Новгороде, та же летопись¹ под 6817 (1309) г. дала бы ему ответ: Михаил Павшинич (1309 — 1311).

Сличение варианта V с его источником — третьим вариантом синодальной редакции показывает, что автор пятого варианта, кроме местами довольно серьезной корректурной обработки текста, совершенно заново перестроил целый эпизод: беседу архиепископа с Щилом и исповедь последнего. В третьем варианте Щил, построив церковь, приходит к архиепископу с просьбой освятить ее — архиепископ приглашает Щила в тайную хранину для беседы; в пятом — архиепископ сам посылает за Щилом и его сыном — когда те приходят, тут же задает ему вопрос, на какое «сидевение» он построил храм. Переносом в повествовательный план почти совершенно разрушен диалог между Щилом и архиепископом:

III вар.

...Щил же от страх и ужаса паде на ногу святаго и глаголя: «согреших, отче, прости мя. Мнози же люди прихождаху ко мне и взимаху сребро; даяху ми лихву на 14 гривеп и на 4 деньги на год по денге, и на то сребро создах церковь и монастырь. И ныне, владыко, что ми повелиши, честный отче»...

V вар.

...Щил же истинну ему объяви всю, яко собра богатство себѣ на розданное свое в лихву сребро, и от того умысли оную церковь строити....

Отметим еще отсутствие в тексте пятого варианта указания на количество взимаемых Щилом процентов.

Возникновение этого варианта можно отнести к XVIII в. — тому веку, к которому относится и его единственный известный мне список.

Вариант VI (см. текст VIII) обнаруживает весьма значительную корректурную правку текста, продиктованную, кажется, желанием несколько

¹ Новгородская летопись по синодальному харакейному списку, СПб., 1888, с. 311 — В лето 6817.... Того же лета, на зиму, даша посадничество Михаилу Павшиничю.

умерить многословие источника (III вариант). Интересной особенностью этого варианта является отсутствие приказа архиепископа написать «образ Щилов» на церковной стене.

В третьем варианте мы читаем: «Святитель же прииде на освященне церкви и видев страшное оно видение, и повеле иконописцем вапы на стенах писати над пропастию в подобии образ Щилов. Сам же от страха и ужаса отиде в дом святыя Софен...»; в шестом — «Святитель же прииде на освящение церкви и видѣ то чюдо страшное, и от ужасти иде во град в дом».

Автор варианта VI, выпнув этот пениужный по ходу повествования эпизод, тем самым исправил, наконец, ошибку, избежать которой никак не могли составители II, III, IV, V вариантов. Из дополнений шестого варианта отметим: на создание церкви Щил получает от архиепископа не благословение, а грамоту; сын Щила нанимает «стиуна з дѣлати» (делатели?); архиепископ, приехав домой, берет писменно такую книгу правил святых отец, которая предписывает «ог конх прибытков строити дома божия»; помост церковный «разсѣдся на двое с шумом великим»...

Подобно пятому, и шестой вариант синодичной редакции, по всей вероятности, возник в XVIII веке.

Так как варианты IV, V, VI восходят к III, а III, II и I, к одному общему источнику, то именно этот общий источник (X) мы и принуждены признать основным, т. е. первоначальным вариантом второй редакции нашей повести. К сожалению, X вариант нам неизвестен¹ — это обстоятельство, впрочем, не является для нас серьезным препятствием: опираясь на текст I, II и III вариантов, первого главным образом, мы можем его легко восстановить вплоть до мельчайших деталей. Ср. тексты II, III, IV с I.

Как уже отметил Е. В. Петухов,² вторая редакция отступает от первой преимущественно в начальной части повествования — в экспозиции и завязке.

Экспозиция второй редакции характерна своей абстрактностью. Там, где первая редакция ясно указывает: у посадника Щила занимали деньги новгородские купцы, не имеющие собственного капитала «на торговлю»,

¹ Кажется, к X варианту непосредственно восходит список Моск. гос. публ. муз., собр. Ундольского, № 153, лицевой Синодик нач. XVIII в., л. 38, 40—48. — Иная повесть зѣло полезна. Конец... виде Щила з громомъ вне ада до пояса и возвести святителю яже виде. К несчастью, список этот безнадежно дефектен.

² Е. В. Петухов. Очерки из литературной истории Синодика. ОДП, 1895, с. 222.

вторая — ограничивается общей фразой: «бе бо богат вельми и многим даяше сребро в лихву». Первая редакция сообщает о Щиле: «имаше же лихвы на 14 гривен и 4 денги точию по единой денге на год, — боле же того отнюд не имаше» — в большинстве синодичных текстов, если не в основном (см. текст III, вар. 2), читаем: «взимаше на год на новгородский рубль денгу новгородскую» — примечание: «боле же того отнюд не имаше» вообще отсутствует.

Сравним сюжетные схемы завязки первой и второй редакций.

I ред.

На собранное богатство посадник Щил задумал построить церковь и монастырь; на создание церкви он берет благословение у архиепископа Иоанна; нанимает многих работников; церковь была им построена «близ реки Волхова, на лугу, от града яко два поприща»; краткое упоминание о том, что архиепископ вместе с освященным собором присутствовал на торжестве основания церкви; Щил просит архиепископа освятить церковь; беседа архиепископа с Щилом — (дана в повествовательном плане).

II ред.

На собранное богатство посадник Щил задумал построить церковь и монастырь; отыскал место для постройки церкви — «от Новаграда два поприща»; приходит к архиепископу Иоанну просить благословения на постройку церкви; архиепископ дает ему благословение; Щил посылает своего сына нанять работников и приготовить все необходимое для постройки; сын, исполнив приказание отца, сообщает ему об этом; Щил просит архиепископа положить основание церкви; архиепископ едет на основание; Щил устраивает богатую трапезу — угощает архиепископа с клиром — затем, с великою честью отпускает его обратно в город; архиепископ, приехав в дом святой Софии, приступает к чтению правил святых отец; чтение наводит его на размышление о том, на какие средства построена Щилом церковь; эти думы приводят архиепископа в недоумение и скорбь; Щил, между тем, приступил к постройке церкви; когда церковь была построена, Щил просит архиепископа освятить ее; архиепископ приглашает Щила в «тайную хранину» для беседы; беседа архиепископа с Щилом — (раскрыта в просторном диалоге).

В описании дальнейших событий вторая и первая редакции совпадают между собою почти буквально (см. описание чуда).

Во второй редакции отсутствует только концовка первой: «нецыи же глаголют: архиепископ заповеда сыну Щилову по трижды на год по сту литургий пети в три лета».

Как видим, вторая редакция, несмотря на свой объем, ничем новым по существу не дополняет первой; все ее отступления от первой являются результатом или развертывания мотивов, уже известных первой редакции, или стремления дать им предварительную мотивировку; — так, беседа архиепископа с Щилом и исповедь последнего во второй редакции мотивированы предшествующими размышлениями архиепископа над книгой правил святых отец.

Время, к которому относится старейший список первой редакции, ее краткость, обилие подробностей фактического характера (точная локализация места постройки церкви, не менее точная характеристика должников посадника Щила и т. п.), концовка, свидетельствующая о том, что автор первой редакции, составляя повесть, опирался на устную легенду о Щиле, наконец, характер отступлений второй редакции от первой — все это вместе взятое заставляет нас, вслед за Е. В. Петуховым¹ и А. де-Витт,² признать первую редакцию первоначальной, и рассматривать вторую, как переработку первой.

Вторая редакция читается преимущественно в составе Синодиков; включение повести о Щиле в Синодик, очевидно, и послужило основной причиной переработки первой редакции во вторую. Принципы этой переработки могли быть подсказаны основным заданием Синодика, как четвѣй книги: дать литературно-занимательную иллюстрацию учения о необходимости поминовения душ усопших.

Редактор освободил повесть от всякого *couleur locale*, так как последний, ничего не прибавляя в смысле занимательности, только мешал ей стать тем, чем была каждая повесть Синодика — абстрактным, т. е. общеобязательным примером полезности поминовения усопших. Рассматривая повесть только как назидательный и интересный сюжет, редактор, не заботясь об исторической правде, заново перестраивает сюжетную схему началь-

¹ Е. В. Петухов. *Ibid.*, с. 223—224.

² Изв. Отд. рус. яз. и слов. Акад. Наук, 1913, кн. 2, с. 94.

ной части повествования, преследуя при этом чисто художественную цель: последовательно выдержать принцип ступенчатой композиции.

Возникла вторая редакция во всяком случае не позже первой половины XVII века.

Допустив, что автор второй редакции, переписывая заключение повести: «устроился монастырь, нарицаемый Щилов, идеже и донныне стоит», только потому и переписал его, что знал о существовании Щилова монастыря — в таком предположении нет ничего невероятного — мы могли бы отнести возникновение второй редакции ко времени не позже 1615 г. — в этом году Щилов монастырь был разрушен шведами, и был восстановлен только в 1669 г.¹

Местом возникновения второй редакции нельзя признать новгородскую землю — это доказали уже с достаточной убедительностью Е. В. Петухов и А. де-Витт.

Во второй редакции говорится о Щиле: «взимаше на год по денге, на новгородский рубль новгородскую денгу»; в основном, X варианте второй редакции эта фраза могла читаться и так: «взимаше на год по денге, на новгородский рубль новгородскую денгу, а тот их (т. е. новгородцев) рубль тогда бяше 14 гривен 4 денги, а боле того лихвы отнюдь не имаше» — (см. текст III, вар. 2).

Е. В. Петухов² совершенно справедливо отметил, что эти пояснения «новгородский рубль», «новгородскую денгу» понятны только в устах не новгородца; не менее справедливо и замечание А. де-Витт:³ назвать новгородским рублем 14 гривен и 4 денги мог только человек совершенно не знакомый с новгородским денежным счетом, так как новгородский рубль во все время своего существования состоял из 15 гривен и 6 денег или 216 денег.

Перейдем к изучению третьей редакции повести о Щиле, самой обширной из числа всех известных мне. Перечислю ее списки.

1) Рукоп. О-ва древней письменности FCLIII, XVII в., л. 1 — л. 4 об. (изд. Х. М. Лопаревым в Описании рукоп. О-ва, вып. I, 302—308).

¹ В. В. Зверинский. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, III, СПб., 1897, с. 212.

² Е. В. Петухов. Ibid., с. 223.

³ Изв. Отд. рус. яз. и слов. Акад. Наук, 1913, кн. 2, с. 94.

2) Рукоп. Моск. гос. истор. муз. № 1854, Сб. XVII в., л. 321 — л. 336. Список дефектный: кон:... сын же Щилов третицею паки сотвори повелѣнное.

3) Рукоп. Моск. гос. истор. муз. № 1615, Сб. XVII в., л. 130 об. — л. 134. Список дефектный: по краям оборваны листы.

4) Рукоп. Моск. гос. истор. муз., собр. Уварова, № 1365 (202), хронограф к. XVII в., л. 372 — л. 385 об.

5) Рукоп. Моск. гос. истор. муз., синодального собр., № 850, Сб. к. XVII в., л. 498 — л. 504.

6) Рукоп. Библ. Академии Наук, № 45. 11. 2, Синодик к. XVII в., л. 2 — л. 6. Список дефектный: пропуски в тексте.

7) Рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., собр. Погодина, № 233, Номоканон первой пол. XVII в., л. 770 — л. 774.

8) Рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., собр. Погодина, № 237, Номоканон первой пол. XVII в., л. 868 об. — л. 872 об.

9) Рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., собр. СПб. дух. акад. № 270, III, Сб. нач. XVIII в., л. 293 — л. 301 об.

10) Рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., собр. Буслаева, Q. XVII. 213, Сб. XVIII в., л. 200 — л. 205 об. Список дефектный: нач:.... бы дѣлу оному поспешение и угодно было здание церковное....; в тексте пропуски.

Списки №№ 1 — 10 объединяются следующим заглавием: Сказание о Щилове монастыре в великом Новеграде.

11) Рукоп. Моск. гос. истор. муз., собр. Уварова, № 1819 (533) (396), Сб. 1642 г., л. 124 об. — л. 130.

12) Рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., собр. Погодина, № 1601, Сб. XVII в., л. 18 об. — л. 24 об.

13) Рукоп. Моск. гос. публ. муз. № 2771, Сб. XVIII в., л. 1 — л. 10 об. — Выписано изъ житейника древлеписмен. Алексия, Ионы и Филиппа, московскихъ чудотворцовъ и митрополитовъ. (Изд. В. Н. Перетцом в Приложении к киевским Университетским изв. за 1907 г., № 8, стр. 40—44). Списки №№ 11—13 носят следующее заглавие: Повесть душеполезна о Щилове монастыре, еже есть в великом Новеграде.

14) Рукоп. О-ва древней письменности, собр. Виземского, F. XXXVII, Сб. первой половины XVII в., л. 386 об. — л. 393 об. — Повесть дивна и страшна о создании церкви Покрова причистыя богородицы, иже в Щиловѣ монастырѣ.

15) Рукоп. Моск. гос. истор. муз., собр. Уварова, № 1824 (536) (401), Сб. XVII в., л. 72 об. — л. 81.

16) Рукоп. Моск. гос. истор. муз., собр. Барсова, № 1801, Сб. XVII в., л. 31 об. — л. 34 об. — Слово о Щиле. Список дефектный: между л. 32 и 33 вырван лист.

17) Рукоп. Моск. гос. публ. муз. № 3710, Сб. XVIII в., л. 55 об. — л. 61 об. — О Щиле великаго Новаграда.

18) Рукоп. библ. Акад. Наук № 38. 4. 40, Сб. к. XVII в., л. 307 — л. 315 об.

19) Рукоп. Псковского областн. муз. № 128 (по описи 1923 г.), Синодик 1681 г. церкви св. Николая чудогворца Любятова м-ря, л. 10 — л. 24 (изд. И. Шляпкиным в Приложении к «Описи рукоп. и книг Музея Археологической комиссии при Псковском губ. статист. ком.», Псков, 1879, стр. 1—8).

20) Рукоп. библ. Акад. Наук № 4. 7. 7, Сб. XVIII в., л. 407 — л. 413.

21) Рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., собр. Михайловского Q. 167, Сб. XVIII в., л. 15 — л. 20 об.

22) Рукоп. акад. В. Н. Перетца O. 56, Сб. XVIII в., л. 2 — л. 9 об.

Списки №№ 18—22 имеют такое заглавие: Повесть содеявшаяся в великом Новеграде о изытии из ада посадника Щила.

23) Рукоп. библ. Акад. Наук № 19. 5. 2, Сб. к. XVII в., л. 137 — л. 141. — Повесть зѣло полѣзна и велми чудна, иже содѣявшаяся в великомъ Новѣградѣ о посадникѣ нѣкоемъ, именемъ Щиле, берущемъ куны, и о изытии его изъ ада. Список дефектный: после л. 137 об. в тексте пропуск.

24) Рукоп. акад. В. Н. Перетца Q. 49, Сб. XVII в., л. 8 об. — л. 13 об. — Повесть чудная содѣяся в великомъ Новѣградѣ о изытии из ада посадника Щила.

Все эти списки можно подразделить на три большие группы; к первой относятся №№ 1—13; ко второй — №№ 14—17; к третьей — №№ 18—24. Ниже (см. текст IX) каждая из этих групп представлена мною в лице своего типичного представителя; взаимно исправляя друг друга, они дают вполне достаточный материал для восстановления археипного чтения третьей редакции, — в особенности Вяземск. F. XXXVII — первой половины XVII века.

Третья редакция повести о посаднике Щиле, как отметил уже Х. М. Лопарев,¹ представляет собою компиляцию первых двух. Перерабатывая текст своих источников, автор третьей редакции руководствовался следующим, чисто эстетическим, заданием: достигнуть максимальной ступенчатости в развертывании повествовательного материала. В этом отношении его работа несколько напоминает вторую редакцию; правда, в отличие от этой последней, третья редакция осуществляет принцип ступенчатости с неизмеримо большей последовательностью и строгостью.

Именно этим стремлением автора третьей редакции всячески замедлить и без того медлительный темп повествования, во что бы то ни стало построить новую ступень, и объясняется, почему он, положивший в основу своей работы текст первой редакции, тем не менее нередко прибегает к заимствованиям из второй, в частности, почему, приступая к изложению обстоятельств основания, постройки и освящения церкви, краткую сюжетную схему первой редакции заменяет схемой второй редакции (см. выше, с. 78 и текст IX).

Для автора третьей редакции характерен прием, нехитрый секрет которого продемонстрирую на примерах.

II ред.

... и посла сына своего нанти делатели и уготовати вся погребная на совершение церкви. Сын же соговори все повешенное и возвести отцу своему, еже уготова...

III ред.

... и посла сына своего с рабы своими наняги делатели многи для поспешения. Сын же его нанят делатели многи. Он же даяше купное собрание делателям нам неоскудно, и потребная, яже им годя, готовити повеле, дабы им не пегодоваги о том на господина своего, и чтобы делу оному было поспешение по угодно зданию церковное. Делатели же нам взяше у него и начала запасы всякие готовити, и место оно утвержати крепостию великою, и кирпичь, и известь, и камение, в вся яже на потребу к созданию церковному. И абие делатели уговоушиа вся, яже на потребу ко основанию церковному, и пришед, возвестиша Щиле...

¹ Х. М. Лопарев. Описание рукописей О-ва древней письменности, I, 1892, с. 302.

... Щил же по основании церковнем постави трапезу велию, и добре учредав архиепископа, и дарми великими одарив, и отпусти его во град с честью...

I ред.

... Егда совершена бысть церкви, Щил же моли архиепископа освятити церков...

II ред.

... Щил же нача созидати церков. По совершении же церковнем прииде ко архиепископу и моля его, да освятит храм...

I ред.

... Сын же Щилов видя отчю погибель и свое лишение, в велице недоумении бысть, и прииде ко святителю ища спасения и помощи лишенной души отца своего...

II ред.

... Сын же Щилов приаде к ногам святителя и рече: святителю великий, помози лишению отца моего, что ми велиши, да сотворю...

... Щил же по совершении основания церковного моля его дабы его брашна вкусил на его трапезе со всем священным собором и со множеством народа. Архиепископ же посети его. Он же любезно учредив архиепископа со священным собором и со множеством народа, одарив дарми великими, и отпусти его с миром во град. Сам же оста ту на месте том и делателя вельми устроя и упокой, и нудяше их на церковное здание поспеха ради...

... Делатели же вельми спяху церковным зданием. По некоем же времени делатели совершена бысть церковь. Щил же многия радости исполнився о совершении церкви оной и повеле сыну своему и рабом от свбих избытков уготовити на трапезу пища и пития. Щил же со тщанием и с великим усердием иде ко архиепископу, и пришед, моляще архиепископа, и поклоняся ему, глаголя: святыи владыко, за молитв святых твоих и благословением твоего святительства моего хотения покоище, совершена бысть церковь она. Прииди, святыи владыко, освати храм во славу христу богу и пречистыя его матере...

... Сын же рекомый Щилов тогда в велице недоумении бысть, скорбя и сетуя отча лишения. Визану прииде ко святителю ища спасения и помози лишенной души отца своего, и приаде к ногам святителя, кланяся ему, и глаголя: святителю великий, даждь ми помощь от печали и помози лишению отца моего, и что ми, господине, велиши, да сотворю...

I ред.

... Щил же в недоумении велице быв, рыдая и плачяся, иде в дом свой. Повеления же святителя не сме преслушати, вскоре вся повелсвает устроити заповеданная святителем. Егда же надгробное пение соборне отпеша над ним, внезапно не обретеса гроб с положеным в нем и бысть в том месте пропасть...

II ред.

... Щил же слышав сля от святителя, плачяся и рыдая, и вскоре устроив гроб и погребальная, и исповеда вся грехи своя отцу духовному, и скрывся во гроб в новосозданнем своем храме. И тако соборне пвше над ним надгробная пения, и внезапно Щил во гробе успе, и потрясеса по-мост церковный и не обретеса пред ними гроб, и бысть ту пропасть велия без дна...

Уже из приведенных примеров очевидно, что автор третьей редакции распространяет не только мотивы, но и единицы низшего порядка — отдельные стилистические мотивы.

II ред.

... вдав благословение Щилу, а ведый Щила богата суца и мздоимца (ростоимца)...

I ред.

... и восхоте на то кунное собрание воздвигнути церковь...

II ред.

... и помысли на то сребро церковь поставити...

III ред.

... что даст благословение Щилови на воздвижение церковное, и основание положи, а ведый Щила, яко много имать неизреченное богатство, в лихву многим людям даяше сребро свое...

... умысли в себе и восхоте на то кунное собрание воздвигнути церковь...

Возникла третья редакция в первой половине, возможно, первой четверти XVII века (Виземск. Ф. XXXVII, Ув. 1819 (533) (396), 1642 г.), но во всяком случае позже второй редакции.

Перейдем к анализу четвертой редакции повести о посаднике Щиле, до сих пор неотмеченной исследователями. Известна мне по следующим спискам.

1) Рукоп. библ. Акад. Наук к. XVII в. № 34. 8. 22, л. 115 — л. 119.

2) Рукоп. Моск. о-ва истории и древностей российских № I. 215, к. XVII в., л. 126 — л. 129.

3) Рукоп. Моск. гос. истор. муз., собр. Забелина, № 455 (37) к. XVII в., л. 152 об. — л. 157.

4) Рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., собр. Бусласва, Q. I. 1163, XVIII в., л. 92 — л. 96.

5) Рукоп. акад. В. П. Перетца Q. 162, к. XVIII в., л. 157 — л. 159.

6) Рукоп. библ. Акад. Наук № 38, 6, 22, Страсти XVIII в., л. 78 об. — л. 80. Список дефектный: оторвана половина л. 78.

7) Рукоп. Моск. гос. истор. муз., собр. Щукина, № 123, XVIII в., л. 388 — л. 390.

8) Рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., собр. Колобова, № 305, к. XVIII в., л. 133 об. — л. 137 об.

9) Рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., собр. Михайловского, Q. 525, XVIII в., л. 159 — л. 163 об.

10) Рукоп. Моск. гос. публ. муз., собр. Большакова, № 391, 1709 — 1710 гг., л. 141 об. — л. 145.

11) Рукоп. Моск. гос. публ. муз., собр. Большакова, № 395, к. XVII в. — нач. XVIII в., л. 163 об. — л. 169.

12) Рукоп. Моск. гос. публ. муз., собр. Севастьянова, № 44 (1475), XVIII в., л. 100 об. — л. 103.

13) Рукоп. Моск. гос. истор. муз., собр. Уварова, № 1872 (66), к. XVII в., л. 313 — л. 315.

Состав большинства указанных рукописей: духовные приклады из Великого Зеркала; заглавие повести: О создании Щилова монастыря.

К четвертой редакции восходит также дефектный список Моск. гос. истор. муз., собр. Щукина, № 692 — Сб. повестей нач. XVIII в., в 4°, л. 248 — л. 252. Без начала. (Нач.:... в домъ свой и посла сына своего

с рабы навяти дѣлатели многи...). От обычного текста четвертой редакции список Щукина № 692 оглячается рядом корректурных поправок, некоторыми дополнениями, а также присутствием нового персонажа, именно — жены посадника Щила, выполняющего ту же самую сюжетную функцию, что и сын Щила. Все эти поправки (см. текст X, вар. 4, 5, 6, 11, 15, 16, 20 и др.) и дополнения (вар. 7, 17, 18 и др.), кажется, продиктованы желанием писца (?) рукоп. Щукина № 692 по возможности уточнить текст оригинала, не оставить места каким-либо сомнениям относительно тех или иных его чтений. Это же самое следует сказать и о Щиловой жене — ее отсутствие текст четвертой редакции никак не объяснял.

Четвертая редакция повести о посаднике Щиле — переработка третьей. Ср. тексты IX и X. Допустить обратное предположение мы не можем хотя бы потому, что во всех списках четвертой редакции отсутствует отрывок: «пещи же глаголют: яко трижды заповеда сыну Щилову на год по сту латургий на день пети», заимствованный третьей редакцией непосредственно из первой.

Сличение третьей и четвертой редакций показывает, что четвертая редакция систематически и последовательно сокращает свой источник. Характер сделанных сокращений вскрывает перед нами замысел редактора; он всячески пытается разгрузить изложение от всех, с его точки зрения, лишних, чрезмерно замедляющих темп повествования, ступеней. Его метод диаметрально противоположен методу автора третьей редакции. Приведу примеры:

III ред.

... и абие делатели уготоваша вся яже на потребу ко основанию церковному, и пришед, возвестиша Щилови. Он же слышав от делателей и, радости исполнився, и пакы иде ко архиепископу и моля его и чезом бия ему тщательнo со усердием дабы архиепископ ехал начало оспованию церкви положи соборне. Архиепископ же слышав от него таковая, дав ему благословение, а сам восхоте по его молению ехати на основание оная церкви. Он же изыде от архиепископа, и иде в дом

IV ред.

... и его уже вся уготоваша и место утвердихе, идеже быти зданию, тогда Щил шед умоли архиепископа положить начало основания церкви соборне. Сам же, шед на место оно, учреди трапезу велию. Архиепископ же прииде со освященным собором и с ним народи мнози, и абие основание положи...

свой, взем потребная и ехав на уроченное свое место, и постави трапезу велию, пища и питию доволная, яже суть на основание учреди. Архиепископ же моления его не презре, и прииде на основание церковное со священным собором, а с ним народи мнози града того. Архиепископ же на том местѣ начало основанию церкви оная положи....

... Архиепископ... повеле ему в тайну храмину вйти, и вопроси его духовне плюбезне, глаголя: повеждь ми, чадо, бога ради, нужда ми належит, скорбию великою зело уязвляюся, тогда не вопросих от тебе, когда пришел в дом святые Софии..... Он же от радости, и страха, и ужаса исполнился от глаголемых от архиепископа, и глаголя: ей, честный отче, согреших, прости мя. Во много время мнози ко мне прихожаху просити потребных от мене взяти — ов на куплю, а иным потребная домови своему. Аз же не презря их никогда же, даях им серебро свое комуждо по их доволу, а от того у них на 14 гривен на 4 денги взимах кун по денги на год...

... Сын же рекомый Щцлов тогда в велице недоумении бысть, скорбя и сетуя отча лишения. Внезапу прииде ко святителю ища спасения и помощи лишенной души отца своего, и прииде, паде к ногам святителя, кланяяся ему и глаголя: «святителю великий, даждь ми помощь от печали и помози лишению отца моего, и что ми, господине, велиши, да сотворю ти». Святитель же с великим наказанием повеле...

... Архиепископ же поем его особ, начал вопрошати от коего собранного богатства созда церков. Щцл же отвеща: прости мя, честный отче, мнози ко мне, рече, прихождаху и запмоваху серебро. Аз же даях комуждо и взимах на 14 гривен и на 4 денги по единой денге точию на год, и того собра много богатство. Умыслих на то церковь божию и монастырь устроить...

... Сын же Щцлов, скорбя, прииде ко святителю ища помощи и спасения лишенной души отца своего. Святитель же повеле ему...

Какими причинами вызвана редакционная переработка третьей редакции?

Во-первых, редактор мог отметить в ней ряд серьезных художественных дефектов, которые и признал необходимым устранить. Судя по тому, как он это сделал — угадать эти дефекты нетрудно: медлительность, с какой автор третьей редакции разворачивает повествовательную ткань, передвигая ее от одной ступеньки к другой, могла и ему показаться утомительной; систематическое злоупотребление удвоением и утроением мотива до пределов его разложимости — нецелесообразным и антихудожественным. Во-вторых, редактором могло руководить желание приблизить изложение к стилю «духовных прикладов» Великого Зеркала; среди последних, сколько мне помнится, мы не встречаем чего-либо подобного оформлению третьей редакции. Это предположение тем более вероятно, что у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что автор четвертой редакции предполагал поместить ее именно в сборнике «прикладов» из Великого Зеркала — в составе этих «прикладов» найдены мною все списки четвертой редакции.

Возникла, четвертая редакция, следовательно, не ранее появления у нас Великого Зеркала, т. е. 1677 г. На конец XVII века указывают и списки редакции, из которых большинство относится к XVIII в. и очень немногие к концу XVII в.

Пятая редакция повести о Щиле известна мне только по двум спискам.

1) Рукоп. Библ. Акад. Наук № 1. 2. 24, Сб. выписок, главным образом, из сводного патерика, к. XVII—нач. XVIII в., л. 292—л. 293 об.

2) Рукоп. Черниговской духовной семинарии № 83, XVIII в., л. 138 (изд. В. Н. Перетцом в Приложениях к Киевским университет. изв. за 1907 г., № 8, с. 47—48). — От Зеркала Великаго. Слово о пѣкоемъ ро-стоимцѣ.

Оба списка, взаимно исправляя друг друга, восходят к общему протографу, очевидно, архегипу редакции.

Пятая редакция повести (см. текст XI) представляет собою совершенно оригинальное и самостоятельное произведение — по своему жанровому оформлению. Ее источником была вторая, синодичная редакция. Только во второй и пятой редакциях мы встречаем упоминание о разрушенном катафалке (помосте церковном), о повелении архиепископа сыну Щилову «нищих и убогих поити и кормити» (см. первую беседу архиепископа с сыном Щила). Не совсем ясно, какой именно вариант синодичной

редакции лег в основу пятой — кажется, третьей, наиболее популярный; и по третьему варианту и по пятой редакции чудо заключается в постепенном появлении из пропасти гроба Щилова (не тела). Кроме синодичной повести о Щиле автором пятой редакции использован еще один источник; он сам на него ссылается: «... показа ему господь, бог в видении: гроб отца его из ада в треть изыде, — якоже и оному старцу о ученице своем...» Автор, очевидно, понимает популярную повесть о Павле Простом и его ученике. Он мог ее прочесть в том же списке Синодика, в котором отыскал и повесть о посаднике Щиле, — в сводном патеряке, различных сборниках, «Небе Повом» И. Галитовского, в конце XVII в. уже известном в русском переводе.

Перерабатывая свой основной источник — синодичную повесть о Щиле, составитель пятой редакции поставил себе целью обнажить ее тенденциозную сторону.

Повесть о Щиле в пятой редакции играет чисто служебную роль простой иллюстрации к конкретному содержанию темы (необходимость поминовения усопших).

Автор выкинул из нее все, что мешало выявлению этого содержания. Он лишил ее, прежде всего, остатков местного колорита. В пятой редакции Щил уже не называется посадником; количество лихвы взимаемой Щилом также не указано. Во всех этих подробностях повесть о Щиле в качестве абстрактного примера спасительности заукожных молитв, — по мнению автора, не нуждалась. По этим же соображениям автор вынул описание всех обстоятельств постройки, основания и освящения церкви, беседу архиепископа с Щилом, исповедь последнего, описание событий, предшествующих ужасной и таинственной гибели Щила. По пятой редакции повесть завязывается непосредственно смертью Щила от жестокой болезни, мотивом типичным для большинства дидактических повелл о великих грешниках, — и заимствованным, повидному, из вышеуказанной повести о недостойном ученике блаженного Павла Простого. Автором пятой редакции оставлены нетронутыми только те эпизоды повести, которые давали возможность раскрыть тему (необходимость поминовения усопших). Так, эффектные эпизоды чуда — исчезновение гроба с телом Щила в адской бездне, его постепенное появление из пропасти — разработаны им тщательно и подробно. Как и в синодичной редакции, описание чуда развернуто на три ступени. Правда, и в этой части повествования автор всячески стремится освободить сюжет-

ную схему от лишнего балласта. Свидетелем чудесного появления из пронасти Щилова гроба является не архиднакон святителя новгородского, а сын Щила — посредник-архиднакон вообще отсутствует. Явилось это чудо сыну Щила в двукратном видении — след заимствования из той же повести о Павле Простом и его учешке; последнее освобождало автора от необходимости водить его в запечатанную церковь и снова вводить оттуда.

Заданием автора продиктован и однажды использованный им прием отступления от повествования; имею в виду его патетическое восклицание: «О, страшное божие прещение и казнь на грешники!», предпосланное описанию гибели Щила.

Передко пользуется наш автор также эмоционально-оценочным эпитетом: рост (студ) прескверный, немилостивый ростоймец (несколько раз). Закапчивается пятая редакция особым заключением — «моралью»: «Люто бо есть, братие, ростоймцем»...

Указанные особенности пятой редакции дают нам право отнести ее к жанру дидактической повеллы, характерной для патериков.

Возникла пятая редакция, очевидно, на рубеже XVII—XVIII вв. (см. акад. список).

До сих пор неизвестная исследователям, шестая редакция повести о посаднике Щиле дошла до нас только в двух списках.

1) Рукоп. Моск. гос. истор. муз. № 191, лицевой Синодик XVIII в., л. 99 об. — л. 115 об. (см. текст XII).

2) Рукоп. О-ва древней письменности Q. DXC, лицевой сборник нач. XIX в., л. 12 об. — л. 17 об., л. 9 об., л. 73 (см. текст XIII).

Оба списка, независимо один от другого, восходит к общему источнику — архетипу шестой редакции. В основе шестой редакции, кажется, лежал текст первой редакции.

В шестой читаем: «В великом Новеграде бе некто посадник, рекомый Щил. Имеше единого сына и име много сребра у себе. И прихождаху к нему многие купецкие люди и взимаху у него сребро в лихву и даяху ему на 10 гривен по единой денге в год...»

I ред.

II ред.

Бе в великом Новеграде некто посадник именем Щил... имся же у себе сына единого чада. Живушу же ему

... Бе некто посадник именем Щил. Имеша у себе сына единого чадаго. Бе бо богат вельми и многим даеше сребро

в богатстве мнозе. Мнози же людие в лихву. Взимаше на год на новгород-купцы, не имуще кун, взимаху у него ский рубль деньгу новгородскую... серебро на торговлю в куны. Имаше же лихвы на 14 гривен и 4 денги точию по единой денге на год.

Первая и шестая редакции объединяются отсутствием некоторых деталей и целых эпизодов, характерных для второй. В последней подробно описано торжественное основание храма, в то время как в первой редакции описание этого события исчерпывается краткой заметкой, а в шестой — вообще отсутствует. Первая и шестая редакции, в отличие от второй, сообщая об исчезновении Щилова гроба из церкви, даже не упоминают о треснувшем помосте церковном и т. п.

Составитель шестой редакции, перерабатывая свой источник, пытался снизить повесть до надписи к лубочной картинке.

Сопоставим текст шестой редакции с иллюстрирующими его в списках миниатюрами.

Рукоп. Моск. гос. истор. муз. № 191.

1) л. 104 (текст): л. 105 (миниатюра) — Щил приходит к архиепископу просить его благословения (на постройку церкви).

2) л. 105 об.: л. 106 — Щил во время погребения проваливается вместе с гробом сквозь пол.

3) л. 106 об.: л. 107 — Сын Щила приходит к архиепископу; последний велит поминать Щила.

4) л. 107 об.: л. 108 — Архидиакон видит Щила «вышедшим главою».

5) л. 108 об.: л. 109 — Священник молится о душе Щила.

6) л. 109 об.: л. 110 — Архидиакон видит Щила вышедшим по пояс.

7) л. 110 об.: л. 111 — Сын Щила умоляет архиепископа о позволении раздать «сорокоустие» в третий раз.

8) л. 111 об.: л. 112 — Священник молится о душе Щила (композиция та же, что и л. 109).

9) л. 112 об.: л. 113 — Архидиакон видит Щила всего вышедшим из пропасти. — «На стенѣ» — изображение Щила в гробу.

10) л. 113 об.: л. 114 — Архидиакон вместе с сыном Щила приходит к архиепископу и рассказывают ему о виденном. Архиепископ благодарит бога.

11) л. 114 об. : л. 115 — Архиепископ со всем собором «по уставу церковному» погребают Щила.

Рукоп. О-ва древней письменности Q. DXC.

1) л. 13 об. : л. 13 об. — Щил на коленях получает благословение архиепископа.

2) л. 14 : л. 14 — Направо — украшенная «яко невеста» церковь; налево (задний план) — «звон велий» (звоница с двумя колоколами); на переднем плане — Щил с протянутой к церкви рукой, за ним толпа.

3) л. 14 об. : л. 14 об. — Палата. На одре лежит умерший Щил. На заднем плане — двое сидят и плачут.

4) л. 15 : л. 15 — Щил в гробу лежит в церкви.

5) л. 15 об. : л. 15 об. — Церковь. Ворота заперты. Перед церковью — черная пропасть. Около пропасти стоит архидиакон и сын Щила.

6) л. 16 : л. 16 — Наверху: Щил вышел из пропасти до пояса; внизу сын Щила раздает милостыню.

7) л. 16 об. : л. 16 об. — Налево — сын Щила; направо — священник молится о душе Щила.

8) л. 17 — : л. 17 — Архиепископ велит сыну Щилову «третицею дати сорокоустие».

9) л. 17 об. : л. 9 — Щил в церкви лежит в гробе — весь «цел» вышел из пропасти. За гробом — архидиакон и сын Щила.

10) л. 9 об. : л. 9 об. — Торжественное отпевание Щила «по уставу церковному». В руках у архиепископа — раскрытая книга.

11) л. 73 : л. 73 — Торжественное освящение храма архиепископом.

Как видим из приведенной таблицы, текст шестой редакции почти ни в чем не отстывает от конкретного содержания связанных с ним миниатюр — даже в мелких подробностях (Истор. муз., № 191, л. 112 об.; ОДП, Q. DXC, л. 14, л. 9 об.). Свою живописную параллель имеет каждый отрезок текста — за исключением эпиюзицы. Все, что не нашло или не могло найти своего живописного отображения в миниатюрах, автором или совсем отброшено или видоизменено. В отличие от первой редакции, в шестой — посадник Щил умирает от жестокой болезни; нет никакой необходимости усматривать в этом заимствование из пятой редакции: мотив смерти от неожиданной болезни — *locus communis* большинства

легенд о великих грешниках, и подсказать его автору могла именно миниатюра (Щил лежит в гробу),¹ всегда отражающая явления, но не их причины. То же самое следует сказать и об описании обстоятельств чуда; по шестой редакции чудо состоит в постепенном появлении Щила из пропасти; «стенное писанье» изменениям не подвергается; — эта версия чуда автором

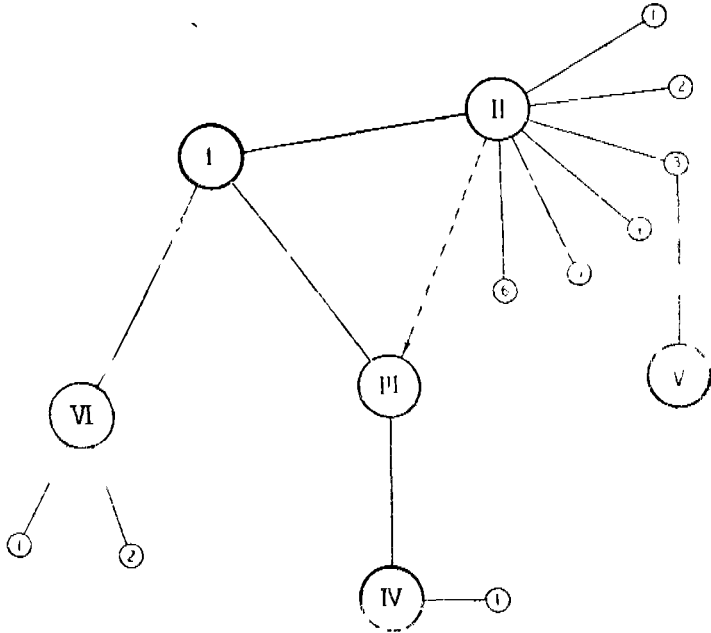

Схема В. Римскими цифрами обозначены редакции; арабскими — варианты.

несгой редакции не заимствована из второй редакции: текст шестой редакции невозможно возвести к синодичному, ср.:

VI ред.	I ред.	III вар. II ред.
<p>... и виде Щила во гробе главою из пропасти изшедша... и виде Щила из (вне) пропасти до пояса изшедша...</p>	<p>... и видит в надстенном писании, иже над гробом, Щила во аде во гробе — главу же его вне ада...</p> <p>... виде в надстенном писании Щила во гробе и з гробом вне ада до пояса...</p>	<p>... виде Щилова гроба наруже немного... и виде того гроба половина наруже.</p>

¹ Ист. муз., № 191, л. 106; ОДЦ, Q ДХС, л. 14 об., 15.

Следовательно, авторами и шестой редакции и третьего варианта второй редакции был использован общий источник, т. е. миниатюра.¹

Руководствуясь заданием дать словесную иллюстрацию к миниатюрам, автор шестой редакции сильно сократил изложение источника: рамка надписи к картинке узка и обязывала к краткости.

Возникла шестая редакция, вероятно, в XVIII веке.

См. схему В литературной истории повести о посаднике Щиле.

Перейдем к изучению первой редакции повести — древнейшей.

III

Из обзора научной литературы повести о посаднике Щиле мы могли убедиться, что вопрос, занимавший нашу науку уже более века — об исторических предпосылках повести, до сих пор остается открытым.

Мнения исследователей расходятся: одни (П. И. Костомаров, Х. М. Лопарев, Е. В. Петухов и др.), опираясь на свидетельства новгородских летописей, считают повесть отражением определенного исторического события, именно основания новгородского Щилова монастыря Покрова богородицы; другие (А. де-Витг), наоборот — не находят в повести «ни малейшего отголоска исторической действительности».

Все это обязывает нас вновь пересмотреть вопрос. Примем, прежде всего, летописные свидетельства.

Вот что сообщают нам новгородские летописи: первая: — «6818 (1310)... Того же лѣта постави церковь камену на Коломцахъ архимандритъ Кюрилъ Успѣние святыя богородица; а другую камену поставиша церковь на Дубенкѣ Покровъ святыя богородица, стяжаниемъ раба божия Олония мниха (царицаемаго Шкила, и бысть монастырь крестияномъ прибѣжище)...»² вторая: — «В лѣта 6818 (1310) постави архимандритъ Кирилъ святую Троицу, а Шил постави святую Богородицу на Дубяници...»³ — и несколько ниже — «В лѣто 6818 (1310). Того же лѣта постави церковь камену на Коломъцахъ архимандритъ Кюрилъ во имя святыя богородица Успеня, а другую постави церковь камену во имя святыя богородица Покрова стяжаниемъ раба божия Олония мниха, царицаемого Шила; и бысть монастырь, а хрестияномъ прибѣжище...»⁴

¹ Истор. муз., № 191, л. 108, 110, 113, ОДП, Ф. ДХС, л. 16, л. 9.

² Новгородская летопись по синодальному харатейному списку, СПб., 1888, с. 311.

³ Новгородские летописи, СПб., 1879, с. 26.

⁴ Ibid, с. 26.

третья — (Летописец новгородский церквам божим): — «В лето 6818 (1310). Поставиша церковь каменну на Дубне во имя святыя богородицы Покрова стяжанием раба божия Олония мниха, нарицаемаго Щила при архиепископѣ Давыдѣ; и другую церковь каменну постави на Коломцах архимандрит Кирилл Георгиева монастыря во имя пресвятыя богородицы Успения, последи же Кочмово именовася...»¹ — и ниже — «В лето 6918 (1410). Поставиша церковь каменну на Дубенке во имя пресвятыя богородицы Покрова стяжанием раба божия Олония мниха, нарицаемаго Щила, при архиепископе Иоанне...»;² четвертая: — «6818 (1310). Поставиша церковь каменну на Дубенке в имя святыя богородица Покров стяжанием раба божия Олония мниха, наречаемаго Щила; а другую церковь каменную постави на Коломцах архимандрит Кирил во имя святыя богородица Успение...»;³ пятая — «6818 (1310). Того же лета поставиша церковь каменну на Дубенке во имя святыя богородица Покров стяжанием нарицаемаго раба божия Олония мниха, нарицаемаго Щила; а другую церковь каменную постави на Коломцах архимандрит Кюрил во имя святыя богородица Успение...».⁴

Итак, неким ближе нам неизвестным монахо́м Олоном Шилом (Щилом, Шкилом)⁵ на собственные средства была построена каменная церковь в честь Покрова пресвятой богородицы в трех верстах к югу от Новгорода на правом берегу Волхова в урочище Дубно или Дубенка.⁶

Годом основания церкви следует, конечно, признать 1310 (6818) г. Летописец новгородский церквам божим ошибается, относя это событие к 1410 (6918) г., — Щилов монастырь не мог возникнуть позже 1386 г.: — в этом году он вместе с другими 23 монастырями был сожжен новгородцами, ожидавшими нападения московского князя Дмитрия Ивановича.⁷

Автору Летописца церквам новгородским, очевидно, была известна повесть о посаднике Щиле; отождествив архиепископа Иоанна повести с Иоанном II (1388—1415) и считая на этом основании ошибкой ле-

¹ Ibid., с. 214.

² Ibid., с. 253.

³ Полн. собр. рус. летописей, т. IV, ч. I, вып. I, II, 1915, с. 254.

⁴ Полн. собр. рус. летописей, т. IV, ч. II, вып. I, II, 1917, с. 240.

⁵ Имя Шил, Шило принадлежит к числу сравнительно популярных древнерусских имен. — Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских собственных имен, СПб., 1903, с. 444.

⁶ В. В. Зверинский. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, т. III, СПб., 1897, с. 212.

⁷ Полн. собр. рус. летописей, т. IV, ч. I, вып. 2, Л., 1925, с. 346.

тописные известия под 1310 г., он переправил 6818 (1310) г. на 6918 (1410) г.

По второй новгородской летописи активное участие в постройке церкви принимал архимандрит Юрьева монастыря Кирил («того же лета постави церков... архимандрит Кирил во имя святыа богородица Успенна, а другую постави церков... во имя Покрова стяжаннем... Олония мниха...») — вряд ли это, однако, соответствует действительности; летописец, переписывая известия о создании Щиловой церкви, повидимому, не понял записи оригинала: «того же лета постави (3 л. ед. ч. аориста) церковь... Кюрил Успение святыа богородица; а другую (того же лета)... поставиша (3 л. мн. ч. аориста) церковь... стяжанием... Олония мниха...» Ср. текст третьей новгородской летописи: «...поставиша церковь... стяжанием... Олония мниха; и другую церковь... постави... архимандрит Кирил... во имя пресвятыа богородицы Успения»; четвертой и пятой: «Того же лета поставиша церковь... стяжанием... Олония мниха; а другую церковь... постави... Кирил».

Около этого времени, быть может, в том же 1310 г., в святительство архиепископа Давида (1309—1325), при церкви Покрова богородицы был основан монастырь — так наз. Покровский Щилов. См. летописные записи: первой новгородской летописи — «поставиша церковь... и бысть монастырь крестияном прибежище»...; второй — «постави церковь... и бысть монастырь, а христианом прибежище». Во всяком случае во второй половине XIV века (1386 г.) Щилов монастырь уже несомненно существовал.¹

¹ Дальнейшая судьба этого монастыря была такова: сожженный новгородцами в 1386 г., он успел, однако, вполне оправиться, и не только кормился сам, но по приказанию Ивана IV кормил, одевал и обувал на свой счет татар-новокрещенов, сюда присланных. За монастырем по писцовым книгам числилось в шести погостах 59 деревень, в которых считалось 2330 четей земли. В Старой Руссе у монастыря было две соляные варницы. В 1615 г. монастырь был разрушен шведами, и пустовал до 1669 г. В этом году стал его обстраивать казначей Софийского Дома старец Савватий: построил деревянную церковь во имя Покрова богородицы, привлек братию, призвал священников, собрал рассыпанную вотчину монастыря. В 1681 г. приказом царя Феодора Алексеевича монастырь был приписан «со всей церковной утварью и монастырским строением» к Юрьеву монастырю. 13 августа 1686 г. он был отписан от Юрьева монастыря и передан Дому св. Софии, за которым и стоял до своего уничтожения в 1725 г. В этом году деревянная церковь и колокольня монастыря были разобраны; колокольня перевезена в Юрьев монастырь, а церковные бревна разнесло водой. См. Амвросий. История российской иерархии, ч. VI, Москва, 1815, с. 728—730; В. В. Зверинский. Ibid., с. 212; Б. Д. Греков. Новгородский Дом святой Софии, ч. I, СПб., 1914, с. 305—311.

А. де-Витт пыталась доказать, что это событие не только не отразилось в повести о посаднике Щиле, но даже по целому ряду причин не могло отразиться в ней.

Перейдем к анализу доказательств исследовательницы. В какой мере они убедительны?

Считая доказанным, что Щилов монастырь был основан в 1310 году, и исходя из своего предположения, по которому повесть о Щиле возникла не ранее второй половины XV века, А. де-Витт пишет: «...если мы возьмем даже самый ранний срок, какой только возможен, и предположим, что легенда (выше автор говорил о повести) возникла в начале второй четверти или даже в конце первой четверти XV в., то и тогда со времени основания монастыря должно было пройти более столетия. Могла ли так долго сохраниться память о Щиле, ничтожном заурядном монахе, который ничем не обратил на себя внимания даже своих современников? Конечно — нет. Только о крупных людях, оказавших почему-либо влияние на события и жизнь сограждан, живет память. Ничего подобного не числится за Щилом. Нигде нет ни малейшего намека на какие-либо его деяния. Только однажды, вскользь, упоминает о нем летопись, как упоминает о множестве строителей, исчезнувших без следа из памяти потомства. — На повесть мы ссылаться не можем, так как историчность ее героя еще требует доказательства. — И мы нигде не находим ни малейшего даже намека на какой-либо подлинный факт, который мог бы повлечь создание легенды вокруг личности Щила. Народ знал Щилов монастырь и заключал отсюда, что когда-то должен был существовать какой-то Щил; но об историческом Щиле он не знал решительно ничего, не только того, что тот был мнихом, ... но даже не знал его христианского имени... Итак, легенда не может относиться к историческому Щилу уже потому, что ко времени ее возникновения об историческом Щиле не существовало ни малейшего воспоминания» (с. 101—102).

Все эти соображения автора — результат какого-то странного недоразумения. Прежде всего неясно, что понимает автор под словом повесть, легенда? Если книжную (рукописную) повесть, тогда непонятно, почему автор не считает возможным допустить существования устной легенды, которая могла возникнуть не обязательно в XV веке, а гораздо ранее быть может, непосредственно после основания Щиловой обители, и во второй половине XV века послужить источником для составителя повести —

как увидим ниже, в таком предположении нет ничего невероятного; если устное сказание о Щиле, тогда неясно, на каком основании он относит возникновение этого сказания именно ко второй половине XV века — опираясь на данные текста книжной повести? Но кто поручится, что повесть есть буквальный пересказ этого устного сказания? Автор забывает, что устное предание о ИЦиле — X, которого мы не знаем и о существовании которого мы можем только догадываться.

Отрицая историческую подоснову «повести» о ИЦиле, автор пытается доказать, что об историческом Щиле — «ничтожном», «заурядном» монахе вообще не существовало каких-либо преданий; «народ» — по уверению автора — не только решительно ничего не знал об историческом ИЦиле, но даже не мог знать: память живет только о «крупных» людях. Но откуда все это известно исследовательнице? Откуда ей известно, что ИЦил был «заурядным», а не «крупным» в представлении современников. Почему, наконец, память может жить только о людях, оказавших «влияние на события и жизнь сограждан»?

Ссылка исследовательницы на то, что мы нигде, за исключением летописей, не находим каких-либо известий о жизни и деяниях Щила, не знаем того факта, «который мог бы повлечь создание легенды вокруг личности ИЦила», — неубедительна, а в качестве доказательства, и наивна.

Из того, что мы ничего или почти ничего не знаем — ровно ничего не следует.

Далее, автор, понимая, что его гипотеза нуждается в других, более веских, доказательствах, приводит еще такой довод, именно указывает на «то несоответствие между личностью исторического Щила и ИЦила повести, которое бросается в глаза при сопоставлении данных летописи с данными повести» (с. 102).

«Прежде всего — пишет он — возьмем отношение исторического ИЦила к построению храма. Оно иное, чем отношение ИЦила легенды. Исторический ИЦил пассивен... ИЦил же легенды активный строитель, он сам обо всем хлопочет» (с. 102).

«Легопись говорит про ИЦила «мниха», т. е. человека отрекшегося от мира, а сказание сообщает о богатом «посаднике», который до конца дней своих думал только о мирских делах и, хотя построил церковь (нужно думать, для спасения души), но отречься от мира не собирался» (с. 103).

«Что касается события, основания храма и монастыря, — продолжает автор, — то и тут мы не находим в повести ни малейшего отголоска исторической действительности, хотя бы в виде имени архиепископа. Архиепископом назван Иоанн, тогда как в эпоху основания храма был, как то нам достоверно известно, Давид» (с. 104).

Прибегая к такой аргументации, автор допускает, как видим, ту же самую, непростительную, методологическую ошибку, в которой несколько ниже (с. 104) упрекает других ученых, именно смешение «двух точек зрения: исторической и литературной, строгого фактического материала с произведением народной фантазии»; — автор забывает, что искусство совсем не ставит себе целью точное воспроизведение действительности, что составитель повести о Щиле, воспользовавшись своим, неоспоримым, правом художника, мог сознательно переработать исторические факты.

Во всяком случае примеры несоответствий между повестью и летописными данными, приведенные исследователем, не дают ему никакого права утверждать, что «повесть не связала ни с основанием монастыря, хотя и говорит о нем, ни с личностью строителя» (с. 104).

По мнению А. де-Витт, исторический Щил — «пасивен». По откуда это известно исследовательнице? Откуда ей вообще известно, как исторический Щил относился к постройке церкви. Из летописи? Летописный текст, по нашему мнению, не дает повода к таким смелым заключениям, а если и давал бы, кто поручится за достоверность таких подробностей его показания?

Совершенно неубедительна и ссылка на то, что в повести упоминается архиепископ Иоанн, тогда как в действительности Щилов монастырь был основан при архиепископе Давиде; мало популярное имя Давида автор повести или посетители устного предания о Щиле могли позабыть и заменить его именем архиепископа Иоанна II (1388 — 1415) или, что гораздо вероятнее, эпическим именем первого новгородского архиепископа Иоанна I (1165 — 1186).

Ссылка на то, что в повести Щил называется посадником, а в летописях мнихом, была бы убедительной, — но только в том случае, если бы автору удалось доказать, что у составителя повести о Щиле или носителей устной легенды о нем не было и не могло быть поводов окрестить посадником монаха Щила.

Итак, как видим, А. де-Витт, пытаясь доказать «антиисторичность» повести о посаднике Щиле, прибегает к малоубедительным приемам доказательства.

Что касается ее собственной, «иконографической», теории генезиса повести, то она совершенно фантастична.

Чтобы не быть голословным приведу ее в изложении автора.

Опираясь на цитату из повести: «повелѣ иконописцемъ написати вапы на стѣнѣ, виденіе повѣдающе о братѣ Щилѣ во адовѣ днѣ», которая якобы доказывает существование в Щиловом монастыре «фресок» (?) с изображением Щила в аду, автор полагает, что эти фрески «и послужили основанием для зарождения легенды» (sic!) (с. 105).

Отметим, что автор счтывает «повесть» «произведением народной фантазии», ценность которого, как исторического источника, сомнительна (см. подлинные слова автора на с. 102: «на повесть мы ссылаться не можем, так как историчность ее... еще требует доказательства»).

Читаем дальше: «... Известно, что ростовщичество было большим социальным злом Великого Новгорода. Богатые капиталисты держали в своих руках массу горожан, которые, само собой разумеется, сильно страдали от такого порядка вещей. И вот, как нравственное воздействие на греховных издоимцев, в Щиловом храме Покрова на видном месте должно (??) было красоваться «настѣнное писаніе», где изображался человек, мучимый в аду за ростовщичество. Изображения грешников и адских их мучений встречались часто, но обыкновенно, если дело шло вообще о грешниках, то изображались группы грешников и соответствующие их грехам наказания... В данном случае был (?) изображен не сонм грешников, а лишь один человек «во адовѣ днѣ» в наказание за грех, от которого страдали очень многие» (с. 105).

«... На картине изображался (?) богатый человек в богатой одежде, — и народное представление не могло причислить его иначе, как к самому высшему сословию, к боярам, и окрестило посадником» (с. 105).

«... Создав живую личность, народ назвал ее именем Щила. Почему? Возможно, что существовал какой-нибудь ростовщик Щил, имя это было довольно распространено в Новгороде в XIV и XV в., но гораздо более вероятно, что самое местонахождение картины дало (?) повод отнести изображенное на ней лицо к личности основателя храма. Это было тем легче (?), что об основателе, кроме его прозвища «Щил» никто ничего не знал» (??) (с. 106).

Все это вместе взятое заставляет нас разрешить вопрос об исторических предпосылках повести о посаднике Щиле в том же смысле, как его решил век тому назад первый исследователь повести, анонимный автор трактата «О новгородских посадниках»: «это сказка, но она имеет основанием историческое событие», именно — сооружение в 1310 году «мпихом» Олонием Щилом церкви Покрова пресвятой богородицы.

Во всяком случае у нас нет ровно никаких оснований сомневаться в этом. Герой повести и летописный строитель церкви носят одно и то же имя Щил, Шил; и тот и другой строят храм в честь покровы богородицы; место постройки — окрестности Новгорода (повесть: «созла церковь близ реки Волхова, на лугу, от града яко два попрвца; летопись: «поставиша церковь на Дубенке... на Дубне» — в урочище на правом берегу Волхова, в трех верстах к югу от Новгорода¹). То обстоятельство, что в повести Щил называется посадником, архиепископ — Иоанном, по нашему мнению, — ниже попытаюсь его подробно обосновать, — не может служить доказательством ошибочности этого предположения.

Перейдем к вопросу, когда и где возникла повесть, т. е. ее первая редакция.

Из всего вышесказанного очевидно, что повесть не могла возникнуть ранее 1310 года и позже конца XVI века, т. е. того времени, к которому относится ее древнейший, известный нам, список (Ленингр. гос. публ. библ. Q. XVII. 67) или его протограф. Но когда же именно?

В повести упоминается архиепископ Иоанн; по нашему мнению, это свидетельствует о том, что имя архиепископа Давида, при котором в действительности была основана Щилом церковь, было уже бесследно забыто — последнее, разумеется, могло случиться только некоторое время спустя после 1310 г., — не ранее, по моему, конца XIV или даже начала XV века.

В повести говорится о деньгах и гривнах (... взимаху у него серебро на торговлю в купы, вмаше же лихвы на 14 гривен и 4 денги точию по единой денге на год...).

В Новгороде начинают чеканить монету только с XV века; — в 1410 году новгородцы «куны отложиша» и вводят у себя загра-

¹ В. В. Зверинский. Ibid., с. 212.

ничную монету,¹ а с 1420 года приступают к чеканке собственной монеты.²

Повесть о Щиле, таким образом, возникла во всяком случае не ранее 1420 года, — быть может, после бунта 1447 года, когда деньги новгородской чеканки уже окончательно и официально вошли во всеобщее употребление.³

Возникла первая редакция повести по всей вероятности в пределах новгородской земли: не новгородец вряд ли мог с такой точностью определить географическое местоположение Щилова монастыря, как это сделано автором повести: «... созда церков близ реки Волхова, на лугу, от града яко два поприща», — мог не знать того факта, что Щилов монастырь «и до ныне стоит».

Обратимся к вопросу, откуда автор повести почерпнул сведения об обстоятельствах основания Щилова монастыря; повесть составлена не ранее XV века, и автор повести, следовательно, не был и не мог быть свидетелем того события, о котором рассказывает.

Быть может, из того же источника, из которого и мы узнаем об этом событии, из новгородских летописей? Но, допуская такое предположение, мы заугались бы в целом клубке совершенно неразрешимых вопросов, — мы не смогли бы объяснить, почему автор называет Щила посадником в то время как летописи ясно говорят о мнихе; почему он зовет архиепископа Иоанном, когда из летописей он мог легко узнать, что в 6818 году новгородским владыкой был Давид; наконец, откуда автор взял, что строитель храма был злостным ростовщиком и за этот грех наказан ужасной смертью — летописи молчат об этом.

Все это дает нам право думать, что автор повести о посаднике Щиле использовал какой-то другой, нам неизвестный, источник.

Таким источником конечно было устное предание или предания о Щиле. На это указывает и текст повести, — имеем в виду заключи-

¹ «В лето 6918... Того же лета начаша Новгородци торговати промежи себе лопщи и гропи Литовьскими и артуги Нѣмечкими, а куны отложивши, при посадничествѣ Григорья Богдановича и при тысячкомъ Васильти Есифовичѣ» — Новгородская летопись по синодальному харатейному списку, СПб., 1888, с. 398.

² «В лето 6928. Начаша Новгородци торговати денги серебряными, а артуги попродаша Нѣмцомъ, а торговалѣ ими 9 лѣт» — *ibid*, с. 410. См. И. И. Кауфман. Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейших времен, СПб., 1906, с. 35 — 36, 44 — 46.

³ И. И. Кауфман. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века, СПб., 1910, с. 40 — 43.

тельные слова автора: «... И оттоле устроися монастырь, нарицаемый Щилов.... Нецыи же глаголют: архиепископ заповеда сыну Щилову по 3-жды на год по сту литургий пети в три лета».

Рассказы этих «неких» (иноков Щилова монастыря?) и послужили тем материалом, опираясь на который, автор повести и составил свою, книжную, версию благочестивой легенды о грешном «посаднике».

Между прочим, эта ссылка автора на «нецыих» может служить новым доказательством новгородского происхождения повести; только в Новгороде, вернее, в стенах Щилова монастыря могла возникнуть и передаваться из уст в уста легенда о Щиле, грешном строителе монастыря, и только там мог ее услышать автор повести.

Когда и при каких обстоятельствах возникла устная легенда о Щиле, о чем она рассказывала, как переработал ее автор повести — на все эти вопросы первостепенной важности, решение которых является наиболее сложной, по в то же время и наиболее интересной задачей нашего исследования — мы попытаемся ответить несколько ниже.

На очереди другой вопрос — идейное содержание повести.

Присмотримся к сюжету повести в ее первой редакции.

Щил, новгородский посадник, крупный финансист, занимающийся ростовщичеством, скопил благодаря этим операциям, значительное состояние. С приближением старости Щил решил «душа спасти», на свои капиталы воздвигнуть церковь и при ней монастырь во имя Покрова пресвятой богородицы. Однако, желанного примирения с богом и церковью Щилу достичь не удалось. Вышеуказанного мероприятия оказалось недостаточно, понадобился целый ряд чрезвычайных мер, направленных к спасению грешной души лихоимца. Об этом недвусмысленно заявил Щилу новгородский архиепископ в ответе на его просьбу об освящении церкви. Архиепископ — глава авторитетной организации, новгородской церкви, блюститель христианской идеологии, — не скрыл от Щила того обстоятельства, что самый факт сооружения церкви на «лихвенное собрание» является тяжким грехом. Чтобы выявить отношение своего небесного патрона к Щилову греху, архиепископ повелел Щилу «у здания своего в степе устроити гроб и исповедати вся своя тайны отцу своему духовному и, вздев срачицу и саван и вся яже суть подобна на погребание мертвым», лечь «в создании своем во гробе оном» и «надгробная отпѣти». Когда Щил выполнял это приказание, по окончании заупокойной литургии вдруг гроб с Щилом

исчез. На том месте, где был гроб обнаружилась пропасть. Архиепископ приказал написать на церковной стене, над тем местом, где был гроб Щила, «вапы» (картину), на которой был бы изображен Щил «во адове дне» и запечатать церковь в ожидании новых знамений.

Опечаленный сын Щила решил принять также и свои меры к спасению души своего отца. Он направляется за помощью к архиепископу. «Святитель же повеле ему молити бога о отци погвбелл и в посте и во бдении пребывати и повеле на 40 дней у 40 церквей сорокоусты дати священником с причетники довольно, да поют в ты дни по 40 панахид и литургий неизменно и в ту 40 дний милостыню беспрестанно творити».

Троекратные церковные богослужения, щедро оплаченные щилowym наследником, увенчались полным успехом. Повесть изображает три стадии появления Щила из адова дна на картине, после чего и гроб с умершим Щилом появляется в церкви.

Как видим, автор последовательно внушает своему читателю три идеи: 1) греховность взимания процентов, даже небольших, за ссуды, 2) греховность созидания церквей и монастырей на средства нажитые лихоимством и 3) возможность спасения грешной души лихоимца путем заказов церкви заупокойных молитв и богослужений.

Намеченные три идеи принадлежат к числу наиболее популярных тем христианской учительной литературы. Канонизованные такими мастерами учительного слова, как Иоанн Златоуст, Василий Великий и др., темы эти не раз обрабатывались как византийскими, так и древнерусскими проповедниками.

Классический образец такого обличения древний читатель мог найти в Златоусте (65-й главе полного извода), в обширном Слове Иоанна Златоуста «о лихоимствѣ». «Что ради от лихоимства богатѣти жалаеши, человек, — вопрошает Златоуст — да имѣмъ убо останеть злато и сребро, тебѣ же кляимы и укоризны... (л. 351 об.) Праведно нѣкто рече: сребролюбца нѣсть ничго же окааннѣе, ибо таковыи душу свою продаеть и всѣмъ общь врагъ есть; всѣх бо ненавидитъ, и богатыхъ и убогих, идѣже не чюеть взяли; убогия, да быша не просили у него, а овѣх, яко не имать, како ограбити их, и акы от всѣхъ преобидѣнь быти мнится... всѣхъ отмещеться и на вся ярится, и все доброе от душа извргъ, ко всѣмъ брань имать...» (рукоп. Ленингр. гос. публ. библ. F. I. 218, Златоусту XVІ в.).

Сходные мысли мы встречаем и в ряде других слов Златоустуя, например, в поучении Златоуста «яко не достоитъ съблагнати брата и осуждати и о богахъ»¹ (рукоп. Ленингр. публ. библ. F. n. I, 46, Златоустуя XII века, л. 62).

Эта же тема обработана Василием Великим в его беседе «въ речение еже от Луки святаго евангелия: разорю житница моя и болшая съзиду и о лихоимствѣ» (рукоп. Ленингр. гос. публ. библ. F. I. 199, Сб. XV в., л. 352—355).

Отметим еще проложное (27 мая) «Слово Иоанна Златоустаго о емлющих рѣзы на опротахъ» (рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., собр. Погодина, № 603, Пролог (март-август) XV в., л. 274 об.).

Пандекты иоака Антиоха, одна из наиболее популярных книг нашей старины, богатая выписками из писания и известная на Руси уже с XI в., — уделяет обличению лихоимства целых три слова: «о лихоимании»,² «о лихвах»³ и «о мздоимании»⁴ (рукоп. Моск. Гос. Истор. муз., собр. библ. Воскресенского Новоиерусалимского монастыря Пандекты Антиоха, XI в.).

В Измарагде (первой редакции) мы читаем интересное «поучение святых отецъ о лихоимстве и пьпствѣ», где лихоимец сопоставляется с пьпницей.⁵ (Рукоп. Ленингр. гос. публ. библ. F. I. 233, Измарагд XVI в., л. 169).

¹ Та же мысль в слове Иоанна Златоуста «о богатствѣ злѣ и о убожествѣ благогрѣблнвѣ» (119-ая глава полного извода Златоустуя) — рукоп. Гос. публ. библ. F. I. 218, л. 530 об. — л. 534 об. См. также «Иоанна Златоустаго слово о питающихся лихымъ имѣнием, и о милостыни, и о судѣ» — Златоустуя XII в. Публ. библ. F. n. I, 46, л. 57а — л. 58с.

² Это слово читается под 14 октября и в Прологах — см. рукоп. Гос. публ., библ. собр. Погодина, № 59, Пролог XIV в., л. 69 об. — л. 70. Слово о лихоиманьи.

³ Арх. Амфилохий. Исследование о Пандекте Антиоха XI века, находящемся в Воскресенской Новоиерусалимской библ. М., 1880, с. 45. В Прологах — под 15 октября. См. Амфилохий. Ibid., с. 45—47 (Синод. Пролог XIV в., № 239); И. И. Срезневский. Сведения и заметки..., ХLI—LXXX, СПб., 1876 с. 25—26 (финляндские отрывки).

⁴ Амфилохий. Ibid., с. 43—45. Проложный вариант этого слова (13 октября) — там же.

⁵ С этим поучением сходно слово Иоанна Златоустого «о воздержаніи, о скупыхъ богатыхъ и о упивающихся» — рукоп. Ленингр. гос. публ. библ. F. I. 215, Златоустуя XVI в., л. 43 об. — л. 46 об., главным образом, л. 46 и об. См. также: Лествицу Иоанна Синайского, гл. 16 и 17 (рукоп. Ленинград. гос. публ. библ. F. n. I, № 17, Лествица 1419 г., л. 102 об., л. 104), Слово Иоанна Златоустого «о въздѣржаніи», повидимому, русское (рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., Новг.-Сов. собр., № 1265, к. XV в., л. 150 об.), «слово святыхъ отецъ, како жити крестьяномъ» (Правосл. Собеседник, 1859 г., № 1, с. 141) и др. Ср. епитимийник XIV—XV вв., где читаем: «А в резъ куны ци даешь, одитемы годъ» — С. Смирнов. Древнерусский духовник, М. 1914, Материалы, с. 142; то же предписывает и другой епитимийник — XV века: «Аще ли в рѣзы куны даетъ — постъ 12 мѣсяць» — А. Алмазов. Тайная исповѣдь в православной восточной церкви, т. III, Одесса, 1894, с. 150. Одно правило приравниваетъ резимца к тати разбойнику и запрещаетъ с нимъ есть и пить — С. Смирнов. Ibid., с. 61.

Вторая тема в древнерусской поучительной литературе охватывается еще более широким кругом поучений, обличающих вообще милостыню от неправедных прибытков.

Отметим напр.: продолжение (24 января) «Поучение Иоанна Златаустаго о милостыни» (рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., Новг.-Соф. собр., № 1324, Пролог XII—XIII вв., л. 288, слово Иоанна Златаустаго «о лихоимствѣ» (рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., F. I. 218, Златоструй XVI в., л. 351), слово «о рассмогрѣнии милостыни», — 34-ю главу второй редакции Измарагда (А. С. Архангельский. Творения отцов церкви в древнерусской письменности, IV, Казань, 1890, с. 60—61)¹, наставление, читаемое в Пчеле (В. Семенов, Древняя русская пчела по пергаменному списку, СПб., 1893, с. 208), «Слово святых отец како жити крестьяном» (Православный Собесѣдник, 1859 г., № 1, с. 139) и др.

Мы можем указать еще на популярное² слово (22-е) Пандект Никона Черногорца — «о творящих милостыни от неправды, а не по правдѣ, яко не точью бога немилостива творят, по и раздражают, и яко аще и церкви или монастыря зиждут от неправды, тогоже подлежат осуждения...» (рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., Новг.-Соф. собр., № 1437, Пандекты Никона Черногорца XV в., л. 196 — л. 203).

Это слово — целая антология выписок из отцов и учителей церкви по вопросу о неправедной милостыне. Здесь читаем извлечения из творений Иоанна Златауста, Василия Великого, Анастасия Синаита, Григория Богослова, Афанасия Александрийского, Исаака Сирина и др., также «Сидорово послание ко Евсевию епископу», замечательное по своим художественным достоинствам и интересное для нас своей темой: обличением греховности

¹ Эта же тема разработана и в некоторых других словах Измарагда; см. «Слово Иоанна Златаустаго яко не притна без исповѣдания милостыни» — (рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., собр. Погодина, № 1019, Измарагд (вторая редакция) XVI в., л. 41); «Слово Иоанна Златаустаго о беруших многая имения» — (А. С. Архангельский Ibid., с. 38—39 и 142—152); «Слово Иоанна Златаустаго о богатых и немилостивых» — (А. С. Архангельский. Ibid., 199—203). Отмечу еще продолжение (27 марта) «Слово святого Ивана Златаустаго о милостыни и о рабехъ» — (рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., собр. Погодина, № 603, Пролог XV в., л. 93); «Слово святого Ефрема Сирина къ богатымъ; (16 марта) — (Ibid., л. 42 — л. 42 об.).

² Сокращенную переработку этого слова, русского происхождения по всей вероятности, мы встретили в одном сборнике XVI в., Гос. публ. библ., Новг.-Соф. собр., № 1418, л. 90 об. — л. 94 об. — Василия великаго и иных святых о лихоимствѣ и о събирающихъ от неправды.

тех, которые создают церкви и монастыри на награбленное лихими путями имение.

По вопросу о спасительности церковного поминовения усопших душ у нас также имелась сравнительно обширная литература.

Отмечу «Иоанна Златоустаго поучение от Филиппийския епистолия, въ ней же кажесть умръшнимъ пользу сущю в память» (рукоп. Ленингр. гос. публ. библ. Ф. п. I, 46, Златоструй XII века, л. 165—166), слово Златоуста «о благопохвалении умръшнихъ дѣля» (*ibid.*, л. 155 в.—155 д.), популярное у нас в старину слово Иоанна Дамаскина (?) «о иже в вѣрѣ усопшихъ, яко яже о нихъ бываемыя службы и благотворения пользуетъ ихъ», известное по целому ряду списков, в частности XV века.¹

В этом последнем слове, между прочим, читаем: «... сие хоцеть милостивыи и любить, яко да другъ от друга благодарѣтельствуемси, и живущии, и по смерти. Не бы бо намъ вину даль еже памяти творите на бескровнѣй жертвѣ предварившемъ, — и паки третины и девятины и четьредесятины и лѣтныя памяти и службы, яже кромѣ всякого прекословия соборная и апостольская его церковь (л. 42) непоколебимо держитъ и неззорно» (Сборник, М., 1647, л. 31—42).

Эта же тема обработана в целом ряде патеричных сказаний — ниже мы познакомимся с ними.

Вообще в тематическом отношении повесть о Шциле теснейшим образом связана с существовавшей литературной традицией и не выходит за ее пределы.

Этот вывод, который мы извлекаем из непосредственного анализа идейного содержания повести, дает нам право предположить, что своим возникновением повесть обязана каким-то определенным историческим условиям.

Обработка избитой темы — дело мало благодарное и во всяком случае рискованное, — учитывая это, авторы обычно ищут свежих, актуальных тем, и берутся за традиционную тему только в том случае, если последняя в силу тех или иных конкретных исторических обстоятельств вновь становится и живой и интересной. Наша ближайшая задача, таким образом,

¹ См. «Описание славянских рукоп. библ. Свято-Троицкой Сергиевской лавры», ч. I, М., 1878, с. 158; ч. III, М., 1879, с. 155 и 158.

сводится, во-первых к тому, чтобы выяснить степень актуальности тем, намеченных автором, и во-вторых — указать те конкретные социально-исторические обстоятельства, которые обусловили актуализацию этих тем и, следовательно, явились конечной причиной возникновения повести.

Последняя, как мы уже знаем, возникла не ранее первой половины XV в. (1420 г.) и не позже конца XVI в. Это дает нам право связать ее возникновение с одним из наиболее крупных событий этого времени, именно — секуляризацией церковных земель.

Различными путями, нередко хищническими, захватывая в свои руки лучшие земельные участки, церковь уже в период с XI — XIV вв. успела занять одно из первых мест, если не первое, в ряду крупнейших землевладельцев древней Руси и обеспечить себе господство на земельном рынке. К XV веку земельные богатства церкви достигли грандиозных, еще небывалых размеров, — достаточно указать, что некоторые крупные монастыри обладали десятками тысяч десятин одной пашенной земли, не считая пустырей и леса. Этот непрерывный рост экономического могущества церкви явился серьезной угрозой светскому землевладению, и в XV веке — эпоху перехода феодального вотчинника от натурального к денежному хозяйству — послужил основным поводом к той борьбе церкви с светским землевладением, которая длилась до конца XVI в. и создала целую эпоху в истории древнерусской публицистики.

Если прежде светский вотчинник как крупный, так и мелкий, наблюдая хозяйственные успехи своего духовного собрата, только угрюмо хмурился и ограничивался общими рассуждениями на тему о неприличии инокам владеть селами, о нравственной пользе нищеты во Христе, то теперь — в XV — XVI вв. он уже открыто обличает многомилетнее житие «непогребенных мертвецов» и решительно требует изъятия церковных земель. К XV — XVI вв. идея секуляризации церковных земель особенно укрепилась в среде средних землевладельцев (дворянство), успевших к этому времени в значительной мере сокрушить экономическую и политическую мощь класса крупных вотчинников — бояр.

Нануганная создавшимся положением вещей, церковь поспешно готовилась к обороне как против натиска светских властей, так и против врагов церковного землевладения, выросших в недрах самой церкви (заволжские старцы): на головы вельчских «супротивников святых божией церкви» посыпались ученые цитаты из отцов церкви, писания, выписки

из канонических постановлений вселенских соборов, угрозы и даже проклятия.¹ Когда все это особого впечатления не произвело, духовные землевладельцы поспешили уверить московского князя в своей полной преданности его интересам, и в виде аванса предложил ему теорию политического единодержавия — Москвы-третьего Рима, в расчете путем этой политической уступки московскому князю, тесно связанному с дворянскими кругами, добиться с его стороны соответствующей экономической компенсации в виде прекращения свегского патиска на церковные земли. Это был удачный ход, и духовные землевладельцы, выиграв спор на соборе 1503 г., перешли к открытому наступлению на всех «обидящих церкви божия и священныя власти их», — напомним процессы Вассиана Патрикеева и Максима Грека.

Борьба затянулась, и потому стала еще более напряженной и страстной, в особенности, на литературном фронте.¹

Наиболее шумным эпизодом этой борьбы была полемика по вопросу о вкладых «по душе». Эти вклады, которыми миряне надеялись искупить свою многогрешную жизнь и обеспечить себе загробное блаженство, — являлись одним из основных источников земельного обогащения церкви. Они достигали порою огромных размеров. Бывали случаи, когда вогчипник, припоминая перед смертью беспечно прожитую жизнь и томимый предчувствием суровой кары, — приносил искупительную жертву — подписывал завещание, по которому все его, нередко огромное, состояние становилось «вечной» собственностью церкви, и семья оставалась без всяких средств к существованию. Случай, подобные указанному, объясняют нам, почему в XV — XVI вв. — эпоху обострения земельного вопроса — обычай «строить душу» вызвал особенно горячий протест светских противников церковного землевладения и стал предметом ожесточенных споров.

Так как церковь, поощряя и даже предписывая давать вклады «по душе», опиралась на учение о спасительности заупокойной церковной молитвы, — споры вокруг обычая «строить душу» земельными вкладыми неизбежно должны были свестись к полемике по вопросу о богоустановленности «догмата» о молитве за усопших.

Охотники поговорить на эту интересную богословскую тему нашлись в разных слоях свегских землевладельцев.

¹ См. А. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, Одессе, 1871.

Уже в конце XIV века «стригольщики», выразители демократического протеста мелкобуржуазных городских слоев Новгорода и Пскова, пришли к неслыханно смелым заключениям: «..... еще же въ животѣ своемъ уразумѣлъ то, — с глубоким возмущением писал в 1386 г. Стефан Пермский (?) о Карпе «стригольнике» — оже тѣло его не будетъ погребенно со псалмы и пѣсньми, якоже и всякого хрестьянина, того дѣля почал людемъ глаголати: «не достоитъ де надъ мрѣтвыми пѣти, ни поминати, ни службы творити, ни приноса за умершаго приприсити къ церкви, ни пировъ творити, ни милостыи давати за душу умершаго.....».¹

Правда, эти радикальные попытки критически пересмотреть «догмат» о церковном поминовении усопших потерпели полную неудачу: церковь усмотрела в них покушение на основы христианского вероучения, и на этом основании предала вольнодумцев проклятию, осудив их как злостных еретиков.²

Тем не менее взгляды, осуждающие вклады по душе не исчезли, а, напротив, получили распространение даже в среде крушой новгородской буржуазии, смущенной ростом экономической силы духовных землевладельцев.

Последнее обстоятельство необычайно встревожило даже высшие московские церковные власти, которые решили парализовать неудобные разговоры новгородских правителей «слезными» увещаниями и «пастырскими» обличениями. Характерным образцом такого пастырского обличения может служить знаменитое послание митрополита Филиппа к новгородскому архиепископу Ионе и новгородцам от 8 апреля 1467 г. «... нѣкоторые посадници и тысячцики, да и отъ Новгородцевъ мнози, — писал Филипп — въставляють пѣкая тщетная словеса, мудрѣствующе себѣ плотская, а не душевная, и яко забывше божия страха и казни его, и нещюя ничтоже, ни поминающе скорѣбныхъ и печальных, еже имъ бывших во время се, мнящеса сами, яко безсмертни суще, да хотять грубость чинити святѣй божией церкви и грабити святыя церкви и монастыри; имже си кто стяжанисмъ бѣдную свою душу хотячи искупити отъ вѣчнаго оногo мучения, да отдавалъ свое любострастное имѣние и села святымъ божиимъ церквамъ

¹ Пам. др.-рус. канон. права, I² СПб., 1908, с. 224.

² Конец «стригольщиков» не был концом «ереси». Напомню, что еще в 1427 г. митрополит Фотий в двух посланиях убеждал псковичей избегать общения с еретиками (стригольниками) (Пам. др.-рус. канон. права, с. 475 — 488), а в 1490 г. архиепископ Геннадий жаловался митрополиту Зосиме и собору епископов на некоего чернеца Захара «стригольника» (Пам. др.-рус. канон. права, с. 777 и 779 — 780).

и монастыремъ, измоления ради отъ вѣчныхъ мукъ и помяновения своа души и своего роду: и дѣти твои деи нѣкотории Новгородци тѣхъ имѣния церковные и села данаа хотять имати собѣ, а приказъ и духовные ихъ грамоты рудять, а церкви божиа грабячи, да сами тѣмъ хотять ся корыстовати. И будеть се, сыну, такъ, какъ язъ слышу, и намъ видится, что се велми непригоже тому смятеню у васъ такъ быти церковному, занже такъ не достоить, что твоимъ дѣтемъ Новгородцомъ таковаа грубость чинити святѣй божией церкви, и мясти святою церковью, п насилемъ грабити моастыри, и отымати имѣния церковнаа, еже дана суть за душа умершыхъ: ино то, сыну, дѣлается такъ у васъ нечинно, да и съпротивно святѣй Божии церкви еже такъ дѣлати и чинити, чрезъ уставъ божественныхъ и священныхъ правилъ святыхъ апостолъ и богоносныхъ святыхъ седми сборъ святыхъ отецъ.....»¹

Къ разряду такихъ «настырскихъ» обличений, подобныхъ указанному посланию митрополита Филиппа, мы смело можемъ отнести и нашу повесть о посаднике ПЦиле (первую книжную редакцию).

Авторъ повести, пересказывая местное благочестивое предание о лихоимце «посаднике», очевидно, имелъ въ виду техъ самыхъ «посадниковъ» и «тысяцкихъ», которыхъ обличалъ московскій митрополитъ и которые, по его словамъ «забывше божиа страха и казни его... хотять грубость чинити святѣй божией церкви... и отымати имѣния церковнаа, еже дана суть за душа умершыхъ», — хотелъ наглядно доказать имъ спасительность церковного поминовения усоншихъ, дать понять, что даже запятнав себя многочисленными грехами, грабя и обижая сиротъ и вдовицъ, занимаясь лихоимствомъ, пытаясь неправедной милостыней обмануть бога, они все же могутъ рассчитывать на милосердие божие, и, обратившись за содействиемъ къ церкви, обрести вечное блаженство.

Это даетъ намъ право признать повесть о ПЦиле памятникомъ не только литературы въ узкомъ смысле, но и памятникомъ нашей древнерусской публицистики.

Составлена повесть была, конечно, кем-либо изъ церковниковъ, — быть можетъ по приказанию свыше — по всей вероятности незадолго до падения Новгорода и первой секуляризации новгородскихъ церковныхъ земель, именно в 50 — 60-х гг. XV в., в самый разгаръ того новгородскаго «церковнаго смятеня», о которомъ писалъ митрополитъ Филиппъ.

¹ Пам. др.-рус. канон. права, с. 717 — 718.

Мы выяснили время, место и обстоятельства возникновения повести о посаднике Щиле; мы установили также, что в основу повести легла устная легенда о том самом историческом Щиле, который в 1310 г. основал церковь Покрова. Теперь перейдем к вопросу, что в повести является заимствованием из этой, неизвестной нам, легенды о Щиле, что творчеством автора.

Напомним слова, которыми автор заканчивает повествование: «... и оттоле устроися монастырь, нарицаемый Щилов, идеже и до ныне стоит. Нецыи же глаголют: архиепископ заповеда сыну Щилову по 3-жды на год по сту литургий пети в три лета». Эта заметка, по моему, не только удостоверяет самый факт существования какого-то усного предания о Щиле, но и дает нам возможность восстановить его основное содержание.

Часть всегда предполагает целое, мотив — какую-то систему мотивов. Если «нецыи» могли сообщить автору повести о том, что «архиепископ заповеда сыну Щилову по 3-жды на год по сту литургий пети в три лета», то очевидно им были известны и те причины, которые побудили архиепископа дать сыну Щилову такую во всяком случае экстраординарную «заповедь»; другими словами, «заповедь» архиепископа уже в легенде была мотивирована таинственной смертью Щила и чудесным исчезновением его гроба из церкви.

Все это дает нам основание признать фабулу (комплекс основных мотивов) повести заимствованной из устной легенды о Щиле.

Щил в повести называется посадником, летопись зовет его мнихом. Как объяснить это противоречие?

В 1310 г., когда по летописям была основана Щилом церковь Покрова «и бысть монастырь», в Новгороде посадничал Михаил Павшинич (1309—1311), сын посадника Павши Овальничча, — тот самый, который был убит в 1315 г.¹ Считая «посадничество» Щила фактом исторически достоверным, мы тем самым должны были бы отождествить его с Михаилом Павшиничем — наперекор ясному указанию летописей, по которым церковь Покрова была основана неким монахом Олонием Щилом.

У нас нет ровно никаких данных в пользу и того предположения, что «мних» Щил был старым посадником, не степенным — среди известных

¹ О нем см. Н. Рожков. Политические партии в Великом Новгороде XII—XV веков ЖМНИ за 1901 г., № 4, с. 275.

нам посадников нач. XIV в. и второй половины XIII в. нет ни одного Олония Щила.

Все эти соображения дают нам полное право, вслед за Д. Прозоровским,¹ признать «посадничество» исторического Щила чистейшим вымыслом.

Щила окрестили посадником или носители устного предания о нем или автор повести.

По мнению Е. В. Петухова, Щил своим посадничеством обязан народной легенде — в таком предположении нет ничего невероятного: к XV веку носители устного предания об основателе Щилова монастыря могли позабыть, кем был Щил до своего пострижения, и запомнив только то, что это был человек очень богатый, занимавшийся ростовщичеством, назвать его посадником. Мне, однако, кажется более правдоподобной обратная гипотеза: миф о «посадничестве» Щила — дело рук автора повести. Назвать лихоимца Щила «мнихом», вслед за устной легендой, автор повести не нашел для себя возможным, — это дало бы лишний повод «супротивникам святей божей церкви» потолковать об упадке монашеской дисциплины в связи с чрезмерным обогащением монастырей; воспользовавшись тем обстоятельством, что об историческом Щиле уже успели забыть, автор повести превратил «мниха» в «посадника», правильно рассчитав, что история о грешном «посаднике» сильнее подействует на современных ему посадников и тысяцких, «мудрствующих себе плотская и вставляющих некая тщетная словеса».

В повести упоминается архиепископ Иоанн, тогда как в действительности Покровский Щилов монастырь был основан при архиепископе Давиде.

Объяснение этого противоречия, как мы указали уже выше, не представляет особых затруднений: эпическое имя первого новгородского архиепископа Иоанна — Ильи (1165 — 1186) очевидно вытеснило имя малопопулярного архиепископа Давида.

Труднее ответить на вопрос, кто повинен в этой замене имен — носители устного предания о Щиле или автор повести. По всей вероятности — автор повести. 4 октября 1439 г.² были открыты мощи архиепископа Иоанна, и это явилось ближайшей причиной исключительной популярности

¹ Д. Прозоровский. Новые розыскания о новгородских посадниках. Вестник археологии и истории, 1892, IX, с. 98.

² П. Тихомиров. Кафедра новгородских святителей, т. I, Новгород, 1891, с. 102.

его имени во второй половине XV века. Автор решил использовать ситуацию, — доказывая пользу церковного номинования усопших, сослаться на авторитетное имя всеми почитаемого святителя. Заменить имя архиепископа Давида именем Иоанна было тем легче для автора повести, что к XV веку даже носители устной легенды о создании Щилова монастыря, по всей вероятности, уже неясно представляли себе, при каком именно архиепископе монастырь был основан Щилом.

Отметим еще одну деталь повести, характеризующую метод автора.

В повести сообщается, что посадник Щил брал лихвы «на 14 гривен и 4 денги точию по единой денге на год — боле же того отнюд не имаше», т. е. отдавал деньги в рост всего за $\frac{1}{2}\%$ в год. Этот процент необычайно мал — напомним, что даже церковные поучения, восставшие против отдачи денег «в куны», считали легким и нравственно-простительным ростом 14% .¹

По мнению В. Ключевского,² эта подробность повести, повидимому, «отражает действительное состояние новгородского денежного рынка... свидетельствует о необыкновенной дешевизне новгородских боярских капиталов», показывает нам «в каком изобилии предлагались эти капиталы местной торговле».

Мне кажется, авторитетный историк в данном случае ошибается; — указанная подробность повести не отражает действительного состояния новгородского денежного рынка, она ничто иное, как простой прием, рассчитанный на определенный литературный эффект. Автор повести сознательно уменьшил количество взимаемой Щилом лихвы с той целью, чтобы показать, какую суровую кару влечет за собой даже самый ничтожный грех, и какое великое благодеяние для всякой грешной души представляет собою поэтому церковная молитва.³

Если все эти соображения заслуживают внимания, и автор повести действительно внес вышеуказанные изменения в заимствованную им из устной легенды о Щиле фабулу, то это может служить новым доводом в пользу нашего предположения, по которому первая книжная редакция

¹ Нам. др.-рус. канон. права, I², СПб., 1908, с. 25; Православный Собеседник за 1859 г., № 1, с. 141.

² В. Ключевский. Боярская Дума древней Руси, М., 1882, с. 201.

³ Почему посадник Щил брал лихву с такой, повидимому, произвольной единицы (новгородский рубль состоял из 15 гривен и 6 денег), как 14 гривен и 4 денги — решить не берусь. Отмечу, что в повести эти 14 гривен и 4 денги ни разу новгородским рублем не называются.

повести о посаднике Щиле — памятник нашей древнерусской церковной публицистики второй половины XV века.

IV

Устная легенда о мнixe Щиле возникла по всей вероятности еще в XIV веке, — быть может, вскоре после основания Щилом церкви Покрова, т. е. в первой четверти XIV века, — повидимому, в среде иноков Щилова монастыря, искавших случая создать эффектную рекламу для своей молодой обители.

Поводом к возникновению легенды явилось, очевидно, какое-нибудь реальное событие: скоростижная смерть Щила, неожиданное оседание его могилы, истолкованное современниками, как божие наказание за грехи;¹ — быть может, семья покойного (сын Щила?), опечаленная происшедшим, действительно обратилась за советом к архиепископу (Давиду),² и последний повелел творить поминанье по душе Щила («заповеда сыну Щилу по 3-жды на год по сту литургий лети в три лега») и ждать знаменья.

Рассказы и толки современников об этом событии, по всей вероятности, и легли в основу легенды.

Допуская историческую подоснову легенды, я не хочу сказать, что легенда, кристаллизуясь, не подверглась никаким литературным воздействиям. Теснейшая связь некоторых частных легенд о Щиле с книжной церковной литературой — сказаниями наших переводных патериков — вряд ли подлежит сомнению.

Напомню сюжет повести Сводного патерика о грешном ученике Павла Простого. После смерти своего ученика-грешника Павел Простой

¹ Как видим, у нас есть основание ту подробность легенды (повести), что Щил занимался ростовщичеством признать фактом исторически достоверным. Исторический Щил мог давать деньги в рост даже после своего пострижения в иночество — в этом нет ничего исторически невероятного: в 1166 г. архиепископ Иоанн писал священникам: «А и еще слышно и другия моноу нами емлюще, еже священничкоумоу чину отнюдь отречено». . . (Пам. др.-рус. канон. права, I, СПб., 1908, с. 352); в 1416 г. митрополит Фотий писал псковскому духовенству: «Слышание же мое, еже иная дѣйствуются въ васъ, яже возбраняема суть божественными правилами, отлученаа рѣзоиманіа, еже убо о (сихъ глаголетъ 44 правило святыхъ Апостоль. . .)» (Ibid., с. 382). Ср. А. Никитский. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде, СПб., 1879, с. 97—98; Е. Голубинский. История русской церкви, т. I², ч. 2, М. 1904, с. 720—721.

² Во всех трудных случаях новгородцы обычно обращались к своему «владыке». См. А. Никитский. Ibid., с. 35—63.

просит богородицу показать ему «въ коих мѣстѣхъ» находится умерший. Богородица исполнила просьбу: однажды Павел Простой «въ иступлении» увидел своего грешного ученика «водима нѣкими и исполнь суца кремением многымъ повсюду, от главы даже до ногу, и ни едину добродѣтель имуща, ниже тѣлесну, ниже душевну, ниже глаголюща всяко, пѣ яко окаменѣвша». Очнувшись, Павел впал в скорбь и начал творить милостыню и молить богородицу о спасении души своего ученика. Его молитвы были услышаны: ученик Павла во вторичном видении радостно сообщает старцу: «молитвы твоа, отче, умолиша святую богородицу: понеже зело любит тя, и умоли спаса, и разреши мя от юзъ, понеже юзами грѣхъ моихъ связанъ бѣхъ». Богородица повелела старцу всегда помнить ученика в молитве, творить по душе его милостыню и приношения: «зело бо помогает умершему милостыня и приношение приносимо о немъ». См. Великие Минеи Четии (декабрь 31), М., 1914, л. 754 об.

Отметим также проложное сказание о нерадивем мниси (9 декабря): «(л. 252 с) Игумень нѣкый имѣяше подь собою чьрноризьць 20. Единъ же бѣ лѣнивъ, и не покыися о своемъ спасении, и безъ врѣмени ядыи, и пья, безъ въздержания пья, и языка отинудъ не въздержа. Его же старецъ множичею кажа, и моляше, и глаголя: братъ пощися о свое (л. 252 d) мь спасении, имаши бо умрети и въ муку поити. Братъ же прѣслуша всегда старьца, не приемля глаголемыхъ отъ него. Прилучижесе тако живуццю умрети брату тому. И много же печаловаше игумень его ради, вѣдыи яко въ мнозѣ нѣбрѣжении и въ лѣности изиде изъ мпра сего. Нача старецъ молитися богу, глаголя: господи Исусе Христе, истиньныи боже нашъ, яви ми о души братни. И сиче множичею сътвори. И единою нападе на ня ужасъ, и видѣ рѣку огньну и множество человекъ палимо огнемъ, въпняху, по срѣдѣ же узрѣ своего брата мьниха, стояща до выи въ пламени, и на (л. 253 а) ча глаголати ему старецъ: не сея ли ради муки молихъ тя, братъ, да бы ся пеклъ о души своен, чадо. Отвѣщавъ же братъ, и рече къ старцю: хвалю бога, отче, яко поне ми глава имать отраду, тако ми твоихъ молитвъ, яко на главѣ епископу стою. И се повѣдая, старецъ многы къ спасению приведѣ» (рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., Новг.-Соф. собр., № 1324, Пролог XII—XIII вв.).

Повесть Римского патерика (диалоговъ папы Григория Двоеслова) о мниси Иусте. — Неский внок Иуст, обладавший даромъ лечить людей, на смертномъ одре открылъ брату свой грехъ: онъ утаилъ отъ братии заработанные

им три золотых. Игумен, узнав о спрятанных деньгах, призвал эконома и повелел ему: «иди и сътвори, да никто же от братии дръзнетъ приблизитися к оному умирающему, ниже слово утѣшенна от уст нѣкихъ услышит, но аще приближаяся къ смерти, братию призоветь, плотскыи его брат да речеть ему, яко за три златныкы, их же отац имѣл еси, от всѣхъ братей възненавидѣвъ бысть,—егда како понѣ на смерти своей о съгрѣшенни сем помысль свои горячайшею осудивъ раною, от грѣха, его же сътвори, очиститися възможеть. Внегда же умереть, не погребите тѣло его идѣже прочая братиа погребаются, нѣ въ гноищи ровъ нѣкакъ сътворите и въне тѣло его въврѣзѣте, три же златныкы, яже оставилъ есть, врѣху его врѣзѣте, вси единодушно зовуще: сребро твоє с тобою в погыбель, и тако его землею покрыите».

Все было исполнено так, как повелел игумен. Некоторое время спустя после сметри Иуста, игумен решил спасти душу грешника, повелел в течение 30 дней приносить в его память бескровную жертву и молиться о его спасении. По истечении 30 дней Иуст явился во сне своему брату Копиосу. «Онъ же того видѣвъ, въпроси его, глаголя: брате, в кыхъ тамо еси. К нему же ты отвѣща: даждь убо до нынѣ вьми злѣ бѣхъ, нынѣ же добрѣ есмь — днес бо святое причащение въсприахъ. Се же ты Копиосъ абие въ монастырь шед братиаи възвѣсти. С опасствомъ же братиа дни съчеште, обрѣтоша, яко ты день бѣ, вън же о нем тридсятное приношение исплннилося бѣ. Не вѣдѣаше бо и Копиосъ, что о нем братиа творяху, такожде и ти, что о нем Копиосъ видѣлъ есть, в той убо день позна и онъ, что сии творяху, такожде и они, что ты видѣлъ есть; вънегда съглашати видѣнню скончанию жрѣтвы, явѣ убо показуется, яко ради спасенна жрѣтвы умерый брат от муки избавися» (рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., Новг.-Соф. собр., № 1368, Римский патерик XVI в.,¹ л. 253 об.—л. 256 об.).

Повесть Скитского² и Сводного патерика о грешном брате.

Некий брат однажды впал в грех любоденя. Когда он умер, «бѣ видѣти образъ его, яко же нѣкоего ефиопа». Игумен монастыря повелел братии молиться о спасении его души. «И начаша же съ слезами молити бога о немъ. И мпувшемъ триемъ днемъ и триемъ ночью и прѣбывшиа вси без сна и скорбящей рыдааху о погыбели брата. И по триехъ днехъ

¹ Эту же повесть под 29 января читаем в составе Пролога—см. рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., Новг. Соф. собр., № 1324, Пролог XII—XIII вв., л. 291 а—л. 292 в.

² Древний Патерик, изложенный по главам, М., 1892, с. 371—373.

и ноцех бываетъ абие отецъ монастыря яко въ иступлении, в виде Спаса, помиловавша брата молениа ради их. Дьявол же стоя съпротив, уничижая и глаголя: владыко, мои естъ сѣи, мое дѣло сътворилъ естъ, и азъ сътвори хъ его съдѣлати се: правосудия еси, господи, правосуди. Отвеща ему спастъ, глаголя: правосудия есмь, нѣ и милостивъ, и правдѣ и человеколюбию моему нѣст конца. Да поне же милостивъ естъ и человеколюбив, достойно ест не презрѣти толикихъ мужъ молениа, приносимыхъ о единомъ съгрѣшшем... сия господеви рекшу, посрамися дьяволъ, и невидимъ бысть. Въ себѣ бывъ от видѣнна игумень, повѣда вся видѣннаа братиямъ, и възвеселишяся, благодаряще бога. И начатъ лице брату очищатися от черноти оная, и извещение приемше, яко причте господь душу брата въ чину праведныхъ, и абие погребошя тѣло его, радующеся о бывшемъ прѣславнѣмъ спасении брата, яко «близъ господь всѣмъ боящимся его, и призывающихъ истинною»... (Вельдые Мипей Четии (декабрь, 31), М., 1914, л. 747 г—л. 748 в).

Как видим, фабульная схема указанных повестей та же, что и легенды о Щиле: внезапная смерть грешника, молитвы о спасении души грешника, страдающей в аду, чудесные знаменья, общая радость по случаю избавления грешника от адских мук.

Отмечу сходство некоторых частныхей: сын Щилов творит поминанье по душе отца по приказанию архиепископа — братия молится о спасении души монаха Иуста по повелению игумена (папы Григория), старцы просят бога помиловать их грешного брата, почерневшего «яко ефиоп», по предложению старца отца обителю; по молитве сына, голова Щила освобождается из адской пропасти — наставник нерадивого мниха «узре своего брата, стояща до выя в пламени»;¹ «образ» Щила по мере возносимых за его душу молитв стал чудесно видоизменяться — почерневшее лицо грешного брата «начатъ очищатися от черноты».

Сходство указанных повестей с легендой о Щиле нельзя признать случайным; носителям устной легенды о Щиле, очевидно, эти повести были известны. Патерики принадлежали к числу наиболее популярных четких книг нашей древности;² легенда о Щиле, постепенно приобщаясь к литературной традиции, рано или поздно должна была вобрать в себя ее отдельные элементы.

¹ Этот мотив легендой о Щиле утроен.

² См. И. Еремин, «Сводный» патерик у південно-слов'янських, українському та московському письменствах. У Києві, 1927, с. 59—60 (отт. из Записок І ст.-філолог. Відділу ВУАН, кн. XII, XV, XVI).

Эпизодом таинственного исчезновения гроба Щилова из церкви (провал гроба в пропасть), легенда о Щиле, по всей вероятности, обязана Римскому патерику. Напомню повесть Римского патерика о сгоревшей грешнице: «Бѣ нѣкто черноризица в странѣ Тавепистѣи, яко же плоти вздержаніе стяжа, суровьствомъ же языку праждаословья не остася. Сеи же преста-влешися, имѣніе давши, и погребена бысть в церкви. В первую же ношь церковныи стражъ откровениемъ видѣ сию предъ жертвеникомъ исполу горящую извержену, ибо единъ полъ во огнь вверженъ горяше, другыи же полъ ея не горя пребываше. Утро же всгавъ, всѣмъ исповѣдаше и мѣсто показа, на нем же та черноризица сгорѣ. И пришедши предъ жертвеникъ, обрѣтоша мѣсто ополѣвши на моромори, на нем же бѣ сожжена. Сею же вещью явѣ показася, яко их же грѣси не огущены суть, не убѣжати суда, а от священныхъ мѣстъ помощи не можеть уллучити» (рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., собр. Погодина, № 59, Пролог XIV в., л. 249 об. — Слово о погрѣбающихся во церквахъ грѣшницѣхъ кто си любо буди (14 января).¹

Повесть о Валериане мздоимце: «Ужасно чюдо и памяти достойно повѣда Иоаннъ римлянинъ еже во области ихъ сотворилося. Бѣ нѣкто судия и мздоимецъ лють именемъ Валприопъ, всю оставль истинну. И тому лучися (л. 186 об.) умерети. Епископъ же златолюбецъ сыи разда того имѣннн дѣля погребе тѣло его в церкви. В первую же ношь по погрѣбении явися святыи мученикъ Фаустяниъ пономареви глаголя: иди и рцы епископу, яко да смердящую плоть вопъ изринеть; аще ли сего не сотворит, в тридесятныи день злѣ умереть. Сне стражие слышаша, но убояшася епископу повѣдати. И паки во вторую ношь явися святыи то же глаголя. Пономаръ же рещи отвержеся. И паки в третью ношь явися святыи и претящет стражеви церковному, да повѣсть епископу. И он же неволею шед, повѣда вся бывшая епископу. Епископъ же ни убояся и въ тридесятныи день злою и лютою и напрасною смергью скончася, тѣломъ и душею умре окалниѣ, зане бѣ сребролюбецъ, (л. 187) скупъ же и немилостивъ» (рукоп. Ленинград. гос. публ. библ., собр. Погодина, № 1019, Измарагд XVI в. — Слово о погрѣбаемыхъ во церкви).²

¹ См. также рукоп. Гос. публ. библ., Новг.-Соф. собр., № 1324, Пролог XII—XIII в., л. 282 а—в; Новг.-Соф. собр., № 1368, Римский патерик XVI в., л. 249—л. 249 об.; собр. Погодина, № 1019, Измарагд (второй редакции) XVI в., л. 187—л. 187 об.

² См. рукоп. Гос. публ. библ., Новг.-Соф. собр., № 1368, Римский патерик XVI в., л. 249 об. — л. 250 об.; собр. Погодина, № 59, Пролог XIV в., л. 252 об. — л. 253 — Слово да не погрѣбатися в церкви (16 января).

Повесть о Валентине судье: «Да слышите еще о погребаемых в церкви. Бѣ Валентинъ судия и мздоимецъ лют, умре в Медиоламѣ градѣ, мужъ отнюд не имѣя правды во всемъ животѣ своем. И сему лучися умрети напрасно (л. 188) во всемъ животѣ своем. И сего тѣло мзды ради погребоша во церкви святаго мученика Сира. И бысть яко в полунощи в церкви той вопль и гласи мнози бываху, яко нѣкоему нужу приемлющу тако вопити. Той слышавше, стражие ужасни вскочивше, и видѣша нѣкая юноша грозна и яра велми, того Валентина позѣ ужем связавше, и вопль из церкви немилостивно влечаста, лютѣ биюще, а онъ горцѣ рыдалше. Се стражие видѣша и убояшася, и на своя ложа идоша. Утру же бывшу, пред всеми открыша гробъ, и не бѣ тѣлеси его ту. Около искаша и не обрѣгоша, но далече от церкви въ ямѣ сквѣрнѣ и нчистѣ обрѣтошася, позѣ ему связавѣ, яко из церкви влечень бѣ. Тѣмъ вещь сию добрѣ разумѣйте, яко же грѣси (л. 188 об.) люты, аще и в церкви погрѣстися велят, а дѣла имуще осужению достойна, никако же избавления души от святых мѣсть, но горша мука. А мѣсто никого ни спасет, ни осудитъ, но от дѣлъ комуждо полза и мука. Да никто же от нас не тчится грѣшных тѣлес погребати в церкви, его же мѣста не суть достойни...» (рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., собр. Погодина, № 1019, Измарагд XVI в. — Слово святых отецъ о погребаемыхъ).¹

Сказание о грешном живописце: «И в семъ же градѣ что случися мнози от здѣ живущих о мучителии свѣдѣтельствуютъ. Прьвому бо художьства их умершу, въ блаженнаго Ианнуря мученика церкви, сущии близ вратъ святаго Лаврентиа, того (л. 251 об.) тѣло от съжителница его погребено бысть. Нощи же нашедши, из гроба его слышаша стража дух зваги начат: «горе, горе». Внегда же сиа гласы на мнозѣ зовѣше, церковный страж женѣ его възвѣстц. Она же се слышавши, мужа от того же художьства въ церковь посла, хотящи о сем опасно изыскати, и в кихъ муках тѣло его въ гробѣ естъ, ихъ же ради таковая зовише. Иже и пришедше, и гробъ отврѣзше, одѣяна убо цѣла и некоснута обрѣтоша, яже и до нынѣ в той церкви ради вещи сеа свѣдѣтельства хранима суть, — тѣло же его всяко не обрѣтоша, яко же бы в томъ гробѣ не погребень былъ. От сея же вещи разумѣти есть, в коем осуждении душа его есть, его же тѣло ис церкви извержено бысть. Что убо священная мѣста погребаемых тамо плъзуютъ, егда недостойни (л. 252) суще, от священных мѣсть богомъ

¹ См. рукоп. Гос. публ. библ., Новг.-Соф. собр., № 1368, Римскій патерик XVI в., л. 250 об. — 251; собр. Погодина, № 59, Пролог XIV в., л. 250 — л. 250 об. (15 января).

отвржеми бывають?» (Рукоп. Ленингр. гос. публ. библ., Новг.-Соч. собр., № 1368, Римский патерик XVI в.).

Подведем итоги нашему исследованию. Итак, в 1310 г. неким, ближе нам неизвестным, ростовщиком монахом (б. боярином?) Олонием Щилом в окрестностях Новгорода была основана церковь Покрова и при ней монастырь. Вскоре после смерти Щила, быть может, в начале XIV в., возникла устная легенда о нем. Ближайшим поводом к возникновению легенды послужило какое-то неизвестное нам событие, связанное, повидимому, со смертью Щила, и взволновавшее современников. Эта легенда, кристаллизуясь, испытала воздействие книжной церковной литературы — патеричных или проложных сказаний о грешниках, спасенных молитвами монастырской братии. Во второй половине XV в. (50 — 60 гг.), в самый разгар борьбы светских и духовных землевладельцев по вопросу о церковных землях, эта легенда была использована церковным публицистом и обработана в книжное сказание (первую редакцию), доказывающее законные права церкви принимать вклады «по душе». В начале XVII в. это сказание попадает в состав Синодика, и перерабатывается соответственно стилю синодичных повестей. Синодичная редакция скоро вытесняет свой источник, и приобретает исключительную популярность — она дошла до нас в шести вариантах. В первой половине XVII в. возникает еще одна редакция (3-ья) повести — компиляция первых двух. В конце XVII в. (позже 1677 г.) эта третья редакция входит в состав духовных прикладов из Великого Зеркала, и перерабатывается соответственно стилю повестей Великого Зеркала. В самом конце, повидимому, XVII в. была сделана попытка переработать повесть (синодичный текст) в дидактическую новеллу, т. е. приблизить к стилю патеричных сказаний о великих грешниках. В XVIII в. повесть становится достоянием лубочной литературы и прощиают в сказку.

ТЕКСТЫ

I

Изд. по рукоп. Гос. публ. библ. Q. XVII. 67, Сб. к. XVI — нач. XVII в., л. 77 об.

Варианты: по рукоп. А. Титова XVIII в. (А. Титов. Повесть о Щиле, М., 1911, стр. 22—24) — А; рукоп. Гос. публ. библ., собр. А. Титова, № 2080, Сб. XVIII в., л. 8 об. — л. 11 об. — В.

Бѣ в великом Новѣградѣ нѣкто посадникъ именемъ Шилъ, при архиепископѣ того же града Иванѣ. Имѣя же у себе сына единого чада. Живущу же ему в богатствѣ мнозѣ. Мнози же людие, кушцы, не имуще кунъ, взимаху у него серебро на торговлю в куны, имаше же лихвы на 14¹ гривень и 4² денги точию по единой денге на год — болѣ же того отнюд не имаше. Собра же такового имѣннѣя многое множество, и восхотѣ на то кунное собрание воздвигнути церков и соградити монасырь, и взем у архиепископа Ивана благословенне на зданне³ церкви во имя пречистые богородицы⁴ честнаго ея Покрова. Наят же дѣлателя многи, и созда церков близ реки Волхова,⁵ на лугу,⁶ от града яко два поприща. Бывшу же и архиепископу на основании же тоя церкви со священнымъ собором. Вопросившу же архиепископу Шила от какова имѣннѣя⁷ воздвигнутыа⁸ церков. Егда совершена бысть церква, Шил же моли архиепископа освятити церков. Понеже о том вначалѣ не спросил его, егда испроси благословенне. Он же исповѣда ему истину, яко от лихвенаго собрания создана бысть церква. Архиепископъ же рече ему: «Угодобился еси Исаву; лестию взем благословенне от мене на таковос божественное дѣло. Нынѣ же повелеваю ти ити в дом свой и повелѣ⁹ у зданнѣя своего в стѣнѣхъ устрои гроб, и повѣж¹⁰ вся своя тайны отцу своему духовному, и въздѣв срачицу и саванъ и вся яже сут подобна на погребанне мертвым, и лязи в создании своем во гробѣ оном, и повелѣ и надгробное отпѣти — и богъ, всѣхъ нас свѣдѣй тайная сердець, елико хощет, то и сотворит. Мы же ко освященню готови будемъ». Шил же в недоумѣннѣи велицѣ быв. Рыдая и плачася, иде в дом свой — повслѣннѣя же святителева не смѣ прѣслушати — вскорѣ вся повелѣвает устроить, заповѣданная святителем. Егда же надгробное пѣние соборне отпѣша над нимъ, внезапно не обрѣтесе гроб с положеным в нем, и бысть в том мѣстѣ пропасть. Святителю же пришедшу на освященне церкви по молению Шилову и видит страшное оно¹¹ и ужасное¹² видѣнне, страха и трепета исполнѣ,¹³ и повелѣ пронописцемъ написати вапы на стѣнѣхъ видѣнне, повѣдающе о братѣ Шилѣ во адовѣ днѣ, над всѣм гробом его, и не священиу церков повелѣ запечатлѣти дондеже изволить богъ о нем своего¹⁴ челоувѣколюбия смотрением, и отиде в дом святѣй Софѣи. Сынъ же Шилов, видя отчю погибел и свое лишение, в велицѣхъ недоумѣннѣи бысть, и прииде ко святителю, ища спасения и помощи липисной души отца своего. Святитель же повелѣ ему молити бога о отчи погибели и в постѣ и во бдѣннѣи пребывать, и повелѣ на 40 дней у 40 церквей сорокоусты дати священникомъ с причетники¹⁵ довольно, да поют в ты дни по 40 панахид и литургій неизмѣнно, и в ту 40 дний милостыню безпрестанно творити — егда же совершатся 40 дний, пришед, возвести нашему смиренню. Сынъ же Шилов, по заповѣди святителя вся совершив в 40 дний, и возвѣсти святителю. Святитель же от клироса своего посылает

1 12 — В. 2 две — В. 3 создание — В. 4 владычицы — В. 5-6 имущу — В.
7 доб.: собра — В. 8 доб.: божию — А; воздвигнуть — В, воздвигну — А. 9 повелеваю — В
10 исповѣдати — В. 11-12 нет — В. 13 исполнено — В. 14 нет — В. 15 причетомъ — В

архидиякона к запечатлѣнной церкви и повелѣвает, сокровенне распечатав церковь, дозрѣти разумно, идѣже пропасть, гроба и над нею стѣнное писание, и соглядавъ извѣстно, паки запечатлѣти церковь и возвѣстити себѣ о сем. Архидиякон же по повелѣнью святителя соглядавъ вся разумнѣе и видит в надстѣнном¹⁶ писании, иже над гробомъ, Щила во адѣ во гробѣ — главу же его въ ада, и возвѣстити о сем святителю. Святитель же заповѣда сыну Щилову¹⁷ паки вторую 40 дней¹⁸ такожде сотворити, яко же напредѣ изыявися, и егда совершатся, паки возвѣстити себѣ¹⁹ о сем. Той же заповѣданная паки совершивъ, и возвѣщает святителю о сем. Святитель же паки посла архидиякона своего по прежнему обычаю соглядати о немъ в надстѣнном²⁰ писании. Архидиякон же видѣ в надстѣнном²¹ писании Щила во гробѣ и з гробомъ въ ада до пояса, и возвѣстити о сем святителю. Святитель же паки повелѣвает сыну Щилову²² по прежнему обычаю 40 дней третьею сотворити. Той же по заповѣди совершивъ и возвѣщает святителю о семъ.²³ Святитель же третьею посла архидиякона своего по прежнему обычаю соглядати о немъ стѣннаго писания. Архидиякон же видѣ в надстѣнном²⁴ писании Щила въ ада з гробомъ всего изшедша. Тако же и гроб его верху земли обрѣтется над пропастью. Пропасти же не бѣ видети. Во гробѣ же вес цѣль обрѣтется, якоже и положен. И сия вся архидияконъ возвѣстити святителю. Слышав же сия архиепископъ и примъ извѣщение от бога — подвижесе соборнѣ к запечатлѣнной церкви ко освященію, и сицевое чюдо прѣдливное, и ужаса и страха исполнь,²⁵ хотя видѣти своима очима. Видѣвъ же сия вся архиепископъ, всякого удивления исполнь, благодаривъ бога о недовѣдомых и непостижаемых его судьбахъ праведныхъ, и пѣвъ соборне надгробная пѣнія над гробомъ Щиловымъ, и церковь освятить во славу Христу богу напсему и пречистой его богоматери.²⁶ И оттогъ устрои ся монастырь нарицаемый Щиловъ, идѣже и до нынѣ стоит. Нѣдѣи же глаголють: архиепископъ заповѣда сыну Щилову по 3-жды на год по сту лптургий пѣти в три²⁷ лѣта. И сие²⁸ до здѣ.²⁹

¹⁶ стѣнномъ — В. ¹⁷ пет — В. ¹⁸ усть — В. ¹⁹ пет — В. ²⁰ стѣнномъ — В.
²¹ стѣнномъ — В. ²² ист — В. ²³ себе — В. ²⁴ стѣнномъ — В. ²⁵ исполненъ — В.
²⁶ матери — В. ²⁷ ти — В. ²⁸ сказание до эде о зданіи церковнемъ — В.

II

Изд. по рукоп. Гос. публ. библ. О. XVII. 68, Сб. пол. XIX в., л. 1—л. 26.

Варианты: по рукоп. А. Титова нач. XVIII в. (Ан. Титов. Повесть о Щиле, М., 1911, стр. 9—21) — Т; рукоп. Моск. гос. истор. муз., собр. Щукина, № 578 (по оп. № 484), XIX в. л. 1—л. 20 об. — III; рукоп. Моск. гос. истор. муз., № 2750-а, Сб. XX в., л. 3—л. 19 об. — Б.

Бысть в великомъ Новѣградѣ чюдо (л. 1 об.) страшно и удивлѣнню достойно. Бѣ нѣкто посадникъ именованъ Щиль, имѣя у себе сына единочадаго.

Бѣ бо богатъ вельми и многимъ даяше сребро (л. 2) в лихву, взимае на год на новгородской рубль денгу новгородскую, и от того много имѣния собралъ, и помысли на то сребро церковь поставити и монастырь (л. 3) оградити. И обрѣте мѣсто от Новаграда два поприща, и приидѣ ко Иоанну архиепископу, прося благословения на созидаице церкви пречистыя богородицы (л. 3 об.) честнаго сѧ Покрова. Архиепископъ же вда ему благословение на таковое великое божественное дѣло. Шцлѣ же примѣ благословение от архиепископа, (л. 4) и посла сына своего няти дѣлагели и уготовати вся потребная на совершение церкви. Сынъ же сотвори все повелѣнное и повѣстити отцу своему (л. 5) сже уготова. Шцлѣ же моля архиепископа дабы ѣталъ начало основанию церкви оная соборнѣ сотворивъ. Архиепископъ же моления его не презрѣ, (л. 5 об.) иде на основание церковное со освященнымъ соборомъ и с нимъ множество народа, и основание церкви оная положи. Шцлѣ же по основании церковнымъ поста (л. 6) ви трапезу велию, и добрѣ учредивъ архиепископа и дарми великими одаривъ, и отпусти его во градъ съ честію. Архиепископъ же прѣѣха в домъ святыя Софии и приимъ (л. 7) книги, чѣшае правила свягыхъ апостолю и свягыхъ отецъ, и нача разсуждати в себѣ. «Вдавъ благословение Шцлѣ, а вѣдый Шцла богата суца и ростомца». (л. 7 об.) Ионсже не вопросы от коего собрания суць таковое великое дѣло замысливъ, и о томъ архиепископъ в величѣ недоразумѣнии¹ и скорби бытъ. Шцлѣ же нача (л. 8) созидаити церковь. По совершении же церковнымъ приведе ко архиепископу и моля его да освятитъ храмъ. Архиепископъ же повелѣ ему в тайну храмину впити (л. 9) и рече ему: «Повѣждь ми, чадо, не скрый, господа ради, от коего собрания своего сицево дѣло замысливъ», и многими сѧ притчи умили. Шцлѣ же от страха (л. 9 об.) и ужаса паде на ногу святигеля и глаголя: «Согрѣшихъ, отче, прости мя. Мнози бо людие прихождаху ко мнѣ и взимаху у мене сребро и даяху ми лихву на 14 гривенъ (л. 10) на годъ по дѣвнѣ и на то сребро создахъ церковь сию и монастырь. И нынѣ, владыко, что ми велиши». Архиепископъ же рече ему: «Нынѣ ти повелѣваю устроити (л. 11) вся яже на погребение мертвымъ, исповѣждься отцу духовному и въ погребальныхъ во гробѣ лягь, и надгробная плѣня повели над собою плѣти (л. 11 об.) в созданымъ своемъ храмѣ. Всемогий же богъ открые елико хоцеть, а мы, чадо, готови будемъ со вѣмъ соборомъ. Елико аще изволитъ богъ, то и сотворитъ. (л. 12) Шцлѣ же слышавъ сѧ от святигеля, плачяся и рыдая, и вскорѣ устроивъ гробъ и погребальная и исповѣда вся грѣхи своя отцу духовному, и скрѣсь² во гробъ (л. 13) в новосозданымъ своемъ храмѣ, и тако соборнѣ плѣще над нимъ надгробная плѣня. И внезапно Шцлѣ во гробѣ успѣ и потрясея помостъ церковный и (л. 13 об.) не обрѣгся предъ нимъ³ гробъ, и бысть ту пропасть велия безъ дна. Святигелъ же прииде на освящение церкви и видѣ страшное оно видѣние и повелѣ ико- (л. 14) написцемъ вапы⁴ на стѣнахъ написати над пропастию в подобии образъ Шцловъ. Самъ же святигелъ от страха и ужаса отиде в домъ святыя Софии и повелѣ

¹ недоумѣнии — ТЩБ² скрѣсься — ТЩБ³ ними — ТЩБ⁴ краски — Щ

церковь несвящену (л. 15) запечатати дондеже богъ благоизволить. Сынъ ж Щиловъ припаде к ногам святителя и рече: «Святителю великий, помози лишению отца моего, что ми велиши, да сотворю». (л. 15 об.) Архиепископъ же повелѣ ему въ постѣ и в молитвахъ пребывать «и еще заповѣдаю ти, чадо, в 40 дней у 40 церквей даждь священникомъ и с причетники (л. 16) довольно, и нищимъ и темничникомъ, и в тѣ дни на всякъ день по 40 панихидъ и литургий пѣти повели неизмѣнно, и алчныхъ и жадныхъ накорми и напои (л. 17) и монастыри препитай елико ти возможно, и сице сотворивъ, прииди к нашему смирению и извести ми о семъ». Сынъ же Щиловъ⁵ повелѣ сорокоусты (л. 17 об.) пѣти и литургий совершати лишения ради отца своего, и милостивно доволну нищимъ даяти, и сотвори всю 40 дней елико заповѣда ему святитель. И по 40 днех (л. 18) прииде ко святителю и извести ему вся яже сотвори отца ради своего. Святитель же тогда посла архидиакона своего тайно к запечатлѣнной церкви и, распечатавъ, (л. 19) повелѣваетъ ему стѣнное писание, идеже пропасть, соглядати, и паки церковь запечатати, соглядаявъ извѣстно.⁶ Архидиаконъ же по повелѣнью святителя (л. 19 об.) соглядаявъ над пропастью стѣнное оно писание и видѣ Щила во гробѣ — главу з гробомъ внѣ ада,⁷ и запечатавъ церковь,⁸ и пришедъ, возвести о семъ святителю⁹ яже виде.¹⁰ (л. 20) Святитель же повелѣ сыну Щилову по преждереченному¹¹ 40 дней сотворити, тако, якож и напреди изъявлено. Сынъ ж Щиловъ в другой сотвори по повѣлѣнью святителя також (л. 21). И пришедъ возвести святителю. Святитель же паки посла архидиакона соглядати над пропастью стѣнное оно писание.¹² Архидиаконъ же видѣ Щила на стѣнномъ писании (л. 21 об.) з гробомъ внѣ ада до пояса, и возвести святителю.¹³ Святитель же паки повелѣ сыну Щилову по преждереченному третичю 40 дней сотворити. Сынъ же Щиловъ (л. 22) третичю паки сотвори по повелѣнью его, и пришедъ, повѣда святителю. Святитель же паки посла архидиакона соглядати стѣнное писание. Архидиаконъ же, пришедъ, видѣ (л. 23) на стѣнномъ писании Щила во гробѣ всего внѣ ада, и видѣ гробъ его с тѣломъ на веру земли, якоже его положиша во гробѣ, всего цѣла, и не обрѣтесе (л. 23 об.) ту и пропасть, и пришедъ, вся возвести святителю. Слышавъ же святитель от архидиакона сия, примъ извѣщение отбога, скоро воставъ, подвизается соборнѣ к запа (л. 24) чатлѣнной церкви ко освящению церковному, и сицевое чудо видѣ своими очима, и надъгробное пѣние над Щиломъ сам святитель соборнѣ пѣвъ (л. 25)

⁵ рекомаго Щила — ГЩБ. ⁶⁻¹⁰ нет — Щ. В сп. Щ. данному отрывку соответствует несколько иное чтение: Архидиаконъ же иде по повелѣнью святителя к запечатлѣнной церкви и, распечатавъ, зряше стѣнное писание, и видѣвъ на стѣнномъ писании Щила з гробомъ — главу внѣ ада, и запечатавъ церковь, пришедъ, повѣда святителю яже видѣ. ⁷⁻⁸ нет — Т. ⁹⁻¹⁰ нет — Т. ⁹ Отрывок 6—10 переписанъ запово, но в чтении сп. Щ. — Т. ¹¹ доб.: другую — ТЩ. ¹²⁻¹³ нет — Щ. В сп. Щ. данному отрывку соответствует другое чтение: Архидиаконъ же по повелѣнью святителя идеъ распечата церковь, соглядаявъ на стѣнномъ писании, и видѣ Щила з гробомъ внѣ ада до пояса, и паки запечатавъ церковь, прииде и повѣда о семъ святителю. ¹³ доб.: яже видѣ — ТБ; чтение сп. Щ (см. вар. 12—13) — Т.

я церковь освятив во славу Христу богу и пречистѣй его матери,¹⁴ и оттолѣ устроися монастырь нарицаемый Шилов, идѣже и донынѣ стоитъ.¹⁵ Приидѣ же святитель на (л. 25 об.) освящение церкви, и видѣ Шила з гробомъ изъ пропасти изшедша всего цѣла, и сровняся мѣсто, идѣже бѣ пропасть, и пѣвше соборнѣ над Шиломъ (л. 26) надгробное пѣние и погрѣбоша его, и церковь освятивше во славу Христу богу и пречистѣй его богоматери, и отиде во епископию, славя бога о преславномъ семъ чудеси.¹⁶

¹⁴ богоматери. Доб.: и отиде во епископию, славя бога о преславномъ семъ чудеси — Ш.
¹⁵⁻¹⁶ нет — Ш. ¹⁶ доб.: аминь — Б.

III

Изд. по лицевому Сиподнику к. XVII в., Акад. Наук, № 33. 9. 4, л. 96 — л. 105 об.

Варианты по рукоп. Моск. рум. муз., № 1835, Сб. к. XVII в., л. 47 — л. 54.

Бысть в великомъ Новѣградѣ чудо страшно и удивленію достойно. Бѣ нѣкто посадникъ именемъ Шил, имѣя у себе сына единочада. Бѣ бо¹ богатъ вельми, и многимъ дающе сребро в лихву, взимаше на год на новгородский рубль денгу новгородскую,² и от того собрания имѣнія многое множество³ собра.⁴ И помысливъ на то сребро церковь поставити и монастырь оградити, и обрѣте мѣсто от Новаграда 2 поприща. И приде ко⁵ Иванну архиепископу⁶ прося благословения на создание церкви пречистыя богородицы честнаго ея Покрова. Архиепископъ же давъ ему благословение на таково великое и божественное дѣло. (л. 97) Шил же примѣ благословение от архиепископа, и посла сына своего няти дѣлателя и уготовити вся потребная на совершение церкви. Сынъ же сотвори все повелѣніе и возвѣстивъ отцу своему. Шил же моля архиепископа дабы ѣхалъ начало основатию церкви оная положилъ соборнѣ. (л. 98) Архиепископъ же моления его не презрѣ, иде на основание церковное со освященнымъ соборомъ и с нимъ множество народа, и основание оная церкви положи. (л. 99) Шил же по совершении церковнемъ постави трапезу велию и добрѣ учредивъ⁷ архиепископа, и⁸ дарми великими одаривъ, и отпусти его во градъ с честью. (л. 100) Архиепископъ же Иоанъ приѣхавъ в домъ святыя Софії и примѣ книги чтіице правило⁹ святыхъ апостолъ и¹⁰ святыхъ отецъ, и нача разсуждати в себѣ: «вдав благословение Шилу, а вѣдый Шила богата суца и мздоимца.» Понеже не вопросих от коего собрания суть таковыя великое дѣло замысливъ, и о томъ архиепископъ в велицѣмъ недоумѣнии и скорби

¹ нет. ² доб.: а тот их рубль тогда блше 14 гривен 4 денги, а боле того лихвы отнюдь не имаше. ³ нет. ⁴ доб.: множество. ⁵⁻⁶ Архиепископу Иоанну.
⁷ доб.: и. ⁸ нет. ⁹⁻¹⁰ нет.

бывъ. Шил же нача созидати церковь. По совершении же церковнѣмъ прииде ко архиепископу Иоанну и моля его да освятитъ храмъ. (л. 102) Архиепископъ же повелѣ ему с собою в тайну палату внити и рече ему: «Повѣжд ми, чадо, и е скрый,¹¹ господа ради, от коего сбрания своего сицѣва дѣла начинаешъ». ¹² И многими притчи его умили. Шил же от страха и ужаса паде на ногу святителя¹³ и глагола:¹⁴ «Согрѣших, отче, прости мя. Мнози же людие прихождаху ко мнѣ и взимаху у мене сребра и даяху ми лхву на 14 гривень и на 4 денги на год по денге, и на то сребра создахъ перковь сию и монастырь. И нынѣ, владыко, что ми велиши, честный отче». Архиепископъ же глагола ему: «Ныне ти повелѣваю устрой вся своя погребальная: срачицу и саванъ, и вся сут на погребение мертвым и исповѣждь отцу духовному вся своя согрѣшения, и в погребальная лягь в созданнѣм своемъ гробѣ (л. 103) и надгробная пѣния повели над собою пѣгь. Всемогий богъ открыеть елико хоцет, а мы, чадо, готови будем со всѣмъ собором — елико аще изволитъ бог, то и сотворитъ». Шил же слышав от святителя плача и рыдая, и вскорѣ устройть гроб и погребальная, и исповѣда вся своя грѣхи¹⁵ отцу¹⁶ духовному, и скрыйся во гроб, и соборнѣ пѣвшие надъ нимъ надгробная пѣния. И везану Шил во гробѣ успе, и грѣснуть помость церковный, и не обрѣтесе гроб пред ними, и бысть ту пропасть велия¹⁷ без дна. Святитель же прииде на освящение церкви и видѣвъ страшное оно видѣние, и повелѣ иконописцемъ вапы на стѣнахъ писати над пропастию в подобии образ Шиловъ. Сам же от страха и ужаса отпде в дом святыя Софии, и неосвященну церковь повелѣ запечатати дождеже благоизволит богъ, то и сотворитъ. (л. 104) Сынъ же Шилъ плача и рыдая и припаде к ногамъ святителя и рече: «Святителю великий, помози лишению отца моего, что ми велиши, да сотворю». Архиепископ же повелѣ ему в постѣ и в молитвахъ пребыти. «И еще заповѣдаю ти, чадо, 40 дне у 40 церквей дай же священником и с причетники доводно, таже и нищим и темничником, и в тѣ дни на всякъ день понахиды и литургии пѣти неизмѣнно и на распутьях никого же не мини, и алчна,¹⁸ ни жадна, ни нага, да и монастыря прешитай елико возможно, и тако сотвори и прииде к нашему смпрению и возвѣсти ми¹⁹ о семъ». ²⁰ Сын же рекомаго Шила повелѣ сорокоусты иѣти и литургии совершати лишения²¹ отца своего и милостыню доводно нищим даяти, и сотвори (л. 104 об.) всю 40 дней елико заповѣда ему святитель, и в 40 день прииде ко святителю и возвѣсти ему еже сотворих отца ради своего. И святитель тогда от клироса своего архидьякова²² тайно понаказавъ²³, посылаетъ к запечатлѣнной церкви. Распечатав, повелѣваетъ ему над гробом идѣже пропасть и стѣнное писание, разумно зря и внимаю, и пакы тое церковь повелѣ ему запечатати, да и соглядавъ извѣстно, повелѣ ему извѣстити себѣ о семъ яже видѣ на стѣнном писании. Архидьяков же по велѣнию святителя соглядав о немъ над гробомъ на стѣнном писании, и видѣвъ

11 доб.: от менеъ

12 доб.: строити.

13-14 нет.

15 согрѣшения.

16 доб.: своему.

17 велика.

18 ни.

19 нет.

20 всемъ.

21 доб. ради.

22 доб.: своего.

23 показав.

гроба Шилова из пропасти подвышнена немного, и паки запечатавъ церковь и
возвѣсти о семъ святителю. Святитель же паки сыну Шилову повѣлѣ по (л. 105)
преждереченному другую 40 дней сотворити такожде, якоже напреди изъясвленно.
Сынъ же Шилон другую 40-цу такоже сотворити²⁴ и возвѣсти святителю. Свя-
титель же паки²⁵ посла архидиякона своего соглядати о немъ над гробомъ и над-
стѣнномъ писании. Архидияконъ же в церковь приде и видѣвъ того гроба на
верху половины, и приде и возвѣсти святителю. Святитель же паки²⁶ повелѣ-
ваетъ сыну Шилову по преждереченному и третицею²⁷ 40 дней сотворити.
Сынъ же Шилон третицью паки сотвори по повелѣнному²⁸ от святителя и
повѣда святителю. Святитель же паки²⁹ архидиякона своего соглядати посла³⁰
о немъ над гробомъ стѣннаго писания. Архидияконъ же видѣвъ³¹ на стѣнномъ писа-
нии³² той Шилон гробъ изшедъ в верх³³ земли вес, и возвѣсти (л. 105 об.) архи-
епископу. И слышавъ от архидиякона святитель и примъ³⁴ извѣщение³⁵ от
бога,³⁶ и приде³⁷ к запечатлѣнной церкви ко освящению церковному со тщаемъ
соборне, сидѣваго чюдеси хотяше видѣти. И абже видѣ своимъ очима, якоже
повѣда ему архидиякон, и видѣ вся сия своимъ очима. И над гробомъ пѣние над
Шиловымъ³⁸ святителю соборнѣ пѣвшу, и погребоша его с великою честию, да
и церковь освятить во славу Христу богу³⁹ нашему и пречистѣй его матере.⁴⁰
И оттолѣ устрои⁴¹ монастырь нарицаемый Шилон, пдѣже и донинѣ стоитъ.⁴²

²⁴ сотвори. ²⁵ нет. ²⁶ нет. ²⁷ третию. ²⁸ повелѣнню. ²⁹ посла. ³⁰ нет.
³¹⁻³² нет. ³³ поверхъ. ³⁴ доб.: от бога о томъ Шиле. ³⁵⁻³⁶ нет. ³⁷ доб.: святитель.
³⁸ Шилом. ³⁹⁻⁴⁰ нет. ⁴¹ уставилъ. ⁴² доб.: во веки вѣковъ. Аминь.

IV

Изд. по рукоп. О-ва древн. письмен. Q. СХХХIV, XVII в., л. 1 —
л. 24 об.

Варианты: по рукоп. Моск. гос. истор. муз., соб. Вахромеева, № 406,
лицевому сб. к. XVII в., л. 104 об. — л. 115 об. — В; рукоп. Гос. публ.
библ. F. 1. 323 (л. 107), лицевому Синодику к. XVII в., л. 133 —
л. 143 об. — Т.

Бысть в великомъ Новѣградѣ чюдо страшно и удивлению достойно.
Бѣ вѣкто посадникъ пмянемъ Щилъ имѣя у себе сына одиначада.¹ Бѣ бо богатъ
вельми² и многимъ даяше серебро³ в лихву, взимаше на год⁴ на новгородской
рубль новгородскую денгу, и от того⁵ собра имѣннѣ⁶ много,⁷ и помысливъ на
то серебро церковь поставити и монастырь огра(л. 1 об.)дити.⁸ И обрѣте мѣсто
от Новаграда⁹ два поприща, и приидоша ко Иоанну архиепископу прося благо-

¹ одинаго чада — В; одинаго — Т. ² зѣло — Т. ³ доб.: свое — Т. ⁴ доб.:
по денге — Т. ⁵⁻⁷ собрания имѣннѣ много собра — В. ⁶ нет — Т. ⁸ создати — Т.
⁹ града — Т.

словения¹⁰ на создание¹¹ церкви пресвятыя¹² богородицы чюднаго¹³ ея Покрова Архиепископъ же даде ему благословение на таковое великое¹⁴ дѣло божие.¹⁵ (л. 2 об.) Щилъ же примѣтъ благословение от архиепископа, и посла сына своего няти дѣлателя и уготовити вся потребная на совершение¹⁶ церкви. Сынъ же сотвори все повелѣние и возвѣсти отцу своему. Щилъ же моля архиепископа дабы ехалъ¹⁷ начало основанию церкви оная положилъ.¹⁸ (л. 3 об.) Архиепископъ же моления его не презрѣ, иде на основание церковное со¹⁹ освященнымъ соборомъ и с нимъ множество народа, и основание²⁰ церкви положивъ,²¹ со освященнымъ соборомъ.²² (л. 4 об.) Щилъ же по совершении церковномъ²³ основании постави трапѣзу велию,²⁴ и²⁵ добрѣ учредивъ архиепископа,²⁶ дарми великими²⁷ одаривъ и отпусти его²⁸ с великою²⁹ честью во градъ.³⁰ (л. 5 об.) Архиепископъ же³¹ приехав в дом святыя³² София и приятъ княги, чтяше правило³³ святыхъ апостолъ и³⁴ святыхъ отецъ, и нача разсуждати в себѣ: «Вдав благословение Щилу, а вѣдый Щила³⁵ богата суца и мздоимца». Понсже не впросихъ³⁶ от коего собрания суть³⁷ таковое великое³⁸ дѣло замысливъ, и о томъ архиепископъ в великомъ недоумѣнии и скорби бывъ. (л. 6 об.) Щилъ же нача созидати церковь. По совершении же церковномъ прииде ко архиепископу Иоанну и молиша³⁹ дабы освятитъ храмъ.⁴⁰ Архиепископъ же повелѣ ему с собою в тайную хранину внити.⁴¹ (л. 7 об.) Щилъ же вшед в тайную хранину,⁴² и рече ему⁴³ святыи Иоаннъ архиепископъ:⁴⁴ «Повѣждь ми, чадо, не скрый ли господи ради, от коего собрания своего сицева дѣло начинаеши».⁴⁵ Щилъ же от страха и ужаса паде на ногу святаго⁴⁶ и глаголя: «Согрѣшихъ, отче, прости мя. Мнози же люди прихождаху ко мнѣ и взимаху⁴⁷ серебро, даяху ми⁴⁸ лихву на четырнатцеть гривень и на че(л. 8)тыре денги на годъ по денге, и на то серебро создах церковь⁴⁹ и монастырь.⁵⁰ И нынѣ, владыко, что ми повелиши,⁵¹ честный отче».⁵² Архиепископъ же глаголя ему: «Нынѣ ти повелѣваю: устрой⁵³ вся своя⁵⁴ погребальная; срачицу и саванъ и вся суть на погребение⁵⁵ мертвымъ, и исповѣждь отцу своему духовному вся своя согрѣшения и в погребальныхъ лягъ в созданнемъ своемъ гробѣ (л. 8 об.), и надгробная пѣние⁵⁶ повели над собою пѣти. Всемогий же богъ открыеть елико хочеть, а мы, чадо,⁵⁷ готови будемъ⁵⁸ со всѣмъ соборомъ,⁵⁹ елико аже изволитъ богъ, то и сотворить».⁶⁰ (л. 9 об.) Щилъ же слы-

10 доб.: от него — Т. 11 основание — Т. 12 пречистыя — В. 13 честнаго — ВТ. 14-15 божественное дѣло В. 15 доб.: и отиде — Т. 16 создание — Т. 17-18 на основание церкви оная, начало положилъ — Т. 18 доб.: соборне — В. 19 всемъ — Т. 20 доб.: она — В. 21-22 нет — В. 23 доб.: и — Т. 24 нет — В. 25-26 нет — В. 27 нет — Т. 28 нет — Т. 29 нет — В. 30 доб.: а самъ в домъ свой и отиде слава бога — Т. 31 доб.: Иванъ — В. 32 своя — Т. 33-34 нет — ВТ. 35 его — Т. 36 доб.: его — Т. 37 нет — Т. 38 нет — В. 39 доб.: его — ВТ. 40 доб.: той — Т. 41-42 нет — В. 43-44 нет — В. 45 замыслилъ сси. И многими причтами его умоли — В. 46 спятителя — Т. 47 доб.: у мене — В. 48 имъ — Т. 49 доб.: сию — В. 50 доб.: оградих — Т. 51-52 творити — В; нет — Т. 53 доб.: себѣ — ВТ. 54 нет — ВТ. 55 доб.: себѣ — В. 56 нет — Т. 57 доб.: ко освященію — В. 58-60 нет — В. 59-60 нет — Т.

шавъ от святителя плача и рыдая, и вскорѣ устроивъ гробъ и погребалная, и исповѣда⁶¹ вся согрѣшения⁶² отцу своему⁶³ духовному, и скрився во гробъ, и соборьяѣ пѣша над нимъ надгробная пѣния. И внезапно Щил во гробѣ успе,⁶⁴ и трѣснув⁶⁵ помостъ,⁶⁶ церковный, и не обрѣтесе гробъ предъ ними, и бысть ту пропасть велия⁶⁷ безъ дна.⁶⁸ Святитель же прииде на о(л. 10)священне церкви, и видѣвъ страшное оно видѣние⁶⁹ и повелѣ иконописцемъ⁷⁰ вапы на стѣнахъ писати⁷¹ над пропастью в подобии образъ Щиловъ. Самъ же от страха⁷² и ужаса⁷³ отиде в домъ святыхъ Софее, и неосвященну церковь повелѣ запечатати дондеже изволитъ богъ, то и сотворитъ. (л. 11) Сынъ же Щиловъ плача и рыдая,⁷⁴ и припаде к ногамъ святителя, и рече: «Святитель великий, помози⁷⁵ нищению⁷⁶ отца моего. Что ми повелиши, да сотворю». Архиепископъ же повелѣ ему⁷⁷ в постѣ и в молитвѣ пребыти,⁷⁸ и рече:⁷⁹ «Еще⁸⁰ заповѣдаю ти,⁸¹ чадо,⁸² да въ⁸³ 40 дней⁸⁴ у 40 церквей даждь священникомъ и причетникомъ довольно, таже⁸⁵ и нищимъ и темничникомъ, и⁸⁶ в тѣ дни⁸⁷ (л. 11 об) на всякъ⁸⁸ день⁸⁹ 40⁹⁰ понахидь⁹¹ и литургии пѣти⁹² неизмѣнно, и на распутныхъ никого же не мни; ни ачна, ни жадна, ни нага, да и монастыря препитай елико возможно, и тако сотворивъ, и прииди⁹³ к нашему смиренію⁹⁴ и возвѣсти ми о семъ». (л. 12 об.) Сынъ же Щиловъ⁹⁵ повелѣ⁹⁶ сорокоусты пѣти и литургии совершати⁹⁷ лишения ради отца своего, и милостину довольно нищимъ даяти,⁹⁸ и соверши⁹⁹ всю 40 день елика заповѣда ему святитель.¹⁰⁰ (л. 13 об.) Щиловъ же сынъ¹⁰¹ прииде ко святителю¹⁰² и возвѣсти ему еже сотворишъ лишения ради отца¹⁰³ своего¹⁰⁴ (л. 14 об.) Архиепископъ же посла архидякона досмотрити въ церкви Щиловы пропасти. Архидяконъ же¹⁰⁵ видѣвъ Щилова гроба наруже немного, и отиде,¹⁰⁶ запечатавъ¹⁰⁷ церковь, и возвѣсти архиепископу.¹⁰⁸ (л. 15 об) Архидяконъ же прииде и возвѣсти¹⁰⁹ святителю, что Щилова гроба наруже немного видѣли. ¹¹⁰Архиепископъ же повелѣ Щилову сыну в постѣ и в молитвѣ пребыти и творити еще вторую¹¹¹ 40-цу, глаголя¹¹² «Тако же сотворивъ,¹¹³ и прииде къ нашему смиренію¹¹⁴ и возвѣсти ми¹¹⁵ о семъ.¹¹⁶ (л. 16 об.) Сынъ же Щиловъ повелѣ сорокоусты пѣти и литургии совершати лишения ради отца своего и мило-

61-62 свои грѣхи — В	63 нет — В	64 умре — Т	65 разлѣдеся — Т
66 мост — 1.	67-68 нет — Т	69 содѣйствие — В.	70 изурафомъ — Т.
71 доб.. церковныхъ — 1	72-78 ужасятъ бысть — В	74 доб. и прииде — Т.	75-76 ми
77 нет — В	78-79 нет — В.	80-81 заповѣда ему, и рече — В	
82-83 нет — ВТ.	84 доб да литургисають. — 1	85 даждь же — В, нет — Т	86 доб.:
87 так — В	86-87 в тѣхъ 40 днѣхъ. — Т	88 кийждо — В	89 доб. по — В
90 нет — 1	91 понахиды поють. — Т.	92 служить — Т.	93-94 ко мнѣ — В
95 рекомаго Щила — В.	96-97 литургии служили 40 днѣй — Т.	98 доб и в темницы	
99 подавал — В	99 сотвори — В	100-101 В 40 день — В	102 архиепископу — Т
103 нет — В	104 доб Вторицею повелѣ ему творити, якоже прежде сотворишъ, 40 днѣй — Т	106 нет — В	107-108 ту церковь, отиде ко
109 доб прииде в церковь су и — В	100 доб прииде в церковь су и — В	106 нет — В	107-108 ту церковь, отиде ко
108-110 нет — В	109 доб. великому — Т	111 другую — В	112 нет — ВТ.
111-114 повелѣ приити к себѣ. — В	115 нет — ВГ	116-117 Сынъ же рекомаго Щила	

стыню нищимъ довольно даяти, и сотвори всю 40-цу елико заповѣда ему святитель. (л. 17 об.) Сынъ же Шцловъ прииде ко архиепископу и возвѣсти ему что сотворилъ лишения ради отца своего всю четьредесятъницу¹¹⁷. (л. 18 об.) Архиепископъ же посла того же архидиякона досмотрити¹¹⁸ Шцловы пропасти.¹¹⁹ Архидияконъ же прииде и видѣвъ того гроба половина наруже, и прииде, возвѣсти архиепископу чюдо.¹²⁰ (л. 19 об.) Архиепископъ же призва Шцлова сына и повелѣ ему третюю 40-цу¹²¹ творити, и повелѣ ему в тѣ дни пребыти в постѣ и в молитвѣ, и творити повелѣ ему ту четьредесятъницу, вдвое того болши давати божиимъ церквамъ, и нищимъ, и страннымъ. (л. 20 об.) Сынъ же Шцловъ в четьредесятъ день давалъ¹²² нищимъ, и темничникомъ,¹²³ и церквамъ,¹²⁴ и страннымъ болши и прежняго въдвое.¹²⁵ (л. 21 об.) Сынъ же рекомаго Шцла прииде¹²⁶ ко архиепископу и возвѣсти ему еже сотворилъ лишения ради отца своего¹²⁷ по повелѣнью елико заповѣдалъ ему святитель.¹²⁸ (л. 22 об.) Архиепископъ же посла того же архидиякона в третии досмотрити того великаго чюдеса. (л. 23 об.) Архидияконъ же прииде¹²⁹ в церковь¹³⁰ и видѣ тотъ Шцловъ¹³¹ гробъ наруже весь, и возвѣсти¹³² великому¹³³ святителю чюдо сие.¹³⁴ (л. 24 об.) Архиепископъ же повелѣ над ним¹³⁵ с собою¹³⁶ отпѣти надгробная пѣннѣя¹³⁷ всему освященному собору и погребе его¹³⁸ самъ со освященнымъ соборомъ¹³⁹ с великою честию, а храмъ тотъ освати самъ со освященнымъ соборомъ,¹⁴⁰ славяще и хваляще бога. Аминь.¹⁴¹

в 40 ден давалъ божиимъ церквамъ, и нищимъ, и темничникомъ, и страннымъ болши прежняго вдвое, и прииде ко архиепископу и возвѣсти ему — В, нет — Т. 118-119 Шцла — В
 120 доб.: сие — ВТ.. Сынъ же рекомаго Шцла прииде ко архиепископу и возвѣсти ему еже сотворихъ лишения ради отца своего по повелѣнью его, елико заповѣда ему святитель — Г
 121-125 в постѣ пребывати и милостыню давати — В. 122 подаяхъ божиимъ церквамъ, священникомъ и причту, и — Т 123-124 нет — Т 125-128 нет — Т 126 доб.: паки третие — В 127-128 нет — В 129-130 нет — В 131 нет — Г 132-134 архиепископу — В. 133 нет — Т. 134 доб Шцловъ же сынъ повелѣ. служити литургии 40 дней лишения ради отца своего, и милостыню доволу даяше во всю 40 дней, елико заповѣда ему святитель, то и сотвори. Сынъ же Шцловъ прииде ко святителю и возвѣсти ему, что сотворихъ лишения ради отца своего всю 40 дней — Т 135-136 нет — В. 137 нет — В. 138-139 нет — В. 140-141 нет — В, во славу отца и сына и святаго духа Аминь — Т

V

Изд. по лицевому Синодику XVIII в., в 4^о, Моск. гос. истор. музей, № 128, л. 65 об. — л. 85 об.

(л. 65 об.) Бысть в великомъ Новѣградѣ чу(до) сграшно и удивления достойно. Бѣ нѣкий человекъ посадникъ име(нем) Шилъ, имѣя сына единого, и б(л) богатъ зѣло, и дая сребро свое в (ли)хву, и взимаше на поугородской руб(ль) денгу новгородскую, и от того собр(а) имѣние много, и помысли на го ср(ебро) церковь построи и монастырь о(гра)дити. Обрѣте же мѣсто от Нова(гра)да два поприща, и прииде ко Иоа(ну) архиепископу, прося благословения (на) создание церкви пресвятѣ(й) богородицѣ П(окрова). Архиепископъ же даде

ему благословение на таковое божие дѣло. (л. 66 об.) Шилъ же примѣ благословение от святителя и посла сына своего найти дѣлателя и уготovati потребная вся на основание церкви. Сънѣ же его шедъ и уготова вся, и прииде и възвѣсти отцу своему. Шилъ же моли архиепископа дабы самъ ѣхалъ и основание церкви благословилъ. (л. 67 об.) Архиепископъ же не презрѣ моления его, иде на основание церкви и множество народа с нимъ, и молебная совершивъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и основание церкви положи. И начаша здати. (л. 68 об.) Шилъ же по совершении церковнаго основания постави велику трапезу, и добръ архиепископа учредивъ и дарми великими одаривъ, и отпусти его во градъ с великою честью. (л. 69 об.) Архиепископъ же прѣѣхавъ в домъ святыя Софїи, и приять книги, и чтяше правила святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ. Начат же размышляти в себѣ: «вдахъ благословение Шилу, а вѣдая его мздоимца суца, и не вопросихъ его от коего собрания таковое великое дѣло замыслилъ». И о томъ архиепископъ в великомъ недоумѣнии бысть. (л. 70 об.) По совершении же церкви прииде Шилъ ко архиепископу и моли его дабы самъ освятилъ храмъ іой. Архиепископъ же повелъ (ѣ) ему внити с (собою) во внутреннюю келлию. (л. 71 об.) Шилъ же по повелѣнію архиепископову видѣ с нимъ во внутреннюю его келлию, и рече ему святой Іоаннъ архиепископъ наединѣ: «Чадо Шиле, повѣждь ми вся и не скрый от мене ничтоже, господа ради, о чемъ вопрошу тя. От коего собрания своего сичевое великое дѣло началъ еси творити?» Шилъ ж(е) страхомъ и ужасомъ вслимиъ одержимъ паде на ноу святаго и со слезами глаголаше: «согрѣ(ших), отче, прости мя, господа ради, мнози бо людие прихождаху ко мнѣ и взимаху сребро и даяху м(и) лихву на четырнадцать гр(и)вень и на четыре денги (л. 72) на годъ по денге, и тако собирая, множество сребра приобрѣтохъ, и на то сребро создахъ церковь и монастырь. И нынѣ, владыко, что ми повелѣваеши, твоему рабу, честный отче». Архиепископъ же глагола ему: «нынѣ ти повелѣваю: устрой себѣ вся погребальная, сирѣчь, срачицу, саванъ и калиги, и вся, елико на погребение мертваго достоятъ. Поломъ же исповѣждь отцу своему духовному вся своя согрѣшения, яже содѣя в житии семъ от юности и до сею дне, и в погребальныхъ яли в созданнѣй своей церкви во гробъ и вели над собою пѣть (л. 72 об.) надгробное пѣние. Всемогий же богъ откритъ, якоже хощеть, а мы, чадо, готовы будемъ со всѣмъ соборомъ — и еже богъ изволитъ, то и сотворитъ». (л. 73 об.) Шилъ же слышавъ снѣ от святителя, паче на плачь предложися, и изшедъ, вскорѣ устройвъ вся погребальная и исповѣда вся отцу духовному, и скрыся во гробъ, и соборнѣ пѣша надгробная пѣния. И впезапу Шилъ во гробъ успе, и разсугупися под нимъ помость церковный и не обрѣтеса гроб его предъ пими, и бысть ту пропасть велия. Прииде же и святитель ту и видѣвъ страшное оное видѣние, и повелѣ иконописцемъ вапы на стѣнахъ церкви писати над пропастию в подобии образ Шиловъ. Самъ же во ужасе быв, и отиде, неосвященну церковь оставив, и повелѣ ю запечатати дождеже, рече, богъ изволитъ что, то и сотворитъ. (л. 74 об.) Сынъ же Шиловъ, плача и рыдая, прииде и припаде

к ногамъ святителя, и рече: «святителю великий, помози лишению отца моего, и что ми велиши сотворити, да сотворю». Святитель же повелѣ ему в постѣ и молитвѣ пребывати, и рече: «еще заповѣдую ти, чадо, у четыредесати церквей до четыредесати дней даждь священникомъ на всякъ день понахиды и лит(урги)н(и) служити неизмѣнно, також(е) и н(и)щихъ, и темничниковъ не презр(и), н(и) алчна, ни жадна, ни нага, и на (ра)сп(утияхъ) нилкого же минуѣ, да и монастыри препитай едикъ возможно, и тако сотворивъ прииди к нашему смиренію и возвѣсти ми о семь. (л. 75 об.) Сынъ же Шиловъ по повелѣнію архиепископа повелѣ сорокоусты давати и литургии служити и милостыню доволну даяти нищимъ лишения ради отца своего всю четыредесать дней. (л. 76 об.) Прииде же сынъ Шиловъ по четыредесати днехъ ко святителю и рече ему: «отче святыи, соговорихъ вся елика ми заповѣдалъ еси» (л. 77 об.) Архиепископъ же посла архидиакона досмотрѣти в церкви Шиловы пропасти. Архидиаконъ же прииде и видѣ Шилова гроба наявѣ немного, и запечатавъ церковь, отиде и возвѣсти архиепископу. (л. 78 об.) Архие(пископъ) же приз(ва) Шилова сына и паки повелѣ ему в постѣ и молитвѣ пребывати, и творити вторую четыредесятницу, и нищимъ обилно даяти. (л. 79 об.) Сынъ же Шиловъ нача паки соро(ко)усты даяти по церквамъ и литургии повелѣ служити лишения ради отца своего, такожде и милостыню доволну сотвори нищимъ, и по совершении вторыа четыредесятницы, прииде, возвѣсти о семь архиепископу, рече: «отче святыи, сотворихъ вся елико ми заповѣдалъ еси.» (л. 80 об.) Архиепископъ же паки посла того же архидиакона досмотрити Шилова гроба. Архидиаконъ же прииде, и видѣвъ половину того гроба наверху, и отиде, запечатавъ и возвѣсти архиепископу. (л. 81 об.) Архиепископъ же паки призна Шилова сына и повелѣ ему трегію четыредесятницу творити, и в гдѣ дни повелѣ ему в постѣ и молитвѣ пребывати. Онъ же повелѣ сорокоусты давати, и нищимъ и страннымъ — вдвое прежнего. (л. 82 об.) К темницамъ же по вся дни ходаше самъ и милостыню творяще зѣло пространнѣе перваго. (л. 83 об.) По совершении же трети и 40-цы сынъ Шиловъ прииде ко архиепископу и возвѣсти ему о всемъ еже сотвори лишения ради отца своего. (л. 84 об.) Архиепископъ же посла того же архидиакона в третие досмотрити того великаго чудесе. Архидиаконъ же прииде во церковь и видѣ тотъ Шиловъ гробъ весь на верх(ѣ) земли, и возвѣсти о семъ архиепископу. (л. 85 об.) Архиепископъ же со всѣмъ освященнымъ соборомъ иѣвъ над нимъ надгробная, и погребше еѣо с великою честию. Храмъ же той освятиша хваляще и славя(ще) (бога).

VI

Изд. по рукоп. Публ. библ., собр. Погодина, № 1940, Сб. XVIII в., л. 270 — л. 274 об.

Варианты по рукоп. Моск. гос. истор. муз., Повоспасскоѣо собр., № IX, Синодик к. XVII в., л. 46 — л. 51 об.

В лето 6694-е бысть в великом Новѣградѣ чудо зѣло страшно и великому удивлению достойно. Нѣкто бѣ в томъ градѣ посадникъ пореклу Шилъ. Имѣя же той Шилъ сына единородна у себе, и бе богатъ велии. Сребро свое дая в лихву многим и взимаше в годъ на новгородской рубль новгородскую денгу, а той ихъ рубль тогда бѣше четырнадцать гривенъ и четыре денги. И от того собра имения много, и прииде ему во умъ, еже бы на то сребро соградити монастырь и в немъ воздвигнути церковь (л. 270 об.) во имя пречистыя богородицы честнаго ея Покрова. И обрѣте мѣсто от Новаграда два попрница, и прииде¹ Иоанну архиепископу прося от него благословения на создание той церкви. Архиепископъ же подавъ ему благословение на таковое дѣло без сомнения. Шилъ же приимъ благословение от архиепископа, и посла сына своего найти дѣлатели и уготовити потребная вся на совершение церкви. Сынъ же его сотвори все по повелению и возвѣсти отцу своему. Отецъ же его Шилъ паки моливъ архиепископа дабы начало основанию церкви оной положи соборно. Архиепископъ же моления его не презрев и иде на основаніе церкви со освященнымъ собором, и с нимъ бе множество народа. Шилъ же по совершении (л. 271) основания постави трапезу велию и добрѣ угостивъ архиепископа и дарми многими его одаривъ, и отпустивъ во градъ с честью. Архиепископъ же прииде в домъ святыя Софїи и прия книги правильныя святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и прочитая тыя нача разсуждати в себе о вѣдпомъ благословении,² Шила богата суца от мздоимства, а не вопросилъ его от коего собрания суть такое божіе дѣло строити замыслилъ есть. И велии архиепископъ о томъ в велицѣ недоумѣнии³ бывъ⁴ и ск(орби)⁵ По совершении же церкви⁶ паки прииде Шилъ ко архиепископу Иоанну и моливъ его дабы освятилъ той храмъ. Архиепископъ же повелевъ ему с собою во внутреннюю храмину внити, и рече ему: «Повѣждъ ми, чадо, и не скрый⁷ (л. 271 об.) от мене,⁸ господа ради, от коего собрания твоего сщцевое божіе дѣло творити начинаеши». Шилъ же от страха ужася⁹ и паде на ногу архиепископа¹⁰ святаго, глаголя: «Согрѣшилъ, отче, прости мя. Ты вѣси, яко мнози людие приходяху ко мнѣ и взимаху от мене сребро и даяху мне в годъ лихву на рубль по денге, и азъ на то сребро создахъ церковь тую и монастырь. Ныне же, владыко святыи,¹¹ честный отче, что ми повелиши, да сотворю». Архиепископъ же глагола ему: «нынѣ азъ еже повелю устрой повеленная от мене вся и уготови по обычаю погребальная: срачицу и саванъ и вся яже суть на погребение мертвымъ приличная, и исповѣждъ вся своя согрѣшения, и в погребальныхъ возлязи в созданнемъ (л. 272) от тебе храме во гробе, и надгробная пѣния повели над собою совершити. Да открыетъ намъ всемогий богъ тайну елико хочетъ, а мы, чадо, со всемъ соборомъ готовы будемъ, и елико аще изволитъ богъ, то и сотворимъ». Шилъ же слышавъ таковая от святителя, и отиде плача и рыдая велии. И вскорѣ устроивъ гробъ и погребальная, и испо-

1 доб.: ко. 2 доб.: Шилу, а вѣдый. 3 доб. и скорби 4-5 нет 6 цер-
ковнѣмъ. 7-8 нет. 9 и ужася. 10 нет. 11 доб.: и.

вѣда вся согрѣшения своя отцу духовному, и скрыся во гробѣ. Соборне же пѣша над нимъ нагробная пѣния. И внезапно¹² умрѣ во гробѣ Шилъ,¹³ и по семъ треснув, разседеся помость церковный, и зиювши¹⁴ земля пожре его, и к тому не обретеса гробъ пред ними, и бысть ту пропасть и¹⁵ велия бездна.¹⁶ Святитель же Иоаннъ прииде на освящение (л. 272 об.) церкви, и видев страшное оно чюдо,¹⁷ и повелѣ иконописцемъ над пропастью на стѣпахъ написат в подобии образъ Шиловъ. Самъ же от страха и ужаса велия отиде в дом святаго Софїи. Церковь же новосозданную неосвященну повелѣ запечатати, дондеже благоизволит богъ ино чюдо сотворити. Сынъ же Шиловъ плачася и велии рыдая припаде к ногама святаго и рече: «Святителю великий, помози лишению отца моего, и что ми повелиши, то¹⁸ и¹⁹ сотворю». Архиепископъ же повеле ему чытыредесятъ дней в посте и в молитве пребывати. Еце же заповѣда ему у чытыредесяти церквей сиященникомъ и причетникомъ сорокоустие раздати довольно. Да в те чытыредесят (л. 273) дней на всякъ день по 40 папахидъ и литургий по отцѣ его заповѣдавъ пѣти неизмѣнно, и на распутияхъ нищихъ никого повелѣ минути. К симъ же и всякаго чина алчныхъ кормити, жадныхъ поити, нагихъ одевати, и поелику возможно и монастыри препитовати. «И тако, чюдо, всю чытыредесятъ дней устроишь, паки прииди к нашему смиренію и возвѣсти о всемъ». Сынъ же Шиловъ по повелѣнію святаго повеле сорокоустие скоро раздати и литургии умоливъ иереевъ совершати лишения ради отца своего, тако же и милостыню довольно нищимъ подаеше.²⁰ И совершивъ всю чытыредесятъ дней елико заповѣда ему святитель и паки прииде к нему и возвѣсти (л. 273 об.) ему вся елико сотворил отца ради своего. Архиепископъ же посла своего архидїякона видети в церкви Шиловы пропасти. Архидїякон же видѣ²¹ в церковь тую и видевъ гроба Шилова из пропасти подвешена²² немного, и паки запечатавъ церковь и отиде ко архиепископу и возвѣсти ему тос великое чюдо. Архиепископъ же повелѣ еще Шилову сыну в посте и²³ молитве пребывати и сотворити²⁴ другую чытыредесятницу, и тако сотворивъ, приити повеле²⁵ к себе и возвестити о всемъ. Сынъ же Шиловъ по повеленію его повеле паки сорокоустие раздати и литургии совершати лишения ради отца своего, такожде и милостыню довольно нищимъ повелѣ (л. 274) даяти и совершивъ всю чытыредесятницу,²⁶ елико заповѣда ему святитель, и по совершении чытыредесяти дней прииде паки ко архиепископу и возвестив ему вся. Архиепископъ же паки посла того же архидїякона да видит Шилову пропасть. Архидїякон же в церковь прииде и видевъ того гроба на верху половину, и прииде, возвѣсти архиепископу сие. Архиепископъ же призвавъ Шилова сына и повелѣ ему трети чытыредесятницу сотворити сугубицею, и церквамъ божїимъ имѣние неоскудно подавати²⁷ и нищихъ по премногу питати. А самому в те дни²⁸

12-18 по гробѣ. Шилъ умрѣ.	14 зиювши.	15 нет.	16 без дна.	17 дѣло.
18 та.	19 да.	20 подаяти.	21 прииде.	22 подвешена.
24 доб.: еще.	25 нет.	26 чытыредесятъ дней	27 преподавали.	28 доб.: ему.

повеле пребыти в посте и въ молитвѣ. Сынъ же Шиловъ в третью (л. 274 об.) чetyредесять дней, по повелению его, вся совершивъ неизмѣнно. И по совершении прииде ко архиепископу и возвѣсти ему вся. Архиепископъ же посла того же архидиякона в третье видети тое²⁹ преславное чудо.³⁰ Архидьяконъ же прииде и видевъ той Шиловъ гробъ изшедшъ верхъ земли весь, и возвѣсти архиепископу. Архиепископъ же над нимъ пакы отпѣти надгробное пѣние всему освященному собору и погребсти его с великою честию. И по нѣкоемъ времени и храмъ той самъ со освященнымъ соборомъ освятитъ въ славу в тройцѣ славному богу нашему. Аминь.

²⁹⁻³⁰ чудо преславное.

VII

Изд. по лицевому Синодику XVIII в. Публ. библ., собр. Буслаева, F. 1. 733, л. 97 — л. 110.

Бысть в великомъ Новѣградѣ чудо страшно и удивлению достойно. Бѣ нѣкто посадникъ именемъ Михайла, рекомый Шилъ, имѣя у себя едино чадо. Бѣ бо богатъ зѣло, от того, что даше сребро свое в лихву, и от того имѣя много сребра, и помысливъ на то сребро поставити церковь и монастырь соградити, и обрѣте мѣсто от Новаграда два попрща. (л. 98) Прииде ко Иоанну архиепископу прося благословения на создание церкви пречистыя богородицы честнаго и славнаго ся Покрова. Архиепископъ же давъ ему благословение на таковое великое божественное дѣло. (л. 99) Михаилъ же примъ благословение от архиепискупа, и посла сына своего наняти дѣлателей на совершение церкви. Сынъ же сотвори все повеление и извести отцу своему. (л. 100) Шилъ же моля архиепискупа, дабы шелъ и начало основанія церкви оныя положилъ соборнѣ. Архиепискупъ же моления его не презре, иде на основание церковное со освященнымъ соборомъ и с ними множество народа, и основание церкви оныя положи. (л. 101) Шилъ же по совершении церковнаго основанія постави трапезу велию, и добрѣ учредивъ архиепискупа и дарми одаривъ, отпусти его во градъ с честию. (л. 102) Архиепискупъ же Иоаннъ прииде в домъ святыя Софии и прятъ книги, читая правила святыхъ отецъ, и пачатъ разсуждати в себѣ: «Давъ благословения Шилу, а вѣдый Шила богата суца и мздоимца». Понеже не вопроси от котораго собрания суть таковое великое дѣло замысли, и о томъ в великомъ недоумении бывъ. (л. 103) Архиепискупъ же призва Шила к себѣ и с сыномъ его. Онъ же прииде к нему и рече: «Что ми повелеваша, честный отче». Архиепискупъ же вопроси его на какое иждивение святую Божию церковь нача строити. «Рцы ми, чадо, бога ради, и не утай». Шилъ же истину ему объяви всю, яко собра богатство себѣ на розданное свое в лихву сребро, и от того умысли оную церковь строити. Архиепискупъ же слышавъ от него сие и глагола ему: «Нынѣ устрой вся своя погребальная: и срачицу, и саванъ, и все

на погребение мертвыхъ, и исповѣждь отцу духовному вся своя согрѣшения, и в погребальныхъ ляги в созданиѣмъ своемъ гробѣ, и надгробное пѣние, повелѣ, над собою пѣти. Всемогий же богъ открыеть, елико хоцегъ, а мы, чадо, готови будемъ со всемъ соборомъ. И елико аще изволигъ господь, то и сотворить.» (л. 104) Михаилъ же слышавъ сие от святителя, плача и рыдая, и потомъ вскорѣ устроивъ гробъ и погрѣбалная, и исповѣда вся грѣхи своя отцу духовному, и ляже во гробѣ, и потомъ пѣвше над нимъ соборное надгробное пѣние. И внезапно Шилъ во гробѣ усше. Помость же, где оной гробъ с Шиломъ стояше разсыдся, и не обрѣтося гробъ предъ ними, и бысть ту пропасть велия и безъ дна. (л. 105) Святитель же прииде в церковь и видѣвъ страшное оно видѣние, и повелѣ иконоисцамъ ваши на стѣнахъ писати над пропастию в подобие образъ Шиловъ. Сам же от страха и ужаса отиде в домъ святаго Софни, а церковь запечатать повелѣ, и притомъ рече: «Дондеже изволить господь, то и сотворить». (л. 106) Сынъ же Шиловъ плача и рыдая, и припаде к ногамъ святителя и рече: «Святителю великий, помози лишению отца моего, что ми велиши, да сотворю.» Архиепискупъ же повелѣ в постѣ и в молитвѣ пребывать. «Еще же заповѣдаю ти, чадо, в четьредесять дней и в четьредесять церквей даждь священникомъ и причетникомъ довольно на поминование, таже нищимъ, и в темницы, и по вся дни по четьресять понахидъ и литургий пѣти, и на раслугахъ никого не минути, и по сотворени оного возвѣсти ми о семъ.» (л. 107) По сотворени оного сынтъ Шиловъ возвеси архиепискупу. Архиепискупу же посла архидиакона досмотрити в церкви Шиловы пропасти. Архидиаконъ же прииде в тою церковь и видѣвъ гроба Шилова наруже немного, и запечата тою церковь, и отиде ко архиепискупу и возвести ему сие великое чюдо. Архиепискупъ же повелѣ Шилову сыну паки в постѣ и в молитвѣ пребывать и творити другую четьредесятницу. «И тако сотворивъ прииди к нашему смиренню и возвести о семъ». (л. 108) Сынъ же Шиловъ по повелѣнню архиепискупа повелѣ сорокоусты пяти и литургий совершати лишения ради отца своего, и милостыню нищимъ довольно даяти, и по сотворени оного прииде ко архиепискупу и возвести ему, что по повелѣнню его сотвори лишения ради отца своего. (л. 109) Архиепискупъ же посла того же архидиакона досмотреть оной Шиловы пропасти. Прииде же архидиаконъ и видѣ того гроба половина наруже, и пришедъ, возвести оное чюдо архиепискупу. Архиепискупу же призва Шилова сына и повелѣ ему третью четьредесятницу творити, в постѣ и в молитвѣ в тѣ дни пребывать, и церквамъ и нищимъ втрое перваго повелѣ давагъ довольно. (л. 110) Сынъ же рекомаго Шила сотвори третью четьредесятницу, давъ церквамъ и нищимъ и темничникомъ и страннымъ болши перваго втрое, и прииде ко архиепискупу возвести ему о семъ. Архиепискупу же посла того же архидиакона в третие досмотреть оного Шила, и приидѣ архидиаконъ и узрѣ тотъ Шиловъ гробъ наруже весь и возвести ему. Архиепискупу же повелѣ над нимъ отиѣти надгробное пѣние всему освященному собору и погребсти его с честью. И потомъ построенный храмъ со всемъ освященнымъ соборомъ освяти самъ.

VIII

Изд. по лицевому Синодику Акад. Наук, № 17. 5. 5, XVIII в., л. 203 — л. 215.

Бысть в великомъ Новѣ градѣ чюдо страшное и удивлению достойно. Бѣ нѣкто посадникъ именем Шилъ, имѣя у себя сына единочада. Бѣ бо богатъ всми и многимъ людемъ искуснымъ даваше серебро свос в лихву. Взимаше на годъ на новгородцкой рубль по денге, и от того собра имѣния много, и помысли на то серебро церковь соорудити и монастырь возградити. И обрѣте мѣсто от града два поприща, и прииде ко архиепископу Иоанну прося благословения на создания церкви пречистыя богородицы честнаго и славнаго ея Покрова. Архиепископъ же вда ему грамоту на создание церкви. Шилъ же приимъ благословение, и посла сына своего наняти дѣлателей на соружение церкви и устроити все потребное на совершение. (л. 204) Сынъ же Шиловъ нанят тиуна з дѣлати и все повелѣние отца своего исполнивъ и возвѣсти отцу своему. Шилъ же моля архиепископа дабы ѣхалъ начало основанию церкви тоя положилъ соборѣ. (л. 204 об.) Архиепископъ же моление его послуша и иде со всѣмъ соборомъ и множества народу и основание церковное соверши. Шилъ же постави трапезу велию и добрѣ упокой архиепископа и дарми одаривъ и во градъ проводивъ с честью. И сооруди церковь. (л. 206) Архиепископъ же приѣхавъ в домъ святыя Софии премудрости божии и приять книги правала святыхъ отецъ, что повелѣвають от коихъ прибытковъ строити дома божия, и обрѣте. А благословение ужс вдавъ Шилу, а вѣдая его богата и мздоимца. Понеже не допроси его от коего прибѣтка и собрания таково дѣло замысливъ совершити, и о томъ архиепископъ в величѣй скорби бысть. Шилъ же по совершении церкви прииде во градъ ко архиепископу и моля его, да освятитъ храмъ. (л. 207) Архиепископъ же возрадовася о пришествии Шиловѣ к себѣ. Нача вопрошати его: «Повѣждь ми, чадо, не скрый, господа ради, от мене от коего прибѣтка и собрания ты сий храмъ соорудилъ». И многими притчами его увѣща. Шилъ же нача умилно со слезами, пад на носѣ архиепископу, глаголя «Согрѣших, владыко, прости мя. Мнози людие приходяще ко мнѣ и взимаху от мене серебро, и приношаше ко мнѣ лихвы на 14 гривенъ и на 4 денги на год по денге, и на то серебро, что взимахъ лихвы, создах церковь сию. И нынѣ, владыко, что моему нечестию от святыхъ отецъ указъ, повѣждь ми». Архиепископъ глаголя ему: «Чадо, нынѣ ти глаголю: устрой себе все, аки мертвому на погребение, исповѣждься отцу своему духовному, чисто, со слезами от сердца, не потай в себѣ ни единого грѣха и облекися в срачицу и в саван, и положиися сам жив во гробѣ и гѣнне надгробное повели над собою именно пѣти. Всемощный же богъ открыеть, елико хоцет, а мы, чадо готовы будемъ со всѣмъ собо-

ром. Елико аще изволить богъ, то и сотворить». (л. 207 об.) Шил же слышавъ от святителя, плачяся и рыдая и вскоре устройтъ гробъ и погребальная, и исповѣда все отцу своему духовному и скрився во гробъ, (л. 208) и пѣвше над нимъ надгробное пѣние. И внезапно во гробъ Шил успе, и мостъ церковный разсѣдся надвое под ним с шумом великим, и не обрѣтесе гробъ с тѣлом пред ними и бысть ту процасть велия. Святитель же прииде на освящение церкви и видѣ то чудо страшное, и от ужаси иде во градъ в дом. Остави неосвященну, запечатати повелѣ, дондеже богъ изволить. (л. 208 об.) Сынъ того Шила плачяся и рыдая, и прииде к ногама святителя и рече: «Владыко, помози намъ погибающимъ». Архиепископъ повелѣ ему со всеѣм домом в постѣ и молитвѣ пребывать; «и еще ти, чадо, повелеваю 40 дней у 40 церквей раздай служителем церковным и нищим и темничником доволна своего праваго прибитка, чтобъ всю 40 дней по церквам литургии и понахиды по вся дни были неизмѣнно, и на распутяхъ, и странна, и гладна, и нага, и сироты, и вдовицы — всеѣхъ недостатки исполняй, и прииди паки к нашему смиренню, и о семъ возвѣсти ми.» (л. 209 об.) Сынъ же Шиловъ повелѣ по приказу святителя все исполнити: по отцѣ своемъ всю 40 дней литургии совершати и понахиды, и милостыню нищим и убогимъ, и в темницы давати. По 40 днех сынъ Шиловъ прииде ко святителю и возвѣсти ему. (л. 212) Архиепископъ же посла архидиакона досмотрити процасти Шиловы. Архидиакон же пришедъ в церковь и видѣ ис процасти Шилова гроба с тѣломъ немного появився, и шедъ архидиаконъ и возвѣсти видѣния святителю. Архиепископъ же повелѣ Шилову сыну в постѣ и в молитвѣ со всеѣмъ домом пребывать и творить другую четъредесятиницу по прежнему совершать и паки ему возвѣстити. Сынъ же Шиловъ другую 40-цу совершии в постѣ и в молитвѣ, будучи (sic) подание неоскудно, на 40 церквей сорокоустия розосла, и нищим и темничником подавая, и возвѣсти архиепископу. Архиепископъ же посла того же архидиакона дозрит Шилова гроба. (л. 213 об.) Архидиаконъ же пришедъ в церковь и видѣ Шилова гроба половина наруже и возвести архиепископу. Архиепископъ же повелѣ Шилову сыну третью 40-цу совершат, в постѣ и в молитвѣ со всеѣмъ домом пребывать и двоя первого сорокоустия на 40 церквей раздати и на милостыню подавать. Сынъ же Шиловъ по отцѣ своемъ по приказу святителя все соверши: 40-цу третню всю, в постѣ и в молитвѣ со всеѣмъ домоу своимъ пребываючи и вдвоя первого на 40 церквей сорокоустия розда и на милостыню вдвоая, и возвѣсти паки архиепископу. Архиепископъ же посла в третии архидиакона тогожъ Шилова гроба досмотрити, и пришедъ архидиаконъ в церковь и видѣ гробъ Шиловъ и с тѣломъ весь наруже, и шедъ возвести святителю. (л. 215) Святитель же разумѣ, яко прости его богъ от грѣха, и повелѣ паки погребение сотворити над нимъ чество.¹

¹ Текст л. 215 — надпись к картинке

IX

Изд. по рукоп. Акад. Наук, № 38. 4. 40, Сб. к. XVIII в., л. 307 — л. 315 об.

Варианты. по рукоп. О-ва древн. письмен. F. CLIII, XVII в., л. 1 — л. 4 об. — О; рукоп. О-ва древн. письмен., собр. Вяземского, F. XXXVII, Сб. нач. XVII в., 386 об., — л. 393 об. — В.

Бѣ въ великомѣ Новѣградѣ нѣкто посадникъ при архиепископѣ Иоаннѣ¹ великаго Новаграда,² рекомый Шцль, имѣя у себе сына единочадаго. Живущу же ему³ въ богатствѣхъ мнозѣ,⁴ имѣя у себе сребра много.⁵ Мнози же купцы, людие не имуще кунъ, прихажу къ нему потребы ради⁶ на торговлю⁷ просити въ куны, и⁸ приношаху къ нему потребы⁹ заемное¹⁰ сребро, и даяхуть ему на четырнадцать гривень и на четыре денги по единой денги на годъ, а боде того лихвы отнюдѣ¹¹ (л. 307 об.) не имаше. И того кунного¹² собрания Шцль имѣя у себе много множество, и умысли въ себе и восхотѣ на то кунное собрание воздвигнути церковь и соградити монастырь от града вдале яко поприща два,¹³ и пришедъ со тццанемъ,¹⁴ на особнемъ мѣстѣ, на лугу, близ рѣки Волхова — тако бо нарицается. И пришедъ¹⁵ къ архиепископу града того, и приемъ благословение, любезне прося у архиепископа по своему хотѣнью благословения о создании церкви во имя пречистыя богородицы честнаго и славнаго ея Покрова. Архиепископъ же по прошенію его дастъ ему благословение на таковое¹⁶ дѣло божественное и отпусти его с миромъ. Онъ же изыде от архиепископа (л. 308) радуясь зѣло, яко улучи¹⁷ желаніе свое и хотѣнне,¹⁸ и пришедъ въ дом свой, хваля и славя бога, и посла сына своего с рабы своими наняти дѣлатели мнози для поспѣшениа.¹⁹ Сынъ же его нанятъ дѣлатели.²⁰ Он же дающе²¹ куннос²² собрание²³ дѣлателямъ наемъ неоскудно, и потребная²⁴ готовити повелѣтъ,²⁵ дабы имъ не негодовати о томъ на господина своего и чтобы дѣлу оному было поспѣшение²⁷ и угодно зданіе церковное. Дѣлатели же наемъ взявше у него и начаша запаси всякие готовити, и мѣсто оно утвержати крѣпостию великою, и кирпичь, и извѣсть, и каменіе, и вся яже²⁸ на потребу къ созданию церковному. И абие дѣлате (л. 308 об.) ли уготоваша, вся яже на погребу ко основанію церковному, и пришедъ возвѣстивша Шцлови. Он же слышавъ от дѣлателей, и радости исполнився, и пакы иде къ архиепископу,²⁹ и моля его,³⁰ и челомъ бия

1-2 нет — В. 3-4 во обилии, въ великѣхъ богатствѣхъ. кипящу — В 5 доб.: и риз много цѣнныхъ — В 6-8 и зимаху у него на торговлю сребро въ куны, нии же на свою домовную потребу, и егда — В. 7 доб. сребра — О 9 нет — ОВ. 10 за многое — О. 11 доб. ни у ково же — В 12 купно — О. 13-14 нет — ОВ. 15 доб. со тццанемъ — ОВ. 16 доб. великое — ОВ. 17-18 желаніе своего хотѣнния — ОВ. 19 доб. церковнаго — О. 20 доб. мнози — ОВ. 21-23 имъ искуннаго собрания — В. 22 искусно — О. 24-25 яже имъ годъ. — ОВ. 26 нет — О. 27 поспѣшнее — О 28 доб. угодно — В. 29-30 нет — В

ему тщательно со усердием дабы архиепископъ ѿхвалъ начало основанию церкви³¹ положилъ соборне. Архиепископъ же слышавъ от него таковая, давъ ему благословение,³² а самъ восхотѣ по его молению ѿхати на основанне оной³³ церкви. Он же изыде от архиепископа,³⁴ и иде³⁵ въ домъ свой, вѣземъ потребная и ѿхавъ на уреченное свое мѣсто, и постави трапезу велию, пища и питию доволная, яже суть на основанне учреди. Архиепископъ же (л. 309 об.) моления его не презрѣ, и прииде на основанне церковное со священнымъ соборомъ, а с нимъ народи мнози града того.³⁶ Архиепископъ же³⁷ на томъ мѣсте начало основанию церкви оной положи. Щилъ же по совершении основанна церковнаго моля его³⁸ дабы его брашна въкусилъ на его трапезѣ со всѣмъ священнымъ соборомъ и со множествомъ народа.³⁹ Архиепископъ же посѣти его. Он же любезно учредивъ архиепископа со священнымъ соборомъ и со множествомъ народа,⁴⁰ одаривъ дарми великими, и отпусти его с миромъ во град. Сам же⁴¹ оста ту на мѣсте томъ и дѣлателя вельми⁴² устроя и⁴³ улокой, и судише ихъ на церковное⁴⁴ здание⁴⁵ поспѣха ради.⁴⁶ Архиепископъ же приѣха въ домъ святыя София⁴⁷ премудрости божии, и приемъ книги, чтяице правила святыихъ апостолю и святыихъ отецъ, и нача⁴⁸ умоумъ негодовати, что⁴⁹ дастъ⁵⁰ благословение Щилови на воздвиженис церковное и на⁵¹ основанни положи, а вѣдый Щила, яко много имать неизреченное⁵² богатство, в лихву многимъ людемъ даяице сребро свое, и о томъ извѣстно не испыта от него от кыхъ сокровищъ собрания своего хочеть Щилъ таковое божественное великое дѣло сотворити. И о томъ архиепископъ в то время в велицей скорби бысть. Дѣлатели же вельми спѣяху церковнымъ зданиемъ. Но пѣкоемъ же времени дѣлатели совершиша⁵³ церковь. Щилъ же многия радости исполнися о совершении церкви оной и повелѣ сыну сво(л. 310)ему и рабомъ от⁵⁴ своихъ избытковъ уготовити на трапезу пища и пития много доволство. Они же обильно изговиша пища и пития. Щил же со тщаниемъ и с великимъ усердиемъ иде ко архиепископу и пришедъ, моляице архиепископа, и покланяися ему глаголя: «Святый владыко, за молитвъ святыихъ твоихъ и благословениемъ твоего святительства⁵⁵ по коего хотѣния⁵⁶ покоищу моему совершена бысть церковь⁵⁷ она. Прииди, святый владыко, освяти храмъ во славу Христу богу и пречистыя его матере». Архиепископъ же восхотѣ сотворити волю его, и повелѣ ему в тайну храмину⁵⁸ внити, и вопроши его духовне и любезне, глаголя: «Повѣждь ми, чадо, бога⁵⁹ ради, пужда ми належатъ, скорбию великою зѣло уязв(л. 310 об.)ляюся, тогда не вопросихъ, от тебе, когда приидеть въ домъ святыя Софии неизреченныя пре-

31 доб.: оныя — В.

32 доб.: и отпусти — В.

33 нет — О.

34-35 нет — В.

36 доб.: И абие — В.

37 абие — О.

38 святителя — В.

39-40 нет — О.

41 доб.:

Щил — О.

42-43 нет — ОВ.

44-45 дѣло ко зданию — В.

46 доб.: церковнаго — О.

47 доб.: неизреченныя — ОВ.

48-50 помышляти в себѣ и умоумъ негодуя; дастъ — В.

49 нет — О.

51 нет — ОР.

52 неисчетное — В.

53 совершена бысть — ОВ.

54 своим — О.

55-56 многое хотѣние по кону — О; моего хотѣния покоище — В.

57 нет — О.

58 полату — О.

59 господя — В.

мудрости божии и къ смиренію нашему, прося у⁶⁰ нашего смиренія благословенія на основаніе и воздвиженіе храма⁶¹ пречистые богородицы честнаго и славнаго ея Покрова, и азъ тебе отнюд не оскорбихъ и по твоему изволенію благословенія сподобихъ невозбранно, у тебе господина и сына нашего смиренія⁶² не вопросихъ отъ коихъ сокровищъ собранія своего сицево дѣло начинаеши. Азъ о томъ вельми скорблю толико время и да боюся умомъ п⁶³ ужасаюся. Писано бо есть: отецъ⁶⁴ сына своего не⁶⁵ наказуетъ, нагла душа сго является, а любій сына своего наказуетъ и от смерти душу его сво(л. 311)бождаетъ и⁶⁶, адскихъ вратъ заключеныхъ бо⁶⁷ его⁶⁸ избавляетъ. Повѣждь ми, чадо, господа⁶⁹ ради». Он же от радости, и страха, и ужаса исполнися от глаголемыхъ от архиепископа и глагола: «Ей,⁷⁰ честный отче, согрѣшихъ, прости мя. Во много время мнози ко мнѣ прихожаху просити потребныхъ от мене възяти⁷¹ — овъ на куплю, а иныи⁷² потребная домови своему. Азъ же не презря ихъ никогда же, даяхъ имъ серебро свое комуждо по ихъ сплѣ,⁷³ а от того у нихъ на четырнадцать гривенъ на четыре денги възимахъ кунъ по денги на год. И того, господине,⁷⁴ собра⁷⁵ много литръ.⁷⁶ серебра у мене, и азъ не вѣмъ, что ми на то серебро собранное сотворити, и азъ⁷⁷ умыслихъ, восхотѣхъ создати (л. 311 об.) храмъ въ славу Христу богу⁷⁸ и пречистыя его матере и соградити монастырь покоищу моему, а тебѣ, господине, тогда того не помянухъ⁷⁹ извѣстно, и нынѣ что ми велиши, честный отче». И глагола ему архиепископъ: «Уподобися, чадо, Исавови; лести възятъ от мене благословеніе на таковое⁸⁰ дѣло божественное. А нынѣ повелѣваю ти, чадо, иди въ дом свой и повелѣ устрои⁸¹ у зданія⁸² своего въ стѣнѣ гробъ и возми срачицу, и саваць, и вся яже⁸³ на погребеніе мертвымъ, исповѣждь вся своя⁸⁴ тайная⁸⁵ отцу своему духовному и въ погребальныхъ ляжи въ созданиіи своемъ во гробѣ опомъ, яже устроить ти, и повелѣ надгробное⁸⁶ отпѣти,⁸⁷ и всему миру и намъ⁸⁸ свѣдый тайная сердець нашихъ слико хочетъ, (л. 312) то и сотворитъ. Азъ, чадо, по божию смотренію еже на насъ соборне⁸⁹ все съвершивше⁹⁰ от исправленія божественныхъ апостолъ и богоносныхъ отцы преданію ко священному⁹¹ церковному⁹² готови будемъ. Елико аще изволитъ богъ, то и сотворитъ». Щилъ же рыдая и плачяся не восхотѣ святителя преслушати, повелѣнная святителемъ въскорѣ устрои повелѣ, и⁹³ гробъ, и погребальная⁹⁴ приготовить повелѣ⁹⁵ — вся яже⁹⁶ по ряду⁹⁷ на потребу къ погребенію. Таже устроенномъ бывшымъ. Он же абие по исповѣданіи отца своего

60 доб.: нас — О. 61 церкви — О. 62 доб.: о томъ — В. 63 нет — ОВ.

64 доб.: бо любя — В. 65 нет — В. 66 доб.: от — ОВ. 67 бог — ОВ. 68 сих — О.

69 бога — О. 70 ему — О. 71 прияти — В. 72 ин на — ОВ. 73 доволу — ОВ.

74 доб.: пресвященный архиепископ — О. 75 в собраніи — О; нет — В. 76 доб.: в собраніи — В.

77 сице — В. 78 доб.: нашему — В. 79 доб.: о себѣ — О.

80 доб.: великое — ОВ. 81 нет — В. 82 созданія — В. 83 доб.: суть — ОВ.

84-85 согрѣшенія и тайны — В. 86-87 на погребеніе отпѣти над собою — В. 87-88 и всѣмъ богъ нашъ — О; и всемогий богъ нашъ — В.

89-90 совершается — О; совещашися — В.

91 освѣщенію — ОВ. 92 церкви — О. 93 себѣ — В. 94-95 нет — В. 96-97 нет — ОВ.

духовнаго, по повелѣнному от святителя⁹⁸ устрой вся,⁹⁹ яко же повелѣно бысть ему. И абие соборне пѣвше над нимъ над гробомъ пѣние надгробное, а ему же тогда (л. 312 об.) бывшу во гробѣ предъ ними.¹⁰⁰ Внезапу успе во гробѣ и почи, и не обрѣтешя¹⁰¹ гробъ его¹⁰² и лежащаго в немъ, и в томъ мѣсте бысть пропасть безъ дна. Святитель прииде тогда на освящение церкви по молению прошения Щилова и видѣ оно страшное и ужасное видѣние, от страха ужасся,¹⁰³ восторзѣ¹⁰⁴ бысть и¹⁰⁵ у разумѣ преста¹⁰⁶ от начинания своего, и повелѣ иконописцемъ вапы написати на стѣнѣ видѣние повѣдан¹⁰⁷ образа Щилова во адове днѣ всего над гробомъ его, и священну¹⁰⁸ церковь повелѣ запечатати, дондеже¹⁰⁹ богъ¹¹⁰ изволитъ,¹¹¹ смотрениемъ своего человеколюбия, и отиде въ домъ свой¹¹² святыя Софія премудрости божии. Сынъ же рекомый Щиловъ тогда въ велице недоумѣнии бысть, скорбя и сѣтуя отча лишения. Внезапу прииде ко святителю ища спасения и помощи¹¹³ лишения¹¹⁴ душъ¹¹⁵ отца своего, и прииде¹¹⁶ паде¹¹⁷ къ ногамъ святителя, кланяся ему и глаголя: «Святителю великий, даждь ми помощь от печали и помози лишению отца моего, и что ми, господине, велиши, да сотворю ти». ¹¹⁸ Святитель же с великимъ наказанисмъ повелѣ¹¹⁹ въ постѣ и въ бдѣнии пребывати и заповѣда ему, глаголя: «Отселѣ¹²⁰ по на вся¹²¹ 40 дней у четыредесяти церквей дай же священникомъ съ причетники урочная довольно, яже суть сорокоустие, да в тѣ дни на всякъ день по четыредесяти попахид и литургий¹²² на день¹²³ неизмѣнно, и въ тѣ четыредесять дней во граде и по монастыремъ и на рас(л. 313 об)путияхъ не мини ни алчна, ни жадна, ни хладна,¹²⁴ сяко по силѣ твоей дай милостыню и препитай елико возможно. Та бо милостыня от смерти избавляетъ и по смерти помощь содѣваетъ и на небо возводитъ, и дондеже тако¹²⁵ четыредесять дней совершивъ, и приди къ нашему смирению и возвѣсти о семъ. Сынъ же Щиловъ слышавъ от святителя таковая, радости многи исполнися, и пад,¹²⁶ поклонися ему до земля съ плачемъ глаголя: «сй, честный отче, добре¹²⁷ совершу и¹²⁸ совѣща¹²⁹ совѣтъ¹³⁰ от бога еже¹³¹ дарова¹³² ми. Елико, господине, сила моя можетъ¹³³ с радостію заповѣди твоя сотворити потщуся.» И шедъ от святителя въ домъ свой и вся повелѣнная святителемъ четыредесять дней свс(л. 314)ршивъ непременно, со всякимъ усердиемъ и бодростію прииде ко святителю,¹³⁴ яже повелѣние его сотворити.¹³⁵ И святитель тогда от крылоса своего архидиакона, тайно наказавъ, посылаетъ къ запечатанной церкви. Распечатавъ, повелѣваетъ

98-99 устроися — В. 100 доб.: положение — ОВ. 101 доб.: предъ ними — В.
 102 доб.: предъ ними — О. 103 и ужаса — В. 104 во страхѣ — О. 105-106 разумѣ
 и про то — О. 107 подобия — В. 108 несвященну — ОВ. 109-111 излить
 господь — В. 110 доб.: господь — О. 112 нет — ОВ. 113-115 лишен по душе — О.
 114 лишеной — В. 116 нет — ОВ. 117 прииде — ОВ. 118 нет — ОВ. 119 доб.:
 ему — ОВ. 120-121 повелѣваю ти на всякъ день на — ОВ. 122-123 пѣти — О;
 повелѣ пѣти — В. 124 гладна — О; нага — В. 125 паки — В. 126 паки — О.
 127-128 нет — ОВ. 129 доб.: сй — ОВ. 130-131 богъ — О; нет — В. 132 благо-
 дарова — В. 133 нет — В. 134-135 повѣда ему яко повелѣнная его сотворивъ — В.
 135 сотвори — О.

ему над гробомъ, идѣже пропасть и стѣнное писание разумно зря¹³⁶ и умомъ внимая, и паки тое церковь повелѣ ему запечатати. Да согладавъ извѣстно, повелѣ ему возвѣстити себѣ¹³⁷, иже¹³⁸ видѣвъ на стѣнномъ писании. Архидиаконъ по повелѣнью святителя согладавъ о немъ над гробомъ стѣнное¹³⁹ писание, и видѣвъ Щила во гробѣ и з гробомъ главу внѣ ада, и возвѣсти о семъ святителю. (л. 314 об.) Святитель же паки сыну Щилову повелѣ по прежереченному¹⁴⁰ другую четыредесять дней сотворити такоже, якоже напереди изъявлено¹⁴¹ сыну Щилову сотворити от святителя повелѣнное.¹⁴² Сынъ же Щиловъ¹⁴³ другая четыредесять дней¹⁴⁴ тако же сотвори по прежереченному,¹⁴⁵ и возвѣсти святителю. Святитель же паки посла архидиакона своего¹⁴⁶ согладати о немъ над гробомъ на настѣнномъ¹⁴⁷ писании. Архидиакон же¹⁴⁸ видѣ¹⁴⁹ на настѣнномъ писании¹⁵⁰ Щила во гробѣ и з гробомъ внѣ ада до пояса, и возвѣсти святителю.¹⁵¹ Святитель же паки повелѣвая сыну Щилову по прежереченному,¹⁵² и третицею¹⁵³ сотворивъ по повелѣнью от святителя¹⁵⁴ 40 дней,¹⁵⁵ и повѣда святителю.¹⁵⁶ Нѣщц(л. 315)и же глаголють, яко трижды заповѣда сыну Щилову на год, а по сту на день литургии пѣти, и тако творяще три годы.¹⁵⁷ Святитель же паки посла архидиакона своего согладати о немъ на¹⁵⁸ гробомъ и стѣннаго писания,¹⁵⁹ и видѣ¹⁶⁰ Щила во гробѣ¹⁶¹ внѣ ада всего и с тѣлесемъ¹⁶² цѣла¹⁶³ на веру земли, якоже положиша его во гробѣ и пѣвшие над нимъ, и сия вся возвести святителю.¹⁶⁴ И слышавъ от архидиакона святитель, и присмъ извѣщение от бога,¹⁶⁵ подвизается къ запечатанной церкви ко освящению церковному, со тшачемъ соборне подемлется сипцеваго чудеси хотяше видѣти, и абие видѣ своима очима, яко же повѣда ему архидиаконъ,¹⁶⁶ и сия своима очима.¹⁶⁷ Надгробное¹⁶⁸ пѣние¹⁶⁹ над Щиломъ святитель соборне пѣвшие, да и церковь (л. 315 об.) освати въ славу Христу богу нашему и пречистыя его матере. И отголъ устройся монастырь, нарицаемый Щиловъ, идѣже и до нынѣ стоитъ.

¹³⁶ допрѣти — В. ¹³⁷⁻¹³⁸ о семъ (всѣмъ — В) иже — ОВ. ¹³⁹ настѣнное — О.
¹⁴⁰ прежнему — В. ¹⁴¹⁻¹⁴² нет — В. ¹⁴³⁻¹⁴⁴ другую — О. ¹⁴³⁻¹⁴⁵ сотвори по
 и велѣнному от святителя и и другие такоже — В. ¹⁴⁶ посл — В. ¹⁴⁷ стѣнном — ОВ.
¹⁴⁸ доб.: согладавъ разумно и — В. ¹⁴⁹⁻¹⁵⁰ нет — ОВ. ¹⁵¹ доб.: иже видѣ — ОВ.
¹⁵² прежнему — В. ¹⁵³ доб.: четыредесять дней сотворити. Сынъ же Щиловъ и третицею
 паки — О; доб.: паки — В. ¹⁵⁴⁻¹⁵⁵ такоже сотворилъ — ОВ ¹⁵⁶⁻¹⁵⁷ нет — ОВ.
¹⁵⁸ над — ОВ. ¹⁵⁹ доб.: Архидиакон — ОВ. ¹⁶⁰ доб.: на стѣнном писании — ОВ.
¹⁶¹⁻¹⁶² нет — В. ¹⁶³ доб.: всего во гробѣ видѣ — О. ¹⁶⁴ доб.: Пѣщцы ж глаголють,
 яко же трижды сыну Щилову заповѣда на год, а по сту на день литургий, тако три годы
 творяще — ОВ. ¹⁶⁵ доб.: сорокъ сорокоустовъ — О; доб.: скоро восставъ — В.
¹⁶⁶ доб.: и видѣвъ вся — О. ¹⁶⁶⁻¹⁶⁷ нет — В. ¹⁶⁸ над гробомъ — О. ¹⁶⁹ нет — В.

Х

Изд. по рукоп. Акад. Паук, № 34. 8. 22, Сб. к. XVII в., л. 115—л. 119.

Варианты по рукоп. Моск. гос. истор. муз., собр. Щукина, № 692, 4⁰, Сб. нач. XVIII в., л. 248 — л. 252.

Бѣ пѣкий посадникъ именемъ Щилъ въ великомъ Новѣградѣ, имѣя у себя сына единачада. Живуще же ему въ богатствѣ мнозѣ. Мнози же купцы приходяху къ нему и серебро на торговлю займаху. Онъ же взимаше у нихъ на 14 гривенъ и на 4 денги по единой денгѣ точию на годъ, и того собра многое богатство. Восхотѣ же Щилъ на то собраніе воздвигнути церковь и соградити монастырь отъ града вдале (л. 115 об.) яко два поприща на дугу близъ реки Волхова, и пришедъ со тщаниемъ ко архиепископу Иоанну новгородскому прося благословеніе о созданіи церкви во имя пресвятыя богородицы честнаго ея Покрова. Архиепископъ же дасть ему благословеніе. Онъ же пришедъ въ домъ свой и посла сына своего съ рабы наяти мнози дѣлатели поспѣшенія ради, и сотвори тако, дающе же дѣлателямъ серебро нескудно и потребная. Дѣлатели же начаша запасы готовить: каменные и цинфы, и брѣнне, и вся потребности на созданіе монастыря. И егда ужъ вся уготоваша и мѣсто утвердиша, идѣже быти зданію, тогда Щилъ шедъ умоли архиепископа³ положити начало основанія церкви соборне.³ Самъ же⁴, шедъ на мѣсто оно, учреди трапезу велию. Архиепископъ же прииде со освященнымъ (л. 116) соборомъ и съ нимъ народи мнози, и абие основаніе положи.⁵ Щилъ же моля его⁶ дабы брашна вкусилъ на его трапезѣ со освященнымъ соборомъ и со множествомъ народа, и одаривъ его дарми великими, отпусти его съ миромъ во градъ. Дѣлателя же нудяше на церковное зданіе поспѣха ради. Архиепископъ приѣхавъ къ себѣ,⁷ и приимъ книгу правила святыхъ апостолъ,⁸ нача чести, размышляюще же негодуя къ себѣ: «Давъ благословеніе Щилу на воздвиженіе церкви и основаніе положи, вѣдыйъ Щила имѣюща богатство отъ лихвы заемникъ, и о томъ не испыта его извѣстно, отъ кихъ сокровищъ хочетъ божие дѣло сотворити». И о томъ архиепископу въ велицей печали бывшу. По нѣкоемъ же времени совершена бысть церковь. Щилъ же иде ко архиепископу моля (л. 116 об.) его приидти⁹ на освященіе церкви. Архиепископъ же поемъ его особъ, начатъ вопрошати отъ коего собраннаго богатства созда церковь. Щилъ же отвѣща: «Прости мя, честный отче,¹⁰ мнози ко мнѣ, рече, приходяху и займаху серебро. Азъ же даяхъ комуждо и взимахъ на 14 гривенъ и на 4 денги по единой денгѣ точию на годъ, и того собра многое богатство. Умыслихъ на то¹¹ церковь божию и монастырь¹² устроить». Архиепископъ же скорби исполнися, глагола ему: «Уподобися, чадо,¹⁴ Исавови; лестию взятьъ благословенія. И нынѣ иди¹⁵ и повели устроить у зданія своего¹⁶ въ стѣнѣ гробъ и возми срачицу и савапъ, и вся яже суть на погребенія мертвымъ, и исповѣждь своя тайная отцу духовному,¹⁷ и въ погребалныхъ¹⁸ возлязи во гробѣ ономъ, и повели¹⁹ надгробное отгѣти

¹ Начало повести в сп. Шукина № 692. Предшествующий текст рукоп. № 692 утрачен.

² архиерея.

³ соборныя.

⁴ доб.: Щилъ.

⁵ доб.: архиепископъ церкви.

⁶ архиерея.

⁷ доб.: въ келию.

⁸ отецъ.

⁹ да приидетъ.

¹⁰ владыко.

¹¹ гѣ деньги.

¹² обитель.

¹³ построи.

¹⁴ потъ.

¹⁵ доб.: въ домъ свой.

¹⁶ доб.: церкви.

¹⁷ доб.: и причастися святыхъ тайнъ.

¹⁸ погребалная ризы.

¹⁹ доб.: надъ гробомъ.

и богъ, свѣдый (л. 117) тайная сердець, елико хощет, сотворит, а мы, чадо, по божию смотрѣнию и святых отецъ преданию ко освященію церквы готови будем. Щил же, плачась, не восхотѣ преслушати святителя — вскорѣ вся повелѣнная сотвори. И абие по исповѣди, егда отпѣвша²⁰ надгробное, ему же тогда положени²¹ бывшу во гробѣ, внезапно Щил умре, и не обрѣтесе ту гроб его и лежащаго в нем, но бысть в том мѣсте проласть безъ дна.²² Святитель²³ же прииде тогда на освященіе перквы и виде, страшное оно видѣние, ужасеся²⁴ и повелѣ иконописцамъ написати валы на стѣнѣ видѣнія повѣдая образа Щилова во²⁵ адове днѣ²⁶ над гробом его, и неосвященную церков повелѣ запечатати, и отиде.²⁷ Сынъ же Щилов, скорбя, прииде ко святителю²⁸ ища помощи и спасения (л. 117 об.) липенной²⁹ души³⁰ отца своего.³¹ Святитель же повелѣ³² ему³³ в постѣ и в молитвѣ и во бдѣнии пребывати, и заповѣда ему,³⁴ глаголя, на всякъ день у 40³⁵ церквей и до 40 дней дабы³⁶ понахиды и литургии³⁷ пѣли священницы неизмѣнно, и повелѣ ему³⁸ священником с причетники давати сорокоусты,³⁹ давати и⁴⁰ довольно милостыня⁴¹ во градѣ и на распутиях, и по монастырѣм, и кормити нищих во всю четьредесятницу.⁴² Сынъ же Щиловъ сотвори тако⁴³ со всяким усердіемъ, и егда совершися четьредесят дней, прииде ко святителю,⁴⁴ повѣжд ему, яже сотвори. Тогда⁴⁵ святитель призва своего архидиякона и посылает его к запечатлѣшой оной церквы и повелѣ ему, распечатав, осмотрити над гробом, идѣже проласть и стѣнное писание⁴⁶ и соглядав извѣстно, (л. 118) паки повелѣ ему церков запечатати.⁴⁷ Архидиякон⁴⁸ же шед тамо и⁴⁹ соглядав⁵⁰ стѣнное писание, и виде Щила во гробѣ — и з гробом главу⁵¹ виѣ ада, и паки церков запечатлѣ, и возвести сия святителю. Святитель же⁵² сыну Щилову⁵³ паки повелѣ другую четьредесят дней творити такожде, яко и прежде. Сынъ же Щиловъ второе такожде сотвори по повелѣнію святителя, и егда прииде другая четьредесятница, и прииде⁵⁴ возвести святителю. Святитель же паки посла архидиякона соглядати во церквы над гробом яже о нем стѣнное писание, и шед архидиякон, и виде на стѣнном писании Щила во гробѣ и з гробом виѣ ада до пояса, и запечатлѣ церков, и прииде возвѣсти видѣнія святителю. Святитель же призва сына Щилова⁵⁵ и третницею повелевает (л. 118 об.) ему⁵⁶ сорокоусты давати, и нищих насыщати, и милостыня давати до четьредесят дней.⁵⁷ Он же повелѣнная от святителя сотворив, и прииде по совершении третий четьредесятницы повѣдая святителю. Святитель же паки посла⁵⁸ архи-

20 доб.: над ним. 21 нет. 22 доб.: и о семь сказала святителю. 23 Он
 24 доб.: зѣло. 25-26 адъ в безднѣ. 27 доб.: в келию свою. 27-28 Жена ж его
 Щилова и с сыном своим велии скорбяху и плакаху по нем зѣло и 29 нет. 30-31 его.
 32 доб.: призвати жену его и сына и повелѣ им. 33 нет. 34 им. 35 четьреста
 сорока. 36-37 были литургии святых и понахиды. 38 им 39-40 нет. 41 доб.:
 давати. 42-43 Жена же Щилова и сынъ ея общалися тако сотворити. 44 доб.:
 сынь Щиловъ и 45 нет. 46-47 нет. 48-49 нет. 50 доб.: извѣстно идѣже
 проласть и. 51 нет. 52 доб.: возвѣсти. 53 доб.: и. 54 доб.: сынь Щиловъ и.
 55 доб.: и сказа ему. 56-57 такожде сотвориши, какъ первую и вторую четьредесятницу,
 исправити. 58 доб.: одного же.

диякона своего⁵⁹ соглядати о нем над гробом и стѣнного писанія, и шед архидиакон, видѣ на стѣнном писаніи Щила во гробѣ всего виѣ ада и тѣлеси⁶⁰ всѣ во гробѣ дсла⁶¹ на верху земли, яко же и положиша его во гроб, и сия вся возвестиша святителю. И услышав от архидиакона святител, и прием извѣщениа от бога, яко помилова⁶² его богъ⁶³ поминовенія ради⁶⁴ и милостыня, творимые о нем. Подвизается самъ⁶⁵ к запечатлѣнной церкви,⁶⁶ со тшанием соборне⁶⁷ на освящение,⁶⁸ и сицеваго чюдеси хотяще видѣти (л. 119), и яко же повѣда ему архидиакон,⁶⁹ сия видеъ самъ своима очима, и над гробом пѣния⁷⁰ над Щилом святител соборне пѣвъ.⁷¹ и церковь освятив во славу Христу богу напиему и пречистѣй сго⁷² матери, и оттолѣ устроиша монастырь наричем Щиловъ.⁷³

59 нет. 60 мощи. 61 Щила. 62 доб.: душу. 63-64 нет. 65 доб.: архиерей. 66 доб.: соборнѣй. 67 нет. 68 доб.: церкви. 69 доб.: и пришед архиерей и 70 видѣние и 71 доб.: надгробная над нимъ 72 доб.: божии 73 доб.: даже и до сего дни

XI

Изд. по рукоп. Акад. Наук, № 1. 2. 24, Сб. к. XVII — нач. XVIII в., л. 292 — л. 293 об.

Варианты по рукоп. Черниговской дух. сем., № 83, XVIII в. л. 138 (по изд. В. П. Перетца. Киевск. уиверсит. изв. 1907 г., № 8, 47—48).

Бысть в Новѣградѣ богатъ нѣкто, именем Щилъ, и дающе деньги простѣ¹ людям, и скопи от того казну велию. И на тѣ денги созда церковь в Новѣградѣ велию и украси ю. И бысть повнегда разболѣтися к смерти. И пришедшу к послѣднему дыханию такакоже² покаеся росту³ ради своего пресквернаго, и злѣ умре. И принесона его во церковь, новосозданную им, и нача на над ним (л. 292 об.) пѣти погребалная вся. О, страшное божие прещение и казнь на грѣшники! Внезапу возгорѣся⁴ гнѣвъ божий на сего немилостиваго ростоимца. Внезапу бысть гром велик злѣо, яко устрашитися всѣмъ людям, служащим во церкви над умершим, и абие разсядеса помость церковный даже до самаго адъскаго жилища, и опровержеса гроб во адекую пронасть и вниде во адова уста,⁵ и поглощен бысть в⁶ с тѣлом сего немилостиваго ростоимца. Видѣвши же чюдо сие народи и устрашишася велми и разыдошася каждо⁷ в дома своя, страхом одержими. И остася сынъ после богатаго сего; и начат скорбѣти о погибели⁸ отца своего. И притече ко архиепископу града того и моли⁹ со слезами, како бы помощи отцу своему от горкия¹⁰ сея¹¹ казни. И повелѣ¹² ему 40 дней поститися и молитися о отцѣ своем и на 40 церквей сорокоустия раздати (л. 293) и нищихъ¹³ убогихъ поити и кормити; и егда скончася 40 днѣй,

1 въ ростъ. 2 никакоже. 3 стула. 4 разгорѣсл. 5-6 нет. 7 нег. 8 гибели. 9 доб.: сго. 10 доб.: смерти. 11 тоя. 12 доб.: архиепископъ. 13 доб.: и.

так показ¹⁴ господь богъ в видѣнии¹⁵ гробъ отца его¹⁶ изо ада в третъ изыде, якоже¹⁷ и оному старцу о ученицѣ своем. И паки заповѣда ему вторую¹⁸ 40-цу¹⁹ такожде поститися²⁰ и молитися о отцѣ своем п сорокоустия раздати. И егда пройде вторая 40-ца такожде вчюстѣ и молитвѣ и колѣнопокланянии, и показа господь богъ по груди исходяща изо ада гроб отца его. И паки третью заповѣда ему архиепископъ 40 дней, и вящия труды показати ради избавления от муки отца своего. Он же не преслушася, но паче труды к трудомъ прилагая, и на 40 церквей такожде сорокоустия разда,²¹ и по монастырем, и нищихъ,²² убогих пояще и кормяще довольно. И егда пройде 40 дней (л. 293 об.) и абие изыде гробъ²³ с тѣломъ в ту²⁴ же церковь,²⁵ и помостъ церковный паки сступися в мѣсто, и тако погребоша его. И поможе сынъ отцу своему помяновениемъ своим. Люто бо есть, братие, ростоимцем! Видите, како пострада сей ростоимецъ. Аще бы не помяновениемъ симъ и соборною молитвою и нищихъ²⁶ убогихъ²⁷ милостынею, яже сынтъ сотвори ради отца своего, то вѣчно бы²⁸ быти во огни негасимомъ и в червехъ неусыпающихъ мучитися бесконечно. Слышите, ростоимцы, и престаните сие творя!²⁹

¹⁴ доб.: ему. ¹⁵⁻¹⁶ отца его гробъ. ¹⁷ нет. ¹⁸ архиепископъ. ¹⁹⁻²⁰ поститися такожде. ²¹ созда ²² доб.: и ²³ доб.: и ²⁴ той ²⁵ церкви
²⁶ доб.: и ²⁷ доб.: молитвою. ²⁸ доб.: ему ²⁹ творити; доб.: Богу нашему слава.

ХІІ

Изд. по рукоп. Моск. гос. истор. муз., № 191, лицевому Синодику XVIII в., 4^о, л. 99 об. — 115 об.

(л. 99 об.¹) В великом Новѣ гр(аде бс) посадникъ, рекомы. . . ше одинаго сына (у себе). . . ного сребра. И при(хожда). . . му многие куп(ечески). . . зимаху у него (стробо), и даяху ему. . . по денге в год. (И то). . . много имѣния. (И по). . . то имѣние (вздвигнет) церковь. (л. 104) И пойде ко святителю ради благословення ж. Благослови его. (л. 105 об.) И воздвиже церковь и украсив ю. И умре, и выссоша его в церковь. И тако божиимъ изволениемъ прорвася сквоз полъ церковный в землю, и невидимъ бысть. (л. 106 об.). Сынъ же того Щила прииде ко святителю моля его и поведа о оце своем. Святитель ж повелѣ поминати его, шѣтъ четьредесятиницу. И егда совершися четьредесятиница, посла архидиакона в церковь ту. (л. 107 об.) Прииде архидиаконъ в церковь и видѣ Щила во гробѣ главою из пропасти изшедшу, шед возвести святителю. (л. 108 об.) Святитель ж повелѣ вторицею раздати сорокоустие. И тако начана священицы поминати его. (л. 109 об.). И тако святитель по совершенни втория четьредесятицы посла архидиакона в церковь. И видѣ Щила внѣ пропасти до пояса

¹ Текст л. 99 об. по краям обрезан и подклеен. Но подклеенному другим почерком сделаны дописки. В издании они поставлены в скобки.

изшедше. (л. 110 об.) И шед сынъ Щилов ко святителю, приадаа к ногама, моля его. Святитель ж повелѣ третицею раздати сорокоустис. (л. 111 об.) И расладе сорокоустие по всему граду священником. Они же пачаша по нем творити приношение, моля о душе его. (л. 112 об.). И по совершении третия четьредесятницы святитель посла архидиакона в церковь. И видѣ Щила изшедша из пропасти, всего цела лежаща во гробѣ. И на степѣ объявися написанъ. (л. 113 об.) Архидиаконъ прииде ко святителю и Щиловым сыномъ и повѣдаша все о Щилѣ. Епископъ же благодари бога о всем. (л. 114 об.) Святитель ж прииде сам со всѣмъ собором и пѣвъ над гробомъ Щиловым. И тако погребе его по уставу церковному. (л. 115 об.) На утрии ж святитель освяти церковь ту во славу Христа бога. И построй монастырь и собра (б)ратию, и прозвася монастырь той Щилов и до сего дни.

XIII

Изд. по рукоп. О-ва древн. письмен. Q. DXC, лицевому сборнику нач. XIX в., л. 12 об. — л. 17 об., 9 об., л. 73.

(л. 12 об.). В великомъ Новѣ градѣ бѣ нѣкто посадникъ, рекомый Щель. Имяше единаго сына. И имѣ много сребра у себѣ. И прихождаху к нему многие купецкис люди и взимаху у него сребро въ лухву, и даяху ему на десять гривенъ по единой дегѣ въ годъ. И того собра много сребра, и помысли на то собрание воздвигнути церковь. (л. 13 об.) И тако прииде ко архиепископу прося благословения о церковномъ зданни. Архиепископъ благослови его. (л. 14) И нача созидати церковь, и украси ю, яко невѣсту, всякимъ украшениемъ, и звонъ велий постави. (л. 14 об.) И тако нача церковь созидати, и созда. И прииде в домъ разболѣвся, и умре. И остася послѣ его сынъ разумный. (л. 15) И внесона его въ церковь в новосозданную и ту поставиша. И тако божиимъ изволениемъ прорвася полъ церковный сквозъ земли, и невидим бысть мертвый онѣй, и ста ту пропасть велия. (л. 15 об.). Архиепископъ же посла архидиакона да запечатлѣетъ церковь, чтобъ никому входу не было до освящения¹ (л. 16) И тако святитель по совершении четьредесятницы посла архидиакона въ церковь. И видѣ Щила ис пропасти до пояса изшедша. И повелѣ святитель Щилову сыну еще давати милостыню нищим, и священникомъ пѣти четьредесятницу. (л. 16 об.) И нача Щиловъ сынъ нищимъ милостыню давати, и повелѣ священникомъ до совершають четьредесятницу, и даде сорокустие по всему граду по приказу архиепископа. (л. 17) И по нѣкоемъ времени прииде Щиловъ сынъ ко святителю, падъ на ногу со слезами, глаголя: «Владыко святыи, что ми повелѣваеши». Святитель же повелѣ ему еще третицею дати сорокустие священникомъ, и молити бога за него. (л. 17 об.) И егда отпѣна третию четьре-

¹ Очевидно. пропуск в тексте: утрачен лист или два.

десятилицу, посла святитель архидиякона въ церковь ту, и видѣ архидияконѣ Щила изшедша ис пропасти, всего цѣла лежаща во гробѣ по прежнему, и возвѣсти святителю. Святитель же со слезами благодарение богу возда. (л. 9 об.) Святитель же приде самъ со всѣмъ своимъ соборомъ, и пѣвъ над гробомъ Щиловымъ погребалная по уставу церковному, и тако погребе его честно. (л. 73). На утрии же святитель освяти церковь во славу Христа бога. И построй монастырь ту и с(о)бра братию, и прозвася монастырь той Щиловъ и до сего дни. И повелѣ святитель сие писанию предати, да прочитают на пользу слышавшимъ.

С. А. ЩЕГЛОВА .

**Неизвестная драма Петровской эпохи
о царице и львице**

I

В рукописи Московского исторического музея, собрание Барсова, № 2518, относящейся к 50-м годам XVIII столетия, находится неизвестная до сих пор в печати драма Петровской эпохи. Эта драма светского содержания, романического характера; она носит заглавие: «Актъ о преславной палистинских странъ царице, всюду славно прекрасно сияющей Дияне, како от злобных ехидны, свекрови своей, за истинную правду во изгнани разлучени, многая і ужасная восприя бѣдствія и како всещедроу всемогущаго бога десницею, яко неповинно страждущая, паки от печали свободися».¹ Всякая неизвестная до сих пор пьеса старинного русского театра представляет интерес, увеличивая сравнительно небольшой запас этих произведений и давая, таким образом, материал для составления истории русского театра и его репертуара. Еще более интересной является новая пьеса романического характера, так как таких пьес дошло до нас менее десятка, а они особенно ценны, как первые попытки русских авторов сочинять драмы на светские темы, дававшие большую свободу для проявления воззрений автора и, следовательно, дающих нам возможность определить, к какому классу общества принадлежал автор драмы, в какой среде развивался светский театальный репертуар петровской эпохи. Эта драма написана скорописью на 37 листах, в 4-ку. К сожалению, в середине рукописи утеряно несколько листов между 31 и 32 листами.

Драма состоит из антипролога, пролога, 17 явлений и эпилога, причем на утерянных листах были помещены конец 12 явления, затем пол-

¹ За предоставление в мое распоряжение копии текста этой драмы приношу глубокую благодарность В. П. Перетцу.

ностью 13 и 14 и начало 15. С внутренней стороны она представляет собою переделку повести того же содержания. Для того, чтобы установить взаимоотношение повести и драмы, обратимся к рассмотрению первой, послужившей источником для автора драмы. Повесть сохранилась в двух редакциях, которые носят различные заглавия. Одна из них — более пространная — сохраняет имена действующих лиц, как в заглавии, так и в самой повести; заглавие ее таково: «Гисторiа о римском кесари Оттоне і о цесареве Алунде и о детехъ ихъ Леоне и Фларенсе выписана из римскихъ летописцевъ»¹ или более пространное: «Повесть изрядная, полезная же и утѣшная о Оттонѣ, цесаре римстемъ і о супруге его цесареве Олунде, юже со двема чады своими в презустую и далечайшую пустыню изгна клеветы ради и паглаголанія матери своея и како дивнымъ промысломъ и чуднымъ строеніемъ божіимъ по многихъ лѣтехъ в познаніе и соединеніе пріидоша».² Встречаются и другие видоизменения этого заглавия.³ Рассматриваемая редакция переведена с польского в 1677 г., о чем свидетельствуют следующие слова в конце заглавия повести в рукописи Погодина № 1771: «Преведеса сія чудная повесть с полскаго языка на русскій лѣта зрѣе (7185) году августа, а от рождества Спасителя ахѡз (1677)». Другая редакция — более краткая — чаще всего носит такое заглавие: «Повѣсть зѣло полезна, выписана от древнихъ лѣтописцев из римскихъ кроников, коя царица моляся Пресвятѣй Богородицѣ милость получи»;⁴ встречается и такое заглавие: «Повесть зѣло полезна выписана от древнихъ лѣтописцевъ о нѣкоемъ царѣ»;⁵ или «Повѣсть зѣло душеполезна и умиленію достойна о царницѣ, и о дву сынохъ ея, и о львицѣ»;⁶ или «Повѣсть зѣло душеполезна, выписана отъ древнихъ лѣтописцевъ».⁷ Кроме этих заглавий, имеется и еще одно, которое относится к некоторой разновидности краткой повести; заглавие таково: «Повѣсть о римскомъ цесарѣ Антоніи

¹ Рук. Погод. № 1770.

² Рук. Погод. № 1771.

³ См. И. Шляпкин. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени, СПб., 1898, XXXV; А. Пыпин. Очерк литературной истории старинныхъ повстей и сказокъ русскихъ, СПб., 1857, 238—239.

⁴ Рук. Гос. публ. библ. Q. I, № 374 (Толст. 5, 31), Царск. № 446, п. XVIII в., л. 164; то же, но безъ последнихъ 2 словъ, в рук. Погод. № 1773, Погод. № 1595, к. XVII — н. XVIII в.

⁵ Погод. № 1956.

⁶ Царск. № 410, XVII в., л. 412.

⁷ Царск. № 424, XVII в., л. 130; № 440, XVIII в., л. 336; № 442, XVII в., л. 184; № 436, XVII—XVIII в., л. 117, с добавленіемъ слова «римскихъ».

выписано из древних римских летоисповъ 7204 году (=1696 г.) августа в 11 день».¹

Кроме различия в заглавии, краткая редакция отличается от пространной отсутствием имен действующих лиц; между тем как в пространной царь носит имя Оттона, цесаря римского, детей зовут Флоренсом и Леоном, события развиваются «во время господствованія во Франціи краля Дагоберта», в краткой—царь называется царем палестинских стран. Что касается содержания, то вначале оно одипаково: 1) рождение двух сыновей у царя, не имевшего раньше детей; 2) ненависть матери царя к невестке и желаніе ее погубить; 3) отправленіе царя в церковь благодарить бога за рождение сыновей; 4) уговоры матерью царя некоего юнону лечь на постель со спищей царицей; 5) сообщеніе матери царю о неверности жены; 6) убійство царем юноши и отправленіе царицы с детьми в темницу; 7) совет царя с приближенными о том, что делать с царицей; 8) суд над царицей; 9) изгнаніе царицы из царства в пустыню.

До сих пор обе новости сходны и различаются лишь в некоторых деталях, в дальнейшем же они совершенно различны. В пространной имеем следующие эпизоды: 10) похищеніе одного из царевичей (названнаго Флоренсом) мартышкой; отнятіе его у мартышки воином, у воина разбойником; продажа царевича купцу Климонту; 11) похищеніе другого царевича, Леона, львицей; нападеніе на львицу грифа; перенесеніе грифом львицы и Леона на остров; умерщвленіе львицей грифа и воспитаніе ею Леона; 12) поиски царицей похищенных детей и прибытіе ее на корабле к острову; 13) отплытіе царицы с сыном и вбжавшей на корабль львицей с острова; 14) сумасшествіе матери царя; 15) жизнь Флоренса у усыновившего его купца; 16) нападеніе турецкаго салтана и других магометан на французскаго короля Дагоберта; 17) участіе в борьбѣ дочери салтана Маркебиллы; 18) плененіе Маркебиллы Флоренсом, его любовь к ней и освобожденіе его из плена; 19) Флоренс в качестве посла в лагере салтана; оскорбленіе Флоренса и убійство им пытавшихся задержать его противников; 20) неудачное нападеніе турок на Париж; 21) новая битва и плененіе Оттона и Флоренса; 22) нападеніе на магометан Леона с войском и львицей; 23) освобожденіе Леоном Оттона и Флоренса; 24) плененіе салтана и Маркебиллы, крещеніе их; 25) брак Флоренса с Маркебиллой; 26) примиреніе Оттона с женой.

¹ Рук. Ак. П., 21. 11. 4, XVIII в.; Погод. № 1617.

Таковы важнейшие моменты в рассматриваемой повести, которые рассказываются очень пространно. В краткой редакции читаем иное: 10) похищение одного из царевичей львицей; неудачное нападение на нее птицы; забота львицы о ребенке; 11) поиски царицей похищенного сына и нахождение его; 12) жизнь около сына и львицы; 13) уход царицы с другим сыном; 14) встреча ее около города с неким мужем; 15) жизнь царицы и ее сына в доме этого мужа; 16) нападение врагов на владения царя; 17) просьба царевича к матери отпустить его на войну; согласие матери после долгих уговоров; 18) прибытие корабельщиков к острову, где жили царевич со львицей; 19) бросание пищи, одежды и пояса львице и юноше; 20) отплытие корабельщиков с юношей и вскочившей на корабль львицей; 21) прибытие их с дарами в город к царю; 22) исполнение просьбы царя подарить ему юношу и львицу; 23) жизнь их у царя; 24) желание юноши идти против врагов и поощрение отца; 25) борьба юноши и львицы с врагами; 26) нападение на врагов брата юноши; 27) победа юношей и возвращение к царю; 28) жизнь их у отца; 29) пир, рассказы юношей о прошлом и признание их царем своими сыновьями; 30) отправление одного из сыновей к царице; 31) самоубийство матери царя; 32) прибытие юноши к матери и отъезд их; 33) встреча их царем около церкви; 34) примирение царя с царицей; 35) дальнейшая счастливая жизнь. Все приведенные многочисленные пункты краткой редакции рассказаны в повести очень немногословно, так что она по объему гораздо короче первой. Во второй части этих повестей, при всем их различии, все же можно отметить несколько сходных моментов, а именно в обеих повестях один из царских сыновей похищается львицей, на которую нападает птица; в результате борьбы между ними победительницей остается львица, выкармливающая младенца (11 пункт первой редакции и 10 пункт второй). Далее, в обеих повестях мать ищет похищенных детей и находит сына со львицей (12 и 11), но дальше в пространной — царица уезжает с сыном и львицей (13), в краткой — она оставляет их (12, 13); сцена на корабле со вскочившей на него львицей пространной редакции (13) имеет параллель в краткой повести в другом месте, когда отплывают корабельщики с юношей к царю (20). Затем, в обеих повестях мать царя сходит со сцены (14 и 30), юноши принимают участие в борьбе с врагами и побеждают их (18—24 и 24—26), царь примиряется с царицей (26 и 32).

Приведенные пункты сходства между обеими редакциями повести сходны лишь по мысли, но рассказываются различно, причем в пространной особенно подробно повествуется о военных событиях, в краткой составитель больше внимания отдает рассказу о мирной жизни. Если мы обратимся к разновидности краткой повести, то увидим, что там главные действующие лица носят определенные имена, а именно царь называется Антоном, его жена — Сусанной, мать — Феодулией, сыновья — Карлусом и Диоскозом. Что касается самой повести, то она имеет некоторые мелкие отличия от первой разновидности; так, мать-царица замыкает комнату, где лежит на одре ее невестка с юношей; царь отправляется в церковь Петра и Павла; Сусанна проснулась после убийства юноши и не могла сказать ни слова (в первой разновидности она доказывала свою невинность до убийства юноши); на совете царя с ближними последние не имели своего мнения (в первой — давали советы царю); собирал царь ближних три, а не два раза; на собраниях присутствовала и царица, которая ничего не говорила, а только плакала (в первой — царица была приглашена лишь на суд). При встрече с персидским мужем в пустыне она назвала себя женою французского купца, а не просто купца. В общем же содержание этой разновидности повести то же, что и краткой редакции, но стилистически они совпадают далеко не всюду; хотя в них говорится и одно и то же, но иными словами, или в иной форме, ином порядке.

Обратимся теперь к драме и сравним ее содержание с содержанием обеих редакций повести. Ее заглавие, приведенное выше, кратко передает основную мысль драмы, что, между прочим, встречается в пространной повести (напр., рук. Погодина № 1771), но близкого сходства между заглавием драмы и повести нет. В заглавие драмы вносится одна подробность, взятая из первой строки краткой повести, а именно, здесь указывается, что царица была из «палестинских стран»; в громадном количестве списков краткой повести, мы тоже читаем: «бысть в палестинских странах» царь и т. д., между тем как в пространной дело происходит в Риме. В заглавии драмы упоминается и имя царицы — Диана, а в самой драме — царя: Географ, император — не встречающиеся ни в одной из повестей; дети в драме, как и в краткой повести, не названы по имени.

Перейдем к содержанию драмы. В антипрологе беседуют Злочестие и Злоба, грозящие погубить христианский род, с Благочестием и Смирением, которые высказывают надежду, что бог защитит верных.

Пролог, написанный прозой, дает краткое содержание действия и добавляет обычную просьбу о списхождении зрителей.

1 явление развивает первый пункт повести: рождение детей с добавлением совещания царя с сенаторами о том, как следует благодарить бога за дарование ему детей.

Во 2 явлении изображается беседа между матерью царя и юношей (4 пункт).

3 явление — разговор между царем и матерью в церкви (5 пункт).

В 4 явлении царь убивает юношу и совещается с сенаторами (6 и 7 пункты).

В 5 явлении изображен суд над царицей (8 пункт).

6 явление — царица в пустыни (10—13 пункты краткой повести).

В 7 явлении — молитва и жалоба царицы, встреча в лесу с жепщиной, а затем с старым «мужем» (вторая часть этого явления соответствует 14 пункту краткой повести).

В 8 явлении корабельщики паходят юношу со львицей и отводят их на корабль (18—20 пункты краткой повести).

9 явление — беседа царя с сенаторами о приезде корабельщиков с юношей и львицей (развитие 21 пункта краткой повести).

10 явление — просьба царя подарить ему юношу и львицу, и жизнь их у царя (26 и 27 пункты краткой повести).

11 явление изображает сцену между царицей и сыном, просящим отпустить его на войну (16 и 17 пункты краткой повести).

От 12 явления сохранилось лишь начало: совет царя с сенаторами о наступлении врага и речь царя к сыну, идущему на войну. Дальше, вероятно, следовали речь сына, обращенная к богу и, может быть, к царю и его уход, что соответствовало бы 24 пункту краткой повести.

13 и 14 недостающие явления должны были изображать борьбу юношей с врагами, их встречу во время сражения, возвращение к царю, горжественный прием их, молитву в церкви, жизнь юношей после этого и мир, во время которого царь узнал из рассказов юношей, что они его дети, и отправил одного из сыновей и вельмож к царице; самоубийство матери царя (25—31 пункты краткой повести). В 14 явлении, несомненно, был изображен мир, что обычно для драм петровской эпохи и более ранних (29—31 пункты краткой повести). Что же касается 13 явления, то здесь решить вопрос, что в нем изображалось, труднее. Едва ли на сцене была

изображена битва, в которой должна была принять участие львица, — вследствие трудности представить это на сцене, а все, что трудно представить, автор драмы отбрасывает, как увидим ниже, когда будем рассматривать отличие драмы от повести; по той же причине должна была быть оставлена в стороне и жизнь юношей после-победы (автор пропустил и в других местах аналогичные факты). Следовательно, для 13 явления автор мог воспользоваться тремя моментами: возвращением юношей с поля битвы, встречей их в городе и молебствием в церкви. Первый из этих моментов тоже должен отпасть, так как все места повести, изображающие движение, оставляются автором драмы в стороне. Вероятно, судя по построению 16 явления, несколько напоминающего 13-е, оно должно было быть составлено так: царь сидит в палате с сенаторами, один из которых, или посол, сообщает о победе юношей с помощью львицы над врагами и о их возвращении; царь приглашает сенаторов идти навстречу победителям, с которыми и возвращается; далее он благодарит сыновей; они, быть может, отвечают; затем следует совет с вельможами, как ознаменовать победу; они предлагают оказать милость нищим и заключенным и идти в церковь; царь благодарит за совет, приказывает оказать предлагаемые милости и приглашает идти в церковь, куда все и отправляются (25—28 пункты краткой повести).

Построить схему 14 явления довольно просто: на сцене (29—31 пункты краткой повести) царь с вельможами и юношами; царь предлагает вопрос юношам, откуда они родом; они рассказывают о себе, прерываемые, может быть, словами царя и замечаниями вельмож; далее идет признание царем юношей и его речь о себе, радость юношей и повеление царя написать грамоту царице и отправиться к ней сыну, воспитанному ею и, может быть, отправление в церковь для благодарственной молитвы после совета с вельможами. Может быть, в конце этого явления, перед отправлением в церковь, кто-либо из вельмож мог сообщить и о самоубийстве царицы.

В недостающем начале 15 явления должна была быть изображена грустящая царица, приход ее сына, его речь о победе, нахождении отца и брата и вручение грамоты; далее шла речь царицы (вторая половина этой речи сохранилась) и прощание с князем (32 пункт краткой повести).

16 явление — встреча царем и его приближенными жены и сына и благодарность богу за их возвращение (33 пункт краткой повести).

17 явление — примирение царя с царицей и пир (34 пункт краткой повести).

В эпилоге — просьба о прощении за погрешности и приглашение на следующее представление.

Произведенное сравнение содержания драмы с двумя редакциями повести, ясно указывает на то, что автор драмы воспользовался краткой, сохранившейся в большом количестве списков. Из двух разновидностей краткой повести он воспользовался той, которая не сохранила имен действующих лиц, в пользу чего говорит, во-первых, различие имени царя и царицы в повести и в драме, затем отсутствие в драме приурочения действия к Риму, совпадение драмы с первой разновидностью повести в тех подробностях, где повести различаются; наконец, и стилистически драма ближе к той же разновидности повести.

Если мы сравним драму с краткой редакцией повести, то увидим, что отличие драмы от повести заключается, прежде всего, в некоторых пропусках, сделанных автором драмы. Так, им пропущено несколько эпизодов, а именно: 1) введение юноши в палату царицы; 2) молитва царицы в темнице и по дороге на суд, 3) нападение птицы на львицу, 4) отыскание царицей города, 5) жизнь царицы и ее сына у мужа, приютившего их, 6) путешествие на корабле; а также опущены некоторые мелкие подробности, как характеристика царицы, причина ненависти к ней матери царя, ползание младенцев у ног царя, радость матери при заключении царицы в темницу. Причины, побудившие автора драмы пропустить отмеченные факты, думается, различны. Большая часть пропусков может быть объяснена тем, что пропущенные эпизоды было бы трудно изобразить на тогдашней сцене, для них потребовались бы сложные технические приспособления; к таковым относятся: борьба птицы со львицей, отыскание царицей города (потребовалось бы изобразить высокий холм и на некотором расстоянии город), путешествие на корабле; пожалуй, сюда же может быть отнесен и пропуск эпизода — ползание детей у ног царя; для изображения этого эпизода нужны были живые дети, между тем, как по драме могли быть взяты на сцену куклы. Точно также трудно было для автора драмы передать в диалогической форме жизнь матери и сына в продолжении 15 лет, почему он и предпочел совсем пропустить этот эпизод, выведя на сцену уже взрослого юношу. Может быть, конечно, в недостающей части пьесы юноша рассказывает об этой жизни отцу, но и то едва ли, так

как автор обычно не делает подобных дополнений в других местах драмы. Сцену с юношей в палате царицы автор драмы пропускает, вероятно, щадя скромность зригелей. Что же касается пропуска характеристики царицы, причины ненависти к ней матери царя, то он может быть объяснен тем, что эти подробности выясняются из дальнейшего действия, а также, отчасти, и из антипролога и пролога. Радость матери при заключении в темницу царицы пропускается автором драмы, вероятно, потому, что не было подходящего момента, когда можно было об этом сказать: в палате царицы ее свекровь не могла выразить свою радость открыто, что противоречило бы ее характеру, так как она отличалась хитростью, создавать же целую сцену для такого маленького эпизода автор, вероятно, не хотел, да и не имел для этого достаточно материала. Наконец, автор драмы пропускает и плач царицы в темнице и по дороге на суд; это, вероятно, объясняется стремлением автора драмы не особенно удлиннять свое произведение. Эти эпизоды должны были занять две сцены и прервать сцену суда на две части: до и после прихода царицы, в середине же надо было поместить приход посланных в темницу и ведение царицы на суд. Нельзя сказать, чтобы пропущенные места повести носили одинаковый характер; здесь мы видим и лирические моменты и эпические, а также сцены, которые могли бы выйти эффектными. Очевидно, составитель драмы руководствовался при пропуске, главным образом, лишь возможностью и удобством воспроизведения тех или иных мест повести на сцене.

Наряду с пропусками, мы видим в драме и некоторые дополнения к рассказу повести. Главным образом, эти дополнения тесно связаны с теми эпизодами, о которых кратко сообщается в повести, и которые развиваются в драме. Их мы коснемся несколько ниже, когда будем говорить об этом приеме автора. Сейчас же остановимся лишь на тех дополнениях, которые не имеют совершенно соответствий в повести. Такими дополнениями являются прежде всего антипролог, пролог и эпилог, которые добавлены автором по образцу, главным образом, школьной драмы. Других же добавлений очень немного. Самым существенным является введение в драму женщины, с которой встречается в пустыне и разговаривает царица. Введение этой женщины может быть объяснено требованием этикета, так как «некий муж» повести, с которым встречается царица в пустыне, превращен в драме в князя, правителя города; поэтому с царицей говорит сначала его служанка, и только после ее приглашения приходит сам князь. Добавлены

в драме имена царя и царицы, — Географ и Диана, как уже указано выше, и название стран, где живет князь, купцы, враги царя и т. п., названия, обычные в драмах того времени.

Кроме дополнений автор драмы вносит некоторые изменения в материал, почерпнутый из повести. Эти изменения носят разный характер и вызваны разными причинами. Так, в некоторых явлениях меняется место действия по сравнению с повестью, а именно в 7 явлении разговор царицы с князем происходит не около города, а в пустыне, что сделано во избежание технических трудностей для изображения города, а это, в свою очередь, влечет изменение характера молитвы царицы: она не благодарит бога за то, что увидела город, а просит помочь ей. Вследствие тех же технических трудностей, сцена с бросанием одежды и пищи юноше со львицей переносится «за шпалеры», а о действиях львицы лишь рассказывают корабельщики; это изменение вызывает следующее: юноша не сам идет по зову корабельщиков, а его выводит за руку один из них, побежавши за шпалеры. По той же причине сцена со львицей после увода юноши происходит не на корабле, а на суше (8 явл.), почему и львица ведется на цепи, а не прищывает, как в повести. В конце пьесы меняется место свидания царя с царицей, а именно в драме царь встречается жену на дороге в город (за сценой), а в повести — в церкви. Вероятно, это изменение вызвано изменением роли, которую играют приближенные царя: в драме царь ничего не предпринимает без совета сенаторов и князей, между тем, как в повести он большею частью поступает самостоятельно; в драме в церковь идут по совету приближенных все присутствующие после встречи царицы. Этой же ролью сенаторов вызывается разговор царя с приближенными о дарах (9 явл.), которые в повести просто приносятся, о привезенной львице, просить которую у купцов советуют те же приближенные, между тем как в повести это делает царь самостоятельно; это изменение влечет за собою и следующее: купцы приводят, по приглашению царя, вместе с львицей также и юношу, а они не приходят сами, как в повести. В 1 явлении царь идет в церковь не по своему желанию, а по совету сенаторов, с которыми он обсуждает вопрос о том, как надо благодарить бога за рождение детей; в 5 явлении — публичный суд над царицей происходит по совету тех же лиц.

Далее, автор драмы меняет время двух событий — совета царя с сенаторами, после заключения царицы в темницу, и суда над ней. Оба события

происходят немедленно, между тем, как в повести — только через год. Это может быть объяснено только тем, что иначе 4 явление состояло бы только из одной речи царя после убийства юноши, лежавшего с царицей.

Отметим еще одно мелкое отличие: в драме сын царицы просит мать отпустить его сражаться, зная, что царь — его отец, в повести — не зная этого. Чем объяснить это изменение — трудно сказать, тем более, что как раз те явления, в которых должно было быть изображено признание отцом своих сыновей, не сохранились.

Таковы отличия драмы от повести; в остальном автор драмы излагает повествовательный материал, пользуясь для этого разными приемами. Так, некоторые явления или части их представляют собою развитие одной или двух фраз повести. Таким образом построено 9 явление. В повести читаем: «И божиємъ изволеніємъ придоша ко граду тому, идѣже юноши того отецъ царствуетъ, и присташа ко берегу и подоша во градъ ко царю съ дары своими».¹ Об этом приходе купцов рассказывают царю сенаторы, с которыми и обсуждается вопрос о дарах. Или слова повести о том, что царь «призвавъ к себе в подату бояръ своихъ и рече имъ что подобаетъ царицы сотворити» развиваются во второй части 4 явления в диалог между царем и приближенными. Точно также первая часть 3 явления — благодарственная молитва царя — построена на основании одной фразы повести: «и нача молебная совершати Господеви о благополучіи своем і о здравіи чадъ своихъ і моляше бога і благодаряше его радостію» (л. 231 об.). Подобное развитие отдельных фраз повести в целые речи можно отметить и в других местах драмы, как, например, в 5 явлении — слова сенаторов, в 7-м — разговор царицы с князем, в 11-м — беседа матери с сыном и др.

Надо отметить, что иногда составитель драмы развивает не все заимствованное из повести место, а лишь части его. Так, обширный плач царицы в 6 явлении составлен на основании следующих слов повести: царица «моляше господа бога і пречистую богородицу і всехъ святыхъ і плачущися і рыдаючи горко о разлученіи царства і о поруганіи своемъ, благодаряше бога і радовашеси, яко оставлена жити с чады своимъ»; из этой фразы автор драмы развивает лишь ее начало, влагая в уста царицы молитву богу о себе и сыне.

Иногда автор драмы, при составлении того или иного явления или части его, развивает две-три фразы повести, взятые не подряд, а с про-

¹ Цитаты из повести приводятся по рук. Погодина № 1595, к. XVII—н. XVIII в.

пуском других, находящихся между ними. Это мы видим в 1 явлении. Составитель драмы развивает следующие слова повести: «Бысть в палестинских странах в нѣкоемъ градѣ велицѣ царь благочестивъ и славенъ зѣло». . . , царица «родила чадъ своихъ: два сына близнеца. Царь же зѣло радостенъ бысть рождения ради чадъ своихъ і воставъ иде в церковь божию с вельможи своими»; между первой фразой и второй в повести говорится о женитьбе царя, о нелюбви его матери к невестке и желании ее погубить, что составитель драмы пропускает. Точно также, сохранившаяся часть 15 явления основана на двух фразах повести: «воздав благодарение всемогущему богу, поклонившася душою і сердцем. . . благодаривъ ж і одаривъ онаго мужа, у него же пребываше в дому», с пропуском того, что находится между этими фразами, а именно, слов об отправлении царицы с сыном в царство мужа и отца. Тот же прием можно отметить и в начальной части 4 явления.

Во всех приведенных случаях развития кратких сведений повести в целые явления или части их составитель драмы сочинял диалог, пользуясь данными намеками и руководствуясь, во многих случаях, опытом своих предшественников в области драматического творчества. Но местами сама повесть давала ему больше материала, рассказывая в эпической форме о том или ином эпизоде. В таком случае составителю драмы приходилось лишь переложить этот материал, в диалогическую форму, прибегая, впрочем, и к некоторым дополнениям, пропускам и развитию отдельных частей. Так построено 10 явление. В повести рассказывается, что корабельщики приехали в город с дарами, что они рассказали царю, как нашли юношу со львицей, что царь приказал привести к нему юношу и львицу, после чего велел хранить и кормить львицу в особом месте, юношу же оставил у себя, разрешив ему навещать львицу. В драме добавлен совет царя с приближенными о том, что взять с купцов — дань или юношу со львицей (о них говорится в предшествующем явлении), затем царь приказывает привести купцов, юношу и львицу; после этого следует беседа с купцами, у которых царь просит отдать юношу и львицу, за что им разрешается торговать беспорочно; из последнего приказа царя опускается разрешение юноши навещать львицу. Так же построены явления 16 и 17, где на канве, данной повестью, вышивается узор с дополнениями, пропусками и развитием отдельных выражений и мыслей.

При переложении в диалогическую форму более или менее длинного эпического рассказа повести, составитель драмы соединяет в одном случае

два места повести. Именно, в 12 явлении переделывается рассказ повести о приходе врага с требованием или бороться или платить дань, и другой рассказ о желании принимать участие в битвах сына царицы, воспитанного львицей; такое соединение этих двух рассказов в одном явлении вполне рационально, так как они относятся к одному времени, между тем, как в повести они разделены рассказом о предшествующей судьбе этого юноши.

Следующим приемом, при переложении повествовательного материала в драму, является разделение одной речи на несколько частей. Так, в 5 явлении, выраженный в одной речи, совет приближенных помиловать царицу, отдав ее на суд божий, разбивается на несколько речей четырех князей и четырех сенаторов. Или слова царицы к царю о помиловании разделяются на несколько частей, прерываемые репликами царя и приближенных; плач царицы в 6 явлении разбит ремарками.

Допускает автор драмы и одну перестановку материала по сравнению с повестью. А именно в повести рассказывается сначала все, что произошло с юношей, воспитанным царицей, вплоть до его отправления на войну, а затем повествуется о другом сыне царицы, в драме же действие идет попеременно: приход царицы с сыном к князю, затем нахождение корабельщиками юноши, воспитанного львицей, и привоз его к царю, далее просьба первого юноши отпустить его на войну, и, наконец, отправление на войну второго юноши. Распорядок материала в драме является более логичным, последовательным.

Таковы изменения, внесенные автором драмы в заимствованный из повести материал. В остальном составитель драмы следует за рассказом повести, развивая лишь больше монологи и диалоги, которые часто встречаются и в повести. Автор драмы сохраняет не только мысли, высказанные в них, но также и стиль их. Приведем примеры; возьмем диалог между матерью царя и юношей.

Повесть.

Драма

Мать царя

Мать царева

Сотвори ныне повелѣнное мною
і азъ ти воздам честь велику і спо-
доблю тя велика сана, токмо сохрани

Хощеши ли, юноша, быт в царстве
почтенны,
славою і честию от всех повышенны,

мною заповеданная крѣпце.

Юноша

Что есть, госпоже царице, хотѣніе твое.

Мать царя

Иди нынѣ в полату к царьцы, идеже почивает і възлязи с нею на одрѣ.

Юноша

Не могу сего не токмо сотворити, но и помыслити на такое зло. Аще царь увѣсть, что будет: всяко убьетъ мя.

Мать царя

Не бойся, такмо послушал, аз тя избавлю от руки царицы і не сотворити ничтоже зла, вѣси бо яко мощно ми есть, послушай сотвори волю мою, не вѣси чим ты прославлю і почту (гл. 131 об. — 132).

сотвори, что повелю вскоре то примѣшь, всех министров і князей честию превзыдешь, совлекши одежды вшед в царски полаты възляжи с царицею купно почивати. Аще сие вскоре сотворишь пристойно, вскоре честь получишь от царя достойно.

Юноша

Что глаголеши ужасно, о царева мати, не вем како ж величеству совет имам дати.

Ужасно сие дѣло і ниже пристойно помыслит о сидевом, но смерти достойно, аще о сем царю вестъ, то предаст мне смерти, почтится лукавую главу мою стерти.

Мать царицы

Не бойся сие аз могу в сердце скрыти, і гневъ сына от тебе могу отвратити. Аще же не сотворишь ты днесъ мою волю, вскоре на ты неправду царю возглаголю (2 явл.).

Дальнейшие слова матери и ответ юноши представляют переложение в диалогическую форму эпического рассказа повести. В приведенном диалоге мы имеем воспроизведение, в несколько иных выражениях, мыслей, высказанных в повести, без больших текстуальных заимствований. В других местах автор драмы держится еще ближе текста повести; например, в молении царицы, обращенном к царю во время суда над ней, особенно во второй его части, которую и приводим.

Повесть

Помилуй мя благии царю, господи мой і не погуби мене нынѣ смиренныи, погибаемыи напрасно, лютѣ у-

Драма

Помилуй мя, царю, вопию ужасно, не згуби оклеветанну смиренну напрасно,

мленную голодомъ и жаждою изъ-
явную, и от печали сокрушенную, не
имущую гдѣ главы поклонити и у
кого милости попросити, развѣ созда-
теля всѣхъ бога, в того бо руку твое
сердце, владыко мои пречестнѣиши
мои господне, еи во истину живаго на
небесѣхъ бога свѣдущаго всехъ тайная
сердца, яко не сотворихъ любодѣиства,
ниже помыслихъ на державу твою, к тому
не имамъ что глаголати, токмо помили
мя и даруй ми животъ, аще ли невоз-
можно, поне младенцовъ сихъ, не-
злюбивыхъ чадъ своихъ помилуй, не
погуби ихъ со мною, верую бо яко по
времени извѣститъ ти богъ, яко твое
есть царское сѣмя законно в нихъ и мое
бѣдницы законное рожденне, а не пре-
любодѣица, всяко извѣститъ тя свѣ-
дѣи вся, да не будетъ сокрушенне
сердцу твоему ихъ ради, остави ихъ
жити неповинни бо суть, мла-
денцы бо есть (л. 136 и об.).

помилуй мя бедную, голодомъ исто-
мленну
жаждою, печалию, скорбью истре-
бленну,
помилуй мя, сирую, сокрушенну сущу,
подклонити главу свою нигде не
имущу.
Покажи надо мною милость твою
многу,
поверъ всемогущу сердцевицу богу,
истинно не содѣяхъ сицеваго дѣиства,
ниже в мысли содержахъ сего любо-
дѣиства...
Ей не имамъ, о царю, болѣ что творити,
прошу токмо бедную мя не уморити.
Аще же невозможно сотворити тосъ,
прошу хотъ сия младенцы да не
страждутъ злосъ,
отврати хотя отъ сихъ незлюбивыхъ
злосъ,
неповинныхъ покажи щедрую утробу,
Надеюс по времени, аще будутъ
здравы,
природныя твои чады покажутъся
правы
помилуй ихъ яко суть младенцы без-
гласны.
ипъ единому злосму они судъ причасны
(5 явл.).

Моление царицы в драме сохраняет и мысли и отдельные выражения того же места повести, но только изложено несколько короче. То же сокращение имеется и в некоторых других местах, напр., в речи матери царя, обращенной к сыну в церкви. Чаще же в драме встречается развитие речей повести; например, возьмемъ первые слова царя на суде.

Повесть

Драма

Судите мя с царицею моею, по-
всѣмъ велие зло сотвори и рцйте ми,
что подобаетъ сотворити противу
злу ея (л. 135 об.).

Прорцйте мнѣ князие, собравшихся
нынѣ,
сенаторы, министры, весь народъ въ-
динѣ,

како суд надлежит с царицей моею,
яже честь повредила совестью своею,
что творить подобает, скоро отве-
щайте.
ничесоже бояся вси купно держайте
(5 явл.).

Некоторые ремарки тоже близко передают текст повести, например, в 6 явлении.

Повесть

Драма

Царица... нѣкогда возляже оочинуты і приде нѣкїи звѣрь зовома я лвица і восхити у нея единого младенца і бѣжа, царица же возбнувъ зря несомя сына своего лвицею от страха оцепенѣ (139 л.).

Но сем ляжет царица і уснет. Абие приближаетъ лвица і узванит единого младенца і уносит младенца, Царица вставши і виде, яко единого младенца несть, ниць падает на землю (6 явл.).

Другие ремарки, особенно перед явлениями, излагающие кратко содержание их, взяты из соответствующих мест повести и передают их иногда более, иногда менее близко к оригиналу.

Таким образом, из сравнения драмы с повестью можно сделать следующие выводы. Автор драмы воспользовался краткой редакцией повести, из которой заимствовал сюжет, последовательность действия, кроме небольшой перестановки, речи действующих лиц, сохраняя при этом и подлинные выражения повести. Изменения, внесенные им, главным образом, относятся к некоторым дополнениям, а также расширению, развитию данного в повести и могут быть объяснены требованиями сцены и целью автора — переложить эпический рассказ в драму. Точно также и небольшие, сравнительно, пропуски, сделанные автором драмы, могут быть объяснены теми же причинами. В общем автор драмы гораздо больше расширяет и добавляет, чем сокращает материал повести.

II

Драма, как указано выше, состоит из 17 явлений, причем эти явления далеко не одинаковы по объему; некоторые из них (5) имеют всего один выход, другие (5) — два, третьи (4) — три выхода; точно также различно в них количество речей — от одной до 27, впрочем явление, содержащее

одну речь или монолог царицы в пустыни, автор драмы разбивает на 5 частей, отделяя одну от другой ремарками, указывающими, что царица ложится спать, или ищет и находит сына, или же просто: «мало помолчавъ», «мало постоявъ» — «глаголетъ»; самое короткое явление — третье, содержащее две небольшие речи царя и его матери, а самое длинное — пятое, заключающее в себе двадцать семь речей.

Перед всеми явлениями имеются ремарки, которые различны по своему характеру. В большинстве из них дается краткое содержание следующего явления, в некоторых это содержание дается подробнее, например: «Изгнанная царица ходя по пустынь со младенцы і много плачущесе обрете место і усне. Пришедше лвица похищает единаго младенца, от рук ѣя уноситъ, царица же ходя долго плакася і поиде по пустынь от того места іскати какого ни есть града» (6 явл.),¹ чаще же в ремарке читается содержание лишь начала явления или вообще части его; напр.: «Сядицу царю на тронѣ предстоят четыре сенатора; царь благодаря бога яко дадѣ ему двух сынов глаголит» (1 явл.). О том, что следует за речью царя в ремарке не говорится.² В одном же явлении, именно в пятом, совсем не указывается на содержание, а говорится лишь о том, кто присутствует на сцене. В большинстве ремарок имеются указания и на обстановку или место, где происходит то или иное действие, но эти указания очень кратки, как напр.: «Стоящу царю в церкви со многим народом», «приходит царь в полату», «сядицу царю на тронѣ, пред ним предстоят шесть сенаторов» и т. п., иногда же о месте действия не упоминается (2, 7, 12 явл.), но догадаться, где происходит действие, конечно, можно.

В большинстве явлений действие происходит в палате царя, в которой стоит для него трон, и в которой его окружают сенаторы и другие приближенные (1, 5, 9, 10, 12 и 16), два явления происходят в пустыне (6 и 7), два, вероятно, в комнате царицы у князя (11 и 15); по одному — в комнате матери царя (2), церкви (3), палате царицы (4), около стола среди театра (17), вблизи пещеры, которая находится за «шпалерами» (8). Здесь, следовательно, сцена разделена на две части; возможно, что происходящее за шпалерами не было видно зрителю, вернее, не изображалось, а о нем лишь рассказывалось; в пользу такого предположения говорят ремарки, в одной

¹ См. еще 8, 11, 12, 16 и 17 явлений.

² См. еще 2, 3, 4, 7, 9, 10 явлений.

из которых читаем, что «выходит из шпалеръ кормщикъ і говорят», и приводятся его слова о том, что в пещере играет львица с юношей; чтобы посмотреть на львицу, его товарищи идут к шпалерам; в дальнейших ремарках указывается лишь, что кормщики бросают хлеб и одежду, но не добавляется, что делают с брошенными вещами львица и юноша, а об этом лишь рассказывает кто-либо из находящихся на сцене; далее об уходе львицы гулять тоже говорит один из них; в следующей же ремарке читаем: «Кормщикъ поидеть за шпалеры і отгуду бежит вѣдуши отрока. Как выдет на театръ, прибѣгает к ним львица», что также подтверждает высказанное предположение, что происходящее за «шпалерами» не было видно зрителю. Автор драмы мог прибегнуть к такому способу изобразить действие по той же причине, по которой он пропускал некоторые эпизоды повести — из-за трудности постановки их на сцене.

Время, протекающее между отдельными явлениями, нигде не отмечается автором драмы, хотя оно и занимает в одном случае промежуток в 15 лет, судя по повести, когда новорожденный младенец превратился в юношу (между 7 и 8 явл.); между другими явлениями проходит тоже некоторое время, хотя и небольшое (6—7, 8—9, 15—16), причем для обозначения этого действие, происходящее в одном и том же месте, разбивается на два явления. Некоторые явления изображают одновременные действия, но в разных местах (10, 11, 12); большинство же явлений представляют действия, происходящие одно за другим, но обычно в разных местах, только действие 10 явления, представляющее непосредственное продолжение девятого, почему-то отделено автором.

В общем следует отметить, что автор драмы выдерживает правдоподобие при изображении действий в соответствующей обстановке и не изображает разновременных событий в одном явлении. Некоторым исключением можно считать лишь 4 явление, в котором совещание царя с сенаторами происходит в очичивальне царицы.

Действующих лиц в драме сравнительно немного — всего тридцать: царь, царица, мать царя, 2 сына, 6 сенаторов, 4 князя, юноша, женщина, муж старый, 4 корабельщика (далее они называются купцами), посол, кормщик, 2 воина, 4 аллегорические фигуры и, далее, лица без речей, народ и львица. Заметим, что сенаторы, князья и корабельщики не охарактеризованы какими-нибудь определенными чертами, и их реплики могут быть вложены в уста любого из них.

В драме имеется много ремарок в середине текста; некоторые из них просто описывают действие, как напр.: «егда воины приведут царицу со младенцы, царь паки глаголет» (5 явл.), или «стоящим кораблеником четверем едиць выходит из за шпалерь кормщикъ і говорит» (8). Но наряду с этим автором драмы даются и указания актерам более определенного характера, — какое действие надо произвести в том или ином случае, напр.: «Царь приклонивши колена молигся» (3), «царица вставши і видѣ яко единаяо младенца несть, ниць падаетъ на землю і кричитъ» (6), «царица, объеъмъ сына, с плачем глаголетъ» (11), «тут поидуть і царицу. введут дети под руке сынове» (16). Кроме этих указаний на действия имеется ряд указаний на тон, каким должна произноситься та или иная речь: «Прибежав к царю мать ево кричитъ необычно» (3), «Царь печалным гласом глаголетъ» (4), «Царица глаголетъ слезно» (5), «Кормщик... говорить не прытко» (8). Один раз указывается на мимику, когда говорится, что царь должен войти в палату царицы «яростенъ» (4). Большинство подобных указаний дается автором главным действующим лицам — царю и царице, но отдельные замечания делаются и для актеров, играющих второстепенные роли.

Подробных указаний на обстановку в драме не имеется; из ремарок и самого текста драмы можно вывести только представление о том, какие отдельные предметы стояли в том или ином явлении. Во всех явлениях, где участвуют царь и сенаторы стоит трон (1, 5, 9, 10, 16); в 4 явлении стоит ложе, в 5 разложен костер, в 11 стоит сиденье для царицы; в 17 — стол и сиденья для присутствующих. Указаний на буафорию тоже немного: цветок у Благочестия, корень у Злочестия, щит у Смирения, копье у Злобы, меч и сосуд для вина у царя, сосуд для воды у женщины, 3 хлеба и платья у корабельщиков, цепь для львицы, воинская сбруя (шлем, щит и палица) для юноши, грамота для посла.

III

Язык, которым написана пьеса, отличается сравнительною простотою. Автор не часто пользуется изобразительными средствами. Даже эпитеты, столь обычные в поэтической речи, не особенно многочисленны в драме: «яростную злобу» (27),¹ «велия радость» (49), «друзе любезны» (73), «молитвы теплыя» (72) и т. п. Что же касается других троп

¹ Цифры, поставленные в скобках, обозначают стихи.

и фигур, то многие из них единичны: сравнение — «Аще же кто в деснице моей пребывает, яко цвѣтъ воистинну* всегда процветает» (5—6); «Ибо лвица в пещере с отроком играеть, яко мать на чадо на него зрит» (492—3); «вси, яко безгласныя, предстоим днесь суще» (226); олицетворение: «горы, холмы, вся земля, нынѣ мя покрывите» (401); гиперболы: «Воистинну никто же равен миѣ быть зрится» (41); повторение: «иду, иду азъ нынѣ» (385); «Отпусти, отпусти сих, да приимешь радость» (307) (возможно, что такие повторения вызваны стремлением автора сохранить размер стиха); риторические вопросы: «что ти принесу в славу нынѣ недостойны?» (121); «Что творишь моление, о сыне любезны? что богу возсылаешъ днесь молитвы слезны?» (141—142) и др. Несколько раз встречается в языке драмы тавтология: «Вострубите днесь трубою» (87); «вверзите ю с младенцы в темную темницу» (154); «вскоре отдам науке его научити» (603); «Кому же паче сего суди судити» (287).

Метафоры встречаются гораздо чаще; некоторые из них обычны и для других аналогичных произведений того времени, напр.: «і аще его (корень) во утробу всею» (13), «кому хошу в сердце дам яростною злобу» (27), «почтѣтся лукавую главу мою стерти» (104), «утробу днесь пронзает печал мою зелна» (158); «вонзи мне стрелу в сердце горку, неисцелну» (161);¹ реже встречаются метафоры или употребившиеся в разные эпохи, как: «О боже, всещедрая вышняя десница» (119) «подаждь руку помощи надежды лишеннымъ» (421),² или свойственные языку автора, как: «повеси, да вси текутъ во церков святую» (81); «лутче, яко слышахом, привезоша чудо» (546).³

Довольно часты в драме и восклицания для выражения тех или иных чувств действующих лиц, причем, как обычно в таких случаях, автор употребляет междометия, в роде: «О, ах»; напр.: «О, роде окаянны;» (17); «Ах, ах, ах, мене почто нынѣ оставляють» (21); «Ах, ах, ах объемяет мя страх вели, ужасны! О дне зол рождения моего несчастны!» (111—112); «О боже, коль прогневах аз твою державу!» (169); «О како аз бедная с царем разлучихся!» (363) и др.⁴

¹ См. еще 171, 179, 180, 272, 361, 365, 366, 400, 406, 625.

² См. еще 345, 348, 724, 742.

³ См. еще 44, 88, 144, 300, 426, 439, 559, 598, 660, 672, 703.

⁴ См. еще 37, 49, 85, 99, 119, 135, 157, 169 и др.

Кроме восклицаний не редко и единоначатие, при помощи которого автор усиливает высказываемую мысль, старается произвести большее впечатление на слушающего; особенно ясно это видно в речи царицы в 15 явлении, где она говорит о том, что бог оказал ей «благодѣянія неисчетны» и далее перечисляет их:

ты помиловал нас в далеком пустынь,
ты дал неизреченную нам утеху нынѣ,
ты сохранил в пещера сына несъеденна... и т. д.,

еще четыре строки, начинающияся со слова — «ты» (735—741).

Еще пример:

Прошу же тя, о сыне мой, мя не умертвити,
прошу на брань оную страшну не ходити. (636—637)¹

Довольно частое употребление в драме единоначатия указывает на стремление автора к некоторому единообразию построения предложений, тем более, что он не ограничивается употреблением лишь первого сходного слова, а часто и дальше строит предложение приблизительно одинаково; это можно видеть на первом из приведенных примеров, где за повторяющимся словом «ты» во всех строках идет глагол. Такое однородное построение предложений встречается и в других случаях, где нет единоначатия, напр.:

забых уже, бедная, род птицъ всюду поющих,
не помню к тому скотов на земли живущих. (428—429)

или:

Прозрете печал мою ушыма очима,
внемлите скорб і болез і горесть ушыма; (179—180)²

Здесь между первыми и вторыми строками наблюдается почти полный параллелизм в построении; иногда сходства меньше:

¹ См. еще 131—133, 137—139, 141—142, 251—253, 392—393, 407—410, 604—605 и др.

² См. еще 123—124, 363—4, 365—6, 839—840.

Сотвори, царю, что хочещи, вси о том радѣем,
 поступи, просим, щедро, не яко злодѣем,
 повели паки болше совет сотворити. (205—207) ¹

Кроме однородного построения соседних предложений, в языке автора комедии можно еще отметить любовь к перечислениям; он ставит несколько подлежащих: «печал, горе і беда зле мя угрызають» (365), «печал, скорбь, зной і бѣда пребывает с нами» (427); ² несколько определений: «о владыко щедротны, превечны, безлетны» (733), «силных, страшных, свирепых варвар одолеги» (635); дополнений: «мир і благословения і волю мнѣ дати» (617) или:

буди нам защитникъ і хранител нынѣ,
 страждущим, бедным, в далекой живущим в пустынѣ,
 за истину страждущим, гибнущим напрасно,
 трепещущим душою во век днес ужасно,
 подаждь руку помѹци надежды лишешным. (417—421) ³

Что касается употребления одних и тех же выражений в сходных случаях, что обычно для пьес того времени, то автор Акта о палестинской царице не избег этих повторений, но, во-первых, они не особенно многочисленны, во-вторых, многие из них имеют логическое объяснение и, в-третьих, в большинстве случаев автор пьесы не повторяет буквально то или иное выражение, а несколько его варьирует.

Некоторые из повторяемых выражений употреблены только одним из действующих лиц и потому могут быть отнесены к особенностям речи именно этого лица. Например, царь, обращаясь к сенаторам, просит их дать ему совет: «Того ради, прошу, вы мне совет дайте» (55), «Того ради последнѣ мнѣ совет дадите» (295), «Дадите единъ совет» (564), «того ради прошу азъ лутчего совета» (677). Он же отдает приказ призвать, кого ему нужно: «Воскоре убо воины к болюром идите, сенаторов всех ко мне скоре призовите» (167—168); «вы же, воины, скоро идите в темницу, бещесну ізведите скверную царицу» (231—232); «Скоро убо, воины, на корабль идите і купцевъ тех собою семо приведите» (560—561); «Идите, воины, днесь скоро возвестите отроку, его семо пригла-

¹ См. еще 255—258, 299—300, 741—743.

² См. еще 839, 840.

³ См. еще 120.

сите» (706—707). Или царица, жалуясь на свое тяжелое положение, говорит: «подклонит главу свою пигде не имущу» (266), «не вем нынѣ где главу свою преклонити» (368), или свое горе она выражает такими словами: «Горе, горе мне грешной, горе бесконѣчно» (379), «О, горе мнѣ бедной, горе мне бещасной», (387), «Ах горе мне бещасной, горе мне убогой» (620).¹

Естественным является также употребление одних и тех же выражений в ответах на поставленный вопрос или сделанное предложение; напр., в речи к сенаторам царь, говоря о необходимости благодарить бога, просит совета «какъ благодаритъ вскоре дерзайте» (56), сенаторы в своих ответных речах употребляют такие выражения: «како можете бога возблагодарити» (60), «аще богу хотите днесь благодарити» (79); или на предложение царя судить его с царицей, сенаторы отвечают: «нестъ бо нам в лести царей своих осудати» (194), «нам неможно есть своих государей судити» (222), «ібо нам никако же судитъ есть пристойно» (224), «како мы можем царей своих разсудити» (284).²

В некоторых случаях повторяется сходное выражение разными лицами для большей убедительности; так, сенаторы на разные лады повторяют царю совет отдать царицу на суд богу, и такого повторения следует ожидать, так как первый из них заявляет, что они говорят единодушно: «Всп единодушно царю вопием, глаголя: да буди в том бога всещедраго воля» (219—220); другие сенаторы повторяют: «Богу на суд отдати істинно достойно» (223), «даждь, вопием, в суд богу, вси единогласно» (266), «дай же ее на суд правы всемогущу богу» (286); «отдаждь их на суд богу, творцу безначалну» (325).³

Наконец, встречаются и такие повторения, которые могут быть объяснены только неумением автора найти иное выражение для сходной мысли; напр., четвертый князь в 5 явлении говорит: «Кому ж паче сего суди судити, іже тайная сердце вся возможет зрети» (287—288); сходное читаем в словах первого князя в том же явлении: «Кто может паче бога сие разсудити, іже тайная сердца может усмотрити» (313—314); или, говоря о возвеличении того или иного лица, автор употребляет такие выражения: «Аще сие вскоре сотворишь пристойно, вскоре честь получишь от царя достойно» (97—98), «аще се сотворишь, получишь честь многу» (523);

¹ См. еще 89 и 823; 365, 427 и 839; 434 и 458; 445 и 460.

² См. еще 679 и 686; 807 и 811; 81 и 89.

³ См. еще 72 и 76; 698 и 704.

«надеюся от отца многу честь прияти» (643); «веруй, что честь велию может получитьи» (647); «велию честь от менѣ будешь ты имети» (720).¹

Умея ясно излагать свои мысли, автор владеет и размером — 13-сложным силлабическим стихом. Для соблюдения размера он жертвует иногда даже смыслом, добавляя ненужные слова. Например, слово «вторично» в строке: «за что может тебе бог вторично воздати» (481) не оправдывается смыслом, а только размером; или в предложении «Грядите, брате, воскоре пишу лет сыскати» (504) слово «лет» не имеет смысла; но таких добавлений немного:² автор в общем владеет стихом. Чаще он прибегает к словам, не совсем подходящим по смыслу для соблюдения рифмы; например, таковыми являются подчеркнутые слова в следующих выражениях:

Кол славно і честно імя мое всюду,
еже чтится в царех честно обоуду. (37—38)
Сей же час к моему теку к господину,
скажу ему неложно о тебе притчину. (456—457)³

Для тех же целей — соблюдение рифмы и размера — автор прибегает и к необычной расстановке слов:

но по тому ж видех аз сию очима
осквернившую ложе истинно, моима, (293—294)
но се вижу, о горе, здес мя разлучила
с чадом лвица, его же от рук ісхитила. (397—398)⁴

Некоторые же стихи драмы совершенно неясны, но явилось ли это результатом стремления автора к соблюдению размера стиха и рифмы или просто вследствие порчи текста — сказать трудно; напр.: «Истинную аз сему глаголю согласно» (265); «Здравия всепресветлеши монархом гишпански любовию кланяется нашъ корол паргугалски» (668—669) и др.

Размер почти всюду 13-сложный, и лишь изредка попадаются 12 и 14-сложные стихи; цезура имеется после седьмого слога и даже выделяется в рукописи при помощи двоеточия, делящего строку пополам. Рифма соблюдается всюду; она большею частью глагольная, значительно реже —

¹ См. еще 82 и 810; 36 и 158; 486 и 603; 173, 528, 708, 760.

² См. еще 164, 536, 797, 315.

³ См. еще 411, 445, 451, 453, 467, 472, 749, 496, 505, 718, 722.

⁴ См. еще 158, 209—210, 627.

именная и еще реже — смешанная (мати — дати, смерти — стерти, волю — возглаголю) или из других частей речи (нелестно — известно, нынѣ — въедняѣ).

IV

Когда могла быть написана пьеса? Повесть, послужившая для нее оригиналом, была известна у нас с XVII века; переделка же ее в драму, повидимому, была сделана в Петровскую эпоху, в пользу чего говорит ее стиль. Приемы, характерные для пьес, повестей и песен, появившихся в конце XVII и начале XVIII века,¹ характерны и для нее. Так, мы в ней находим проявление сентиментализма, повышенной чувствительности, выражающихся в плачах, слезливости героев: вспомним плачи царя в 4 явлении и царицы во время суда над ней, в пустыне и после просьбы сына отпустить его на войну. Эти речи проносятся со слезами, о чем говорят как ремарки: «Царица глаголет слезно», «Царь, всгав с престола, слезно глаголет», так и самый текст: «Ах, горе, ах, беда, плачю» (359); «Ах, бѣда, ах, плачь горки» (399); о слезах говорят и другие действующие лица: «не допусти всем царством слезам обладати» (300), говорит сенатор; «Бога ради азъ прошу покорно і слезно» (644), говорит «муж стары». Кроме слез в драме встречаются постоянные разговоры о «злой, зельной печали», «безмерной скорби», которые «пронзают сердце» и «утробу»: «утробу днесь пронзает печал мою зелна» (158); «всегда буду крушима печалию злою» (369); «скорби непрестанныя серце мнѣ пронзают» (366). Повышенная чувствительность проявляется и в желании умереть, высказываемом героями в установившихся формулах: «лутче бы мя бедную звери разтерзали, лутче бы во отечестве смерть мне претерпети, нежели...» (392—394); «лутче уже пред тобою пынѣ мне погинут» (631). Имеем мы и выражение скорби по поводу разлуки: «О, како аз бедная с парем разлучихся» (363), «с царством бо і супругом моим разлучихся» (424), и обращение к природе опять-таки в установившейся формуле: «горы, холмы, вся земля, нынѣ мя покрыте» (401), и избитую рифму: *утробу — гробу*:

прогневах аз благую, щедрую утробу,
отняв жизнь днес, обрати скоро мя ко гробу. (171—172)

¹ См. В. Н. Перетц. Очерки по истории поэтического стиля в России (Эпоха Петра Великого и начало XVIII ст.), СПб., 1905.

море — горе:

Ах, бѣда, ах, плачь горки і велие горе,
потопило днес бедну глубокое море. (399—400)

Все отмеченные формулы указывают на то, что Акт о палестинской царице относится к петровской эпохе. В пользу того же говорит отчасти и язык, в котором много церковнославянизмов, как «ісповести, деснице, едином, утробу, сие, брани, сетовах, веси, глаголю, сиде, воздаси, хощещи»; встречаются и украинизмы: «Течем убо со мною д о царской полаты (117), «Челович ли еси ты» (458), «да вси стекутся днесь с нами витати» (784), и рифма: «судити — зрети», «кимвалы — печали», «глаголы — воли». Что же касается иностранных слов, которые встречаются обычно в языке произведений Петровской эпохи, то здесь их нет. Чем это объясняется — сказать трудно. Может быть тем, что пьеса проникнута религиозным настроением, изобилует молитвословиями, и автор избегает иностранных слов, не идущих к основному тону его пьесы.

Кроме употребления традиционных формул, характерных для стиля петровской литературы вообще, автор Акта о палестинской царице употребляет и те художественно изобразительные средства и приемы, которые встречаются специально в драматических произведениях того времени. Не ставя себе цели в этой статье дать полный перечень этих средств и приемов, остановимся лишь на тех из них, которые имеются в данной драме, и находят параллели в других. Заметим, что самое название драмы «Актом» нередко в петровскую эпоху; вспомним «Акт» о Калеандре и Неонилде,¹ «Акт» о царе перском Кире и о царице скифской Томире.²

В драмах петровского времени как главными действующими лицами, так часто и второстепенными, являются короли, цари, графы, причем не русские, а иностранные; в Акте о палестинской царице, кроме царя палестинского с семейством, выступает князь той же земли; врагом царя является король испанский и португальский, который сам не появляется на сцене, а присылает посла; в действии о Петре Златые ключи³ выводятся

¹ В. Н. Перетц. Памятники русской драмы эпохи Петра Великого, СПб., 1903, 1—387; при приведении цитат из драмы цифры в скобках указывают действия и стихи.

² П. Морозов. История русского театра, СПб., 1880, XXI—XXIX; цифры при цитатах из драмы указывают страницы.

³ П. Георгиевский. Две драмы Петровского времени. Изв. Отд. рус. яз. и сл. Академии Наук, 1905, кн. 1, 215—255; цифры при цитатах из драмы обозначают страницы.

на сцену король французский, неаполитанский, испанский, а также граф; в драме об Индрике и Меленде:¹ короли датский, саксонский, цесарь римский и т. д. Кроме королей и царей обычно выводится на сцену и их свита, в виде сенаторов, министров.

В Акте о палестинской царице в антипрологе выступают аллегорические фигуры, которые затем не принимают участия в развитии действия; то же мы видим и в действии о Петре Златые ключи и в драме о Езекии, царе Израильском,² хотя надо отметить, что в первой из них Купидон подает одну реплику еще раз (7 явл.), а во второй — аллегорические фигуры выступают также во 2 действии, но в дела людей не вмешиваются.

Следующим сходным пунктом между Актом о палестинской царице и другими драмами являются самовосхваления действующих лиц, часто сходно построенные, имеющие даже сходные выражения. Таким самовосхвалением обычно занимаются лица высокопоставленные — короли и цари. Они восхваляют себя, а затем силу и могущество государства, отмечают страх врагов перед ними. Приведем параллельно тексты Акта о палестинской царице и Акта о Калеандре.

Акт о царице

Акт о Калеандре

Коль славно і честно імя мое всюду.
(37)

Всякъ к царству моему приступитъ
боится». (42)

Богатство ли взыщу, в моем то ест
царстве.

Ізрядное довольство цветет в госу-
дарстве. (43—44)

Славенъ азъ есмь отовсюду, честию
блистаю». (1, 37)

Всѣ мене трепещутъ і велими боятца.
(I, 39)

Всѣ моего царства ужасно трепещутъ.
(I, 636)

Многа ж избылія і многи богатства
Імѣя поистиннѣ всякова ізрядства.
(I, 47—48)

В комедии об Индрике и Меленде подобные речи произносят король датский и цесарь римский; начало первой речи довольно близко к приведенному тексту: «О, коль преславно мне государство» (1). В драме о Петре Златые ключи король тоже произносит хвалебную самому себе речь, не имеющую близко сходных выражений, но передающую сходные мысли. Авторы драм влагают также самовосхваление и в уста аллегорических

¹ П. Морозов. Назв. соч. I—XX; цифры в скобках после цитат обозначают страницы.

² В. Н. Перетц. Назв. соч., 391—454; цифры в скобках после цитат обозначают стихи.

фигур. В Акте о палестинской царице Благочестие хвалится своей славой и властью над людьми, Злочестие — силой и могуществом; в Дrame о Езекии, царе Израильском¹ речи Благочестия соответствует подобная же речь Фортуны, речи Злочестия — речь Марса; в драме о Петре Златые ключи самовосхваление Марса (215) напоминает речи Благочестия и Злочестия не по выражениям, а по мысли:

Акт о царице

Действие о Петре

И аще его кому во утробу всею,
то уже всегда крепко азъ о нем радею,
чтоб как можно от бога его отвратити,
наследника адцкого вскоре сотворпти.

(13—16)

Кому хошу в сердце дам яростною злобу,
склонивши его і сим пронзаю утробу.

(27—28)

Когда я любовію во сердце ударяю,
Так глубоко оны вскорѣ уязвляю,
Что того ж момента вся мысль преме-
нится,

Храбрость, мужества, славы к любви
обратится. (215)

Следующим традиционным приемом драматургов петровского времени является изображение совета царя с приближенными, прием, имеющий основание в быте средневековья и отчасти ренессанса. Начинается такое совещание с просьбы царя помочь ему решить тот или иной вопрос, выраженной в более или менее сходной форме. В Акте о палестинской царице читаем: «Того ради прошу вы мне совет дайте» (55), «того ради прошу азъ лутчего совета» (677), «того ради послѣднѣ мнѣ совет дадите» (295), «Дадите единъ совет» (564). Сходное имеем в Акте о Калеандре: «Дайте мнѣ совѣтъ истинно полезны» (I, 1139); в драме о Езекии: «У вас прошу совета, что творить нам должно» (459); в Акте о царе Кире: «Монарху вашему даете совѣтъ скоры»; в комедии о Мелюзине: «Како ми совѣтуете о семъ» (31).² Часто правители просят дать им совет, начинать ли войну.

Акт о царице

Того ради прошу азъ лутчего совета,
скажите мнѣ, что бы нам лучше сотворити,
дан ли платити іли брань с ними учинити. (678—679)

¹ В. Н. Перетц. Памятники русской драмы эпохи Петра Великого, СПб., 1903, 391—454.

² И. Шляпкии. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени, СПб., 1898, 31—32; цифры в скобках обозначают страницы.

Акт о царе Кире

Монарху вашему дасте совѣтъ скоры

.

Съ скифской царицей хощу брань учинити. (XXI)

Драма о Езекии

У васъ прошу совета, что творить нам должно,

брань со онымъ или миръ, рцйте ми не ложно. (459—460)

Отвечая правителю, сенаторы обычно делятся на две группы: одни советуют воевать, другие отговаривают от войны.

Акт о царице

Лутче, царю, будет нам дань им сотворити. (680)

Воистинну лутче брань учинить угодно. (686)

Акт о царе Кире

Лучше не вчинять толь брани жестоки. (XXI)

Драма о Езекии

Царю пресвѣтлѣйши, советъ даю тако:

лутше миръ сотворити, нежели брань всяко. (461—262)

Лутше, царю, брань крепку с врагом сотворити. (487)

В других случаях подданные, к которым обращается правитель за советом, отвечают, что они подчиняются воле бога и царя.

Акт о царице

Вси единодушно царю вопием, глаголя,

да буди в том бога всещедрого воля,

і ты твори по воли, что хоцещи творити,

нам неможно есть своих государей судити. (218—221)

Акт о Калеандре

Мы, раби подданніи, что можем творити,

Потщися ты сам о семъ разсудити:

Кромѣ боговъ не надлежит помощи іскати,

Надобно на оныхъ всегда уповати. (I, 93—96)

Акт о царе Кире

Раби твои есмы низжайши подданны;
 Нам что повелиши, воля твоя съ нами. (XXI)
 На ваше велѣніе совет предлагаю. (XXI)

Получив совет, царь обычно благодарит за него: Акт о царице: «О, кол преизрядные дасте миѣ советы» (85); «Благи советы ваши» (540); комедия о Мелюзине: «Благо рекл еси, возлюбленніи моі» (32); Действие об Эсфире: «Здравы, благи и премудры совет миѣ подали» (268).¹ Акт о Калеандре: «Изрядно совѣтуеть се друг вам избранны» (I, 109); комедия об Индрикe и Меленде: «Благо совѣтуешь» (V).

При отправлении на войну в драмах произносится поощрение с обещанием славы и чести по возвращении.

Акт о царице

Иди бога в помощи вышняго радея,
 бориса за отечество храбросѣ имя.
 Аще ж поможет тебе богъ врагом одолети,
 велию честь от менѣ будешь ты имети. (717—720)

Акт о Кире

Гряди, царь, гряди на подвигъ сей смѣло,
 Подтвердимъ храбро сіе наше дѣло. (XXII)
 Когда жъ побѣдите, будете почтенны. (XXV)

Драма о Езекии

Молю вас за отечество крепчайшими стати,
 И в полѣ мужественно баталии дати. (575—576)
 Слава ваша узрится всюду прославленна,
 Храбрость, крепость во брани над всех предпочтенна.
 (583—584)

Существует в драмах определенная формула, произносимая правителями в тех случаях, когда они хотят кого-либо видеть; они обращаются для этого к воинам, которым и предлагают призвать или привести того, кто им нужен:

¹ Г. Георгиевский. Назв. соч., 255—307; цифры после цитат обозначают страницы.

Акт о царице

Вскоре убо, войны, к боляром идите,
 сенаторов всех ко мне скоро призовите. (167—168)
 Идите, войны, днесь скоро возвестите,
 отроку, его семо пригласите. (706—707)
 Вы же, войны, скоро идите в темницу,
 бесчесну изведите, скверную царицу. (231—232)

Акт о Калеандре

Вои, сенаторовъ вскорѣ призовите. (I, 2074)
 Вои, Хоризу скоро ко мне призовите. (II, 2031)
 Слышите днесь, вои, сестру пригласите. (II, 68)
 Комедия о Сарпиде, дуксе ассирийском¹
 Воини скоро повсюду идите,
 и оныхъ противниковъ ко мнѣ приведите. (22)

Действо о князе Иефай²

Идите войны пословъ сѣмо призвати. (57)

Комедия о Фарсоне

Драбанты, вне града поидите,
 Ис темницы Фарсона приведите³ (62)

Лица, призванные правителями, часто предлагают сходные вопросы, зачем они приглашены.

Акт о царице

Что мя, царю, пред себя повелел призвати,
 ли что, величество, хочешъ приказати. (710—711)

Акт о Калеандре

Зачем извоил мя нынѣ пред себе призвати. (I, 84)

Комедия об Индрике и Меленде

Отче мои драги, почто мя призываешъ,
 И что мне творити повелеваешъ? (V)

¹ И. Шляпкин. Старинные действия и комедии, к. XVII—в. XVIII в., II, 1921; цифры в скобках после цитат обозначают страницы.

² Там же, 57—70.

³ Н. Петровский. К истории русокого театра. Комедия о графе Фарсоне, СПб., 1900; цифры в скобках после цитат обозначают страницы.

Лицо, которому отдается приказание сделать то или иное, отвечает одинаково построенным предложением, начинающимся словом — «готов» и имеющем дальше почти всегда слова — «сие сотворити»; в Акте о палестинской царице отрок говорит отцу:

Готов, царю, істинно все сие творити,
готов за тя і царство душу положити. (723—724)

В комедии о Фарсоне паж отвечает королевне:

Готовъ, великодержавнѣйшая, сие сотворити,
И о всем графу Фарсону возвѣстити. (30)

или паж отвечает Фарсону:

Готовъ, господине, сие сотворити,
Острый мечъ и щитъ предъ вами явити. (33)

В драме о Петре Златых ключах лакей говорит Волхвану:

Готовы, всечестнѣйши, приказ учинити,
Князя Петра здравіе вѣчно сохранить. (226)

В драме об Индрике и Меленде посол отвечает королю:

Готов, велики королю, сие согврити
і грамоту сию тамо обявити. (III)

Свое одиночество и тоску по поводу этого одиночества герои обычно выражают в пустыне, или в лесу, куда их ссылают, или куда они удаляются сами. В Акте о палестинской царице царица сетует в пустыне: «сего ради ізгнанна есмь в сию пустыню» (346) и произносит дальше свою плачевную речь, наполненную формулами, обычными для литературных произведений петровского времени; в Акте о Калеандре Кризанта говорит: «Того ради скитаюс во сеи аз пустыни» (II, 2311), куда она удалилась с горя; в действии о Петре Златые ключи Магилена произносит свою жалобу в лесу.

В лесу же или в пустыне происходят иногда неожиданные встречи; царица в Акте о палестинской царице встречается женщину; в драме о Петре Златые ключи Магилена — старицу; в акте о Калеандре Тигрина встречается с разбойниками.

При убеждении кого-либо сделать то, или другое, убеждающий обычно прибегает к угрозе придать убеждаемого смерти в случае неисполнения желаемого.

Акт о царице

Аще же не сотворишь ты днес мою волю,
вскоре на тя неправду царю возглаголю,
і овъ горчайшей смерти велит тя предати,
все тело твое в части велит раздробляти. (107—110)

Акт о Калеандре

Ежел не сотворишь, то смерть обѣщаю. (III, 1546)

Драма об Индрике и Меленде

Аще не восхоцешь,¹ велю тя смерти предати
і мой вопи зде будутъ побѣждати. (IV)

Когда происходит какое-нибудь радостное событие у кого-либо из героев, последний приглашает обычно присутствующих принять участие в его радости и повеселиться вместе с ним; в Акте о палестинской царице после примирения царя с царицей, царь говорит ей:

Сядем убо і с нами купно веселимся,
всех благъ в моем царстве с тобою насладимся. (798—799)

а затем всем присутствующим:

Мы же поидем в вертоград нашъ повеселится,
не можем ли ужъ тамо лугче насладится. (858—859)

В акте о Калеандре Кризанта говорит Калеандру:

Прошу тя, господине, изволишь садитца,
В разговорахъ честно со мной насладитца. (II, 809—810)

или Тигрина Палиартесу:

Нынѣ уже буду всегда веселитца,
Желаю жъ любезно с тобою насладитца. (III, 1811—1812)

В комедии о Фарсоне он приглашает сенаторов:

Прошу садитца и купно съ нами веселитца. (21)

Рождение детей в драмах вызывает радость отцов, которые по этому поводу произносят речи.

¹ В рук. ошибочно: «восхоцеть».

Акт о царше

Нынѣ о кол велия радость нам явися,
 печал в веселия наше обратися,
 ибо богъ услышел молитву смиренну,
 всему царству милость объявил почтенну:
 двух сынов царице моей дал родити
 невем каго мне благодарити. (49—55)

Драма об Индрике и Меленде
 Маршалко

Королевское величество, сие доношу вамъ:
 Королева твоя роди дщерь, государыню нам.

Король

О, коль возбуждаетца радость серцу моему!
 Нынѣ рожденную дщерь Мелендою назову!
 Нынѣ веселитесь, радостно ликуйте... (II)

Или король саксанский после объявления ему о рождении сына говорит,
 между прочим:

Слыши, мне сердце, о семъ веселися,
 своя нам радост нынѣ обявися. (III)

В акте о Калеандре Полиартесу вестник сообщает:

Придох вам явити, радость объявити.
 Диалда послала, сказать приказала:
 Родила вам сына, еще не едина (I, 2101—2103)

и далее идет благодарность Полиаргеса к богу: «благодарю боговъ за сие
 премнога» (2108).

Акт о царе Кире

. породихъ едина
 мнѣ во утѣшеніе любезнаго сына. (XXVII)

Детей в подходящем возрасте отдают-в науку, о чем обычно упоминается в драме; в Акте о палестинской царице князь, принявший к себе царицу с сыном, говорит:

Отроча же твое азъ скоро дам в науку,
 да возможет когда дать нам помощи руку. (486—487)

В драме об Индрике и Меленде король саксанский говорит сенаторам:

Мою прелюбезную Меленду возьмите
и со Индриком в школу отдадите. (V)

При желании героев отправиться в другие страны для обучения или для военных действий, они обычно обращаются к родителям за разрешением; родители сначала протестуют, потом дают согласие. В Акте о палестинской царице сын просит ее исполнить его просьбу; она отвечает:

Глаголи, мое чадо, любезны, драгое,
готова исполнити, аще есть благое. (608—609)

Когда он высказывает свое желание идти воевать, мать сетует, говоря о своей печали, упрекает его и просит остаться; после вторичной просьбы сына, она соглашается на его просьбу, говоря между прочим:

Вся право глаголеши, нынѣ отпускаю
.
аще жив будеши, паки семо возвратися. (652, 657)

В драме о Петре Златые ключи Петр обращается к отцу с просьбой исполнить его желание. Отец отвечает:

Проси, чего желаешь, сынъ нашъ вселюбезны,
Примешь ты отвѣтъ весьма преполезны. (224)

Сын просит отпустить его в иностранные государства, что вызывает сетования отца и матери на ту же тему, что и в Акте о палестинской царице. Затем следует согласие:

Нынѣ позволеніе мое вамъ вручаю
.
Побывши же тамо, возвратися вскорѣ. (226)

В акте о Калеандре Калеандр просит отпустить его и брата сражаться с врагами, на что следует отказ, причем причина его сходна с одной из причин, почему царица не отпускает сына в Акте о палестинской царице, где читаем:

Како можешъ бессилны, юны імуць леты,
силных, страшных, свирѣных варвар одолети. (634—635)

Акт о Калеандре

Каких бо враговъ побѣждати хоцете?
Или Трапезономъ предстати восхоцете.
Они бо пресилны, имут вас убити. (I, 2683—2685)

Затем отец Калеандра дает согласие:

С миром же вас вкупѣ в пут вап отпущаю. (2703)

В драмах герои часто прибегают к скрытию своих имен и к ложным показаниям о себе. В Акте о палестинской царице она говорит о себе:

Род же мой купечества от стран христьянских. (476)

В драме о Петре Златые ключи, Петр, сын князя, говорит о себе:

Французскаго, государь, королевства житель,
Королевских дуэль охотны смотритель,
Нѣкоего убога владѣтель шляхетства. (230)

В акте о Калеандре скрытие имен героями — обычное явление: свое имя скрывают и Калеандр, и Неонилда и другие действующие лица.

Действительно или мнимо провинившихся героев в драмах заключают в темницу; так поступают с царицей в Акте о палестинской царице:

Тецыте скоро вземше скверную блудницу,
вверзите ю с младенцы в темную темницу,
ідеже будут томимы вси зноем і хладом,
пусть погябнут скверные істомлениы гладом. (153—156)

Акт о Калеандре

Ковалерское платье с него обдерите,
В вертоград, в темницу его посадите,
Под караулом крѣпко велите держати. (II, 991—993)

Комедия о Фарсоне

Отъ нечестнаго кавалера оружіе оберите
И во учрежденный интернат посадите. (59)

При начатии военных действий в драмах обычно приходит посол с грамотой. В Акте о палестинской царице посол, дав лист, говорит царю:

Здравия всепресветлейши монархом гишпански
любовию кланяется нашъ корол партугалски,
сей листъ мне вам монарху повелел отдать,
принемше в нем писанно ізволь прочитати. (668—671),

Драма об Иезекии

Посол

Придохомъ от царя мы Сенахирима,
Во всехъ странахъ окрестныхъ честно славима,
Иже повеле письма сия ти отдать,
Ответ же о сихъ благи от васъ воспріяти. (739—742)

Акт о Калеандре

Посол I

Вотъ здѣ грамота, вели прочитати. (I, 2268)

Послы и вестники с грамотами, листами, письмами выводятся в драмах и в других случаях, когда надо сообщить о каком-либо событии; в Акте о палестинской царице сын приносит ей грамоту от царя, очевидно, с приглашением вернуться; сын сообщает отцу:

По твоему приказу сотворих счастливо,
грамоту дах царице азъ твоей учтиво. (762—763)

В комедии об Индрике и Меленде король саксонский в грамоте царю датскому сообщает о рождении сына:

Королевское величество! Здравствовать желаю,
грамоту моего государя, короля саксонскаго объявляю. (III)

В драме о Петре Златые ключи Петр узнает о болезни отца из письменного сообщения:

А какъ вступилъ в дом, то мнѣ принесли пакеты,
В которыхъ явились печалны ответы. (243)

Посол турецкий приносит Петру поздравительную грамоту от султана (254). В комедии о Фарсоне последний узнает о смерти отца тоже из письма; пажа говорит Фарсону:

Поклонъ вамъ отдаю
И сей пакетъ вамъ нынѣ вручаю.

Для того пришесть,
 Что отецъ вашъ въ Парижъ сего свѣта отшелъ. (26)

В ремарках перед началом действий правители рисуются обычно со свитой в виде министров, сенаторов и, кроме того, часто и воинов; в Акте о палестинской царице: «Сядящу царю на тронѣ, предстоят четыре сенатора...» (1); или «сядящу царю на престоле, при нем четыре сенатора і два князя, два воина і сынъ. (16); в комедии об Индрике и Меленде: «являетца корол Дацки і при немъ 2 сенатора и несколько воиновъ» (1), «является корол Сакъсонски и при нем сенаторы и войски» (2), в комедии о Фарсоне: «Надлежитъ королевнѣ сидѣть на свосемъ уготованномъ мѣстѣ, а при ней двумъ воиномъ, воору́женнымъ и двумъ пажамъ и гофъмейстерпи» (9).

Таковы в общем приемы и некоторые формулы, употребляемые авторами как Акта о палестинской царице, так и других драм петровской эпохи. Конечно, некоторые из этих приемов, как напр., самовосхваление героев, совет правителей с приближенными, встречаются в драматических произведениях и более раннего времени, но они также характерны и для рассматриваемых драм, в которых строятся приблизительно одинаково, почему я на них и останавливалась выше.

Из отдельных драм XVIII века Акт о палестинской царице имеет довольно большое сходство с драмой о Езекии, царе израильском. Отметим сходные моменты между ними, оставив в стороне те пункты сходства, которые характерны вообще для драм петровской эпохи. В драме об Езекии, как и в Акте о палестинской царице, имеется антипролог в стихах, а пролог и эпилог написаны прозой. Антипрологи обеих драм начинаются с одного и того же слова: «выходит» — в драме о царице; «исходит» — в драме о Езекии; действующими лицами в антипрологах являются аллегорические фигуры, беседа которых построена сходно: сначала идет похвальба одной из них (Благочестия — в первой, Фортуны — во второй), затем двое других (Злочестие и Марс) не соглашаются со словами первых, восхваляя свое могущество; наконец, новые лица (Смирение — в первой, Вера, Надежда, Любовь и Провидение — во второй) отмечают, что они посланы от бога, который и является защитником всех праведных людей. Если мы обратимся к речам названных лиц, то найдем в них тоже сходство, если не текстуальное, то по построению и по высказанным там мыслям. В первой речи Благочестие и Фортуна хвастаются своей славой, а затем — властью над людьми.

Речи Злочестия и Марса начинаются с вопроса к Благочестию и Фортуне, зачем они хвалятся? и далее восхваляют свою силу и могущество.

Если мы перейдем к содержанию драм, то увидим, что в оба произведения внесено много молитв действующих лиц к богу, которому приносятся как просьбы, так, главным образом, и благодарность. Некоторые из таких молитвословий построены сходно. Таковы молитвы царя в 3 явлении Акта о царице и первая часть молитвы Езекии — в 1 явлении драмы о Езекии; в обеих идет сначала прославление бога за его всемогущество и милосердие, а далее следует благодарность за то, что бог сделал для царя и Езекии, между прочим и за то, что бог посадил их на царском престоле. Есть в этих молитвах также одно текстуально близкое выражение:

Акт о царице

Драма о Езекии

Тобою защищенна вся моя держава. Ты мое защищеніе, ты моя держава. (134) (182)

Та же молитва царя имеет сходство и с другой молитвой Езекии во 2 явлении. Они обе начинаются сходным вопросом к богу:

О боже Что ти днешь в даръ принесу о пре-
что ти принесу в славу нышѣ недо- благи боже. (879)
стойны. (121)

Дальше в этой молитве Езекии идет благодарность богу за благодеяния, оказанные Езекии, и прославление бога, причем два выражения сходны в обеих молитвах:

Кня тебе воспою похвалы пристойны. За что како ты могу достойно хвалити. (122) (885)
Ты нас от всех вражих хранишѣ і на- Благоволилѣ мя еси от врагъ свобо-
ветов. (137) дити. (891.)

Наконец, одно сходное выражение с молитвой царя мы находим еще в молитве Езекии в 3 явлении:

Тебе чины не могут ангелсти хва- Его же ангелски чины величаютъ.
лити. (123) (353)

Начало молитвы царицы в 7 явлении драмы о палестинской царице также сходно с началом молитвы России в драме о Езекии:

Господи, господи, боже всемогущи, создателю всесилны, безначалны сущи.	Благодарю тя, вышни, в силе всемо- гущи, Трипостасны боже, неразделно сущи.
(415—416)	(955—956)

Сходно прославляются правители, как избранные бога:

Поздравляю тя нынѣ, о царю вен- чанны, богом нашему царству государ из- бранны. (173—174)	Поздравляемъ тя царя, богомъ воз- несенна, На сей по достоинству престолъ воз- веденна, (217—218) Короною драгою честно увенчанна, Тя над протчихъ от бога царя пре- избранна. (223—234).
--	---

Приведенные пункты сходства двух драм, может быть, указывают на зависимость их друг от друга, причем Акт о палестинской царице мог оказать влияние на драму о Езекии, как написанную позже.

Составленный в стиле драм петровской эпохи, Акт о палестинской царице построен по обычному плану школьной драмы: в нем имеется, как в этой драме, антипролог, аллегорически изображающий действие пьесы (напр. «Ужасная измена...»¹ «Синopsis о Езекии, царе израильском» и др.), пролог и эпилог, причем пролог строится так же, как в школьных драмах: в нем высказывается общая мысль, подтверждаемая частным случаем, содержание которого приводится и указывается, что он будет представлен на сцене; далее слудует просьба к зрителям исправить погрешности; так напр., построен пролог в драме об Эсфирь,² о Езекии царе,³ причем во всех этих пьесах, как и в Акте о палестинской царице, он написан прозой. В эпилоге тоже имеются элементы, присущие эпилогу школьной драмы: упоминание о невозможности избежать погрешностей и просьба их простить (см. хотя бы «Историю Кира»⁴).

¹ Памятники древней письменности и искусства, СПб., 1882.

² П. Георгиевский. Назв. соч., 256—257.

³ В. Перетц. Назв. соч., 394—399.

⁴ В. Резанов. Памятники русской драматической литературы. Школьное действие XVII—XVIII вв., Нежин, 1907. 207 и сл.

Влияние школьной драмы видно и в антипрологе Акта, где действующими лицами являются аллегорические фигуры; они описываются так, как обычно описываются такие лица в школьной драме, т. е. указывается какойнибудь предмет, который держит та или иная фигура: «благочестие с щитом», «злочестие с корнем», «смирение с щитом», «злота с копьем»; эта обрисовка аллегорических фигур может служить дополнением к материалу, собранному В. П. Адриановой-Перетц по вопросу о том, как изображались аллегорические фигуры в школьном театре,¹ так как изображения Благочестия, Злочестия и Смирения нет в других драмах, а Злота изображалась в них иначе — на лютном змее.

Акт о палестинской царице делится на явления, а не на действия, что также часто встречается и в школьной драме («Ужасная измена», комедия на рождество христово).² Точно также краткое изложение содержания перед началом явления, которое мы видим в нашей пьесе, обычно в школьных драмах.

Пожалуй и обилием религиозного элемента драма о палестинской царице обязана пьесам школьного театра, в громадном своем большинстве религиозного характера.

Наконец, сходна наша драма со школьной и в том отношении, что она написана правильным силлабическим стихом, как большинство школьных драм.

Стиль и язык Акта о палестинской царице, сходство его с драмами петровской эпохи, доказывают, что он написан в это же время; но интересно попытаться установить несколько точнее, когда он мог возникнуть, и нам кажется, что содержание его, вернее, некоторые подробности, дают возможность сделать это хотя бы предположительно. Имеем в виду разговор царя с купцами, носящий иной характер, чем в повести. В повести царь принял дары от купцов, а затем, выслушав рассказ купцов о найденных ими юноше и львице, оставил у себя и последних. В драме же царь отказывается от даров, говоря, что он не сребролюбив, затем, что он разрешает купцам «безданно торговати», говоря дальше:

Яко власть вам дам в царстве моем торговати
і дань в казну царскую не велю с вас брати. (596—597)

¹ Сцена и приемы постановки в русском школьном театре XVII—XVIII ст. Сб. Стариный спектакль в России, Л., 1928, 51—56.

² Тихонравов. Русские драматические произведения, СПб., 1874, I, 346.

Он поясняет, почему он не хочет брать дани с купцов:

Весте, что сокровища мне суд нелюбозна;
что требоват с них дани, яко бы мы скудны,
купцев бо есть прибыток несносны і трудны. (541—543)

Устами сенатора высказывается сходная же мысль:

Воистинну, о царю, ничтоже есть збирати
дань в казну с купцов, разве оных разоряти. (544—545)

Вопросу о том, надо ли брать дань с купцов, или нет, автор драмы посвящает 9-е и большую часть 10 явления, т. е. отводит много места, это указывает на то, что этот вопрос, очевидно, его интересовал и, вероятно, был свежим, живым во время написания пьесы. Если мы обратимся к истории царствования Петра, экономической основой реформ которого является торговый капитализм,¹ то увидим, что около 1711—1712 года Петр особое внимание обратил на иностранную торговлю, ее развитие, так как государству нужны были деньги: «Чтоб усилить торговлю, надобно беречь торговых людей, не разорять их, и надобно завести такие порядки, благодаря которым иностранцы усилили свою торговлю и разбогатели» повествует Соловьев, приводит выдержку из письма Петра, где он говорит «дабы в службе находящимся торговым людям не было разорения».² Та же мысль приводится и в драме, которая и могла быть составлена приблизительно в это время. Некоторым подтверждением этому предположению может служить и следующее. В драме, помимо шаблонного совета царя с сенаторами, царь приказывает созвать на суд над царицей «всех чинов, і степеней, і гражданских людей» (211), которые, однако, безмолвствуют. Не является ли совещания царя с сенаторами отражением исторического факта — учреждения Сената, в состав которого вошли князья и бояре, но об учреждении которого царь оповестил всех «кому о том ведать надлежит как духовным, так и мирским, военного и земского управления вышним и нижним чинам». Учреждение же Сената состоялось 22 февраля 1711 г. Если наши предположения основательны и вышепозванные исторические факты отразились в пьесе, то едва ли бы о них стал говорить автор тогда, когда после них прошло много времени, и потому пьеса могла быть составлена около

¹ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. III, 79 и сл.

² История России с древнейших времен, т. XIV, 156.

1711—1712 гг. На тот же год указывает и запись в конце списка: «7320 году августа 1 дня начал учить детей, задатку взято 6 рублей 50 ко»; указанный год — 1812 не соответствует почерку записи, может быть надо читать 7220 (זָבֵן, а не זָבֵן), т. е. 1712 год: неопытный в цифири писец неправильно перевел дату с буквенной на арабскую цифру. В пользу такого раннего ее появления, по сравнению с другими пьесами романического характера, говорит, как нам кажется, и то обстоятельство, что она написана силлабическим размером, а не рифмованной прозой, как большинство других пьес, что она сохраняет еще связь со школьной драмой, может быть и то, что в ней еще нет иностранных слов. Рукопись, в которой она дошла до нас, тоже не противоречит нашему предположению: она относится к половине XVIII в., но список драмы в ней, конечно, не является оригиналом, а копией.

Приведенная выше запись в конце списка указывает, что драма где-то была поставлена. Но где, — за неимением данных сказать трудно.

Пропрошенный анализ Акта о палестинской царице привел нас к следующим выводам.

Драма является переделкой краткой повести о львице, воспитавшей царского сына.

Действие в ней развивается стройно, логично.

Драма написана простым, ясным языком, с соблюдением силлабического размера и рифмы.

Ее стиль близок к стилю литературных произведений петровской эпохи, в частности драматических.

План ее — обычный план школьной драмы.

Она имеет сходство с драмой о Езекии, царе Израильском, на которую, возможно, и оказала влияние.

Время составления Акта о палестинской царице, судя по построению, стилю, языку и некоторым подробностям содержания, относится к 1711—1712 годам.

То обстоятельство, что автор драмы с большим вниманием относится к интересам торговых людей, указывает на то, что она и была составлена кем-либо из представителей этих торговых людей; автор в поэтическом произведении оформил воззрения своего класса.

Актъ о преславной палистинскихъ странъ царице, всюду славно прекрасно сияющей
 Дияне, како от злобныхъ ехидны, свекрови своей, за истинную правду во изгнани
 разлучени, многая і ужасная восприя бѣдствія и како всещедрою всемогущаго
 бога десницею, яко неповинно страждущая, паки от печали свободися

(Рук. Барсова, № 2518, 50-х годов XVIII века)

Антипрологъ

*выходитъ благочестіе съ цветомъ, противъ ей злочестіе съ коренемъ, смиреніе съ щитомъ,
 противъ ей злоба съ копьемъ.*

л. 1 об.

Благочестіе

Кто славу мою когда можетъ исповести,
 достоинъ ли кто будетъ великия чести,
 і сей аще от мене когда отвратится,
 с щсгню воистинну вскоре посрамится;
 5 аще же кто в деснице моей пребываетъ,
 яко цвѣть воистинну всегда процвѣтаетъ,
 бог его хранитъ крепко во своей державѣ,
 ведетъ его во всю жизнь ко превѣчной славѣ.

Злочестіе

Что хвалился о твоёмъ нынѣ красномъ цвѣте,
 10 которы цвѣтетъ і гибнѣтъ во единомъ лѣтѣ,
 мой же корень і летомъ живѣтъ есть і зимою,
 азъ его всегда ношу любовно со мною,
 і аще его кому во утробу всею,
 то уже всегда крепко азъ о немъ радю,
 15 чтобъ какъ можно от бога его отвратити,
 наследника адцкаго вскоре сотворити.

г. 2.

Благочестіе

О роде окаянны, что сие твориши:
 весь родъ христіянски напрасно губиши;
 пади, пади воскорѣ і зле сокрушися,
 20 в прахъ нынѣ і шпелъ злобнѣ разрушися.

Злоба

Ахъ, ахъ, ахъ, мене почто нынѣ оставляютъ,
 імя мое страшно нивочто вмѣняютъ.

- Иду скоро возмушу аз везде народы,
 пусть все погубляют христиански роды.
 20 Азъ могу между царей брани воздвизати,
 азъ могу правоверных сердца возмуцати,
 кому хощу в сердце дам яростною злобу,
 склонивши его і смн (?) пронзаю утробу.

Смирение

- Не лсти, род всезлюбны, себе нынѣ гако
 30 или не веси ехидна, что богъ может всяко
 сим щитом праведных твердо зацтити, л. 2 об.
 тебя же окаинну в прах всю обратити.
 Видиши ли, яко азъ щитом сим избранным
 верных лице зацщаю от бога мнѣ данным.
 35 Се убо им і тебѣ нынѣ пострамляю,
 пронзив злобную утробу, в веки істребляю.

Прологъ

Никто же есть воистинну, благоразумы зрителие, от человекъ на светѣ, иже бо никоея же печали аще і малыя не могъ претерпети, но всякъ, что либо провождаѣй в мире сем на каковом ни есть состоянѣи жизнь приключуюся, иногда беду претерпеваег і нѣ точию в подлых, яко, напримѣръ, купцы, плавающи по морю, взыскаюци богатства, иногда і свое вес імѣние погубляют, абие со всем домом опечеляется і ниутешно плачет, узримъ сие воистинну і высочайшего достоинства в персопах, яко в князех і боярах такожде не бес печали есть, которая такожде і в царских домѣх обитати обыкла. Якоже і во онои печали л. 3. достойной гистори, ея же нынѣ пред очесы ваши предложим, явно есть, что і царие иногда печа<ли> претерпеваюг. Событєя сие в пелестинских королевствах над благочестивым царем Геогравом, иже по наущению матери своєя ізгна царицу свою Диану со двумя младенцы в далнюю пустыню, которая царица много тамо претерпе печали, ібо лют зверь лвица у нѣс единого сына <похити> і воспита его в пещере, также іная многая пострада царица Диана. Милосерд же господь богъ, милуя человекъ по печали, приводит в радость, всех бо сих потом яко неповиннѣ страждущих совокупи. Мы убо, благоохотни зрителие, умыслихом нынѣ лицезрению вашему сичевое чюдо на сем нашем малоразумном есатре седмьюнадесят сценами показати, всепокорнейше благороди<я> вашего просим, да аще что либо погрешительно зде узрите, благоутробно покрыте, многоскуснѣйше от нас научите, усердно желасм.

л. 3 об.

Явление 1

Сядицу царю на тронъ, предстоятъ четыре сенатора і царь, благодаря бога, яко дадь ему двух сынов, глаголит:

Царь

Кол славно і честно імя мое всюду,
 еже читяся в царех честно обоюду;
 в царстви же моем то хвалитяся прекрасно
 40 і всем супротивным врагом есть ужасно;
 воистинну никтоже равен мнѣ быть зрится,
 всякъ к царству моему приступит боится.
 Богатство ли възыщу, в моем то есть царстве,
 ізрядное доволство цветет в государстве.
 45 Сня точию мнѣ нужда бысть едина,
 что не было наследных ни тщири, ни сына
 о чем азъ сетовах і плаках в печали,
 с царицею купно радости не знали.
 Нынѣ о кол велия радость нам явися,
 50 печал в веселия напе обратися,
 ібо богъ услышел молитву смиренну,
 всему царству милость объявил почтоснну
 двух сынов царице моей дал родити,
 нечем, како сго мне благодарити.
 55 Того ради прошу, вы мне совет дайте,
 как благодарит воскоре держайте.

л. 4.

Сенатор первы

Не смею воистинну, о царю преславны,
 над многими государствами обладател главны,
 вашему величеству совет объявити,
 60 како можете бога возблагодарити,
 ібо неисчетная сго к нам щедроты
 хранит за всегда ваши царския доброты,
 дал нам от рода царска крепкую державу,
 наследных государей двух царству во славу,
 65 за что не веи іначи какъ благодарити,
 развѣ в славу богови жертву іриносити.

л. 4 об.

Сенатор 2

Что глаголеши жертву богу приносити
 іли не веи, что царь не обыкъ творити,

і же христіянскою верою просвещенны,
 70 царскою діадиомой от бога почтенны,
 такъ токмо обычей честь богу воздавати,
 что молитвы теплыя к нему возсылати.

Сенатор 3

Истинно глаголеши, о друже любезны,
 блах, прав сей совет твой есть і преполезны,
 75 не иначе ж, о царю, і аз совещаю,
 токмо молитвы богу возсылат желаю.

Сенатор 4

л. 5.

Трепетен величеству предстоя, глаголю,
 совет мой предлагаю в твою царску волю:
 аще богу хощени днесь благодарити,
 80 сиче соизволишъ вкоре сотворити:
 повеси, да вси текут во церков святую,
 і там богу воздаси молитву благую,
 в песнях і в молениях молитвы творяще,
 за милость бога вышняго вси благодаряще.

Царь

85 О, кол презрядные дасте мнѣ советы,
 почтус сия вся вкоре сотворит обѣты.
 Вострубите днес трубою во вся концы царства,
 да стечетя вес народ всего государства,
 мы же потечем в церков молитвы творити,
 90 за данную радость вси благодарити.

Явление 2

л. 5 об.

Исшедшу царю в церков, мат же его злобующи на невестку свою Дьяну царину, увидевши, яко она от болезни опочи, призва к себе от придворных некоего юношу, советует ему возлежи с царинею.

Мать царева

Хощени ли, юноша, быт в царстве почтенны,
 славою і честию от всех повышенны,
 сотвори, что повелю, вкоре то при'мѣшъ,
 всех министров і князей честию превзыдешъ:
 95 совлекши одежды, вшед в царски полаты,
 возляжи с царицею купно почивати.

Аще сие вскоре сотворишь пристойно,
вскоре честь получишь от царя достойно.

л. 6.

Юноша

100 Что глаголеши ужасно, о царева мати,
не вем, како ж величеству совет имам дати.
Ужасно сие дѣло і ниже пристойно
помыслит о спцевом, но смерти достойно.
Аще о сем царю весть, то предать мне смерти,
почтится лукавую главу мою стерти.

Мать царева

105 Не бойся, сие аз могу в сердце скрыти
і гневъ сына от тебе могу отвратити;
аще же не сотворишь ты днес мою волю,
вскоре на тя неправду царю возглаголю,
і онъ горчайшей смерти велит тя предати,
110 все тело твое в части велит раздробляти.

Юноша

л. 6 об.

Ах, ах, ах, об'емлет мя страх вели, ужасны!
О дне зол рождення моего нещастны!
Хотя то, хот іное днес мне избраги,
езде смерти надеюсь мне не избежати.
115 На твою лутче уж волю нынѣ преклоняюсь
і все, что поволитъ творити, общаюс.

Мать царева

Течем убо со мною до царской полаты,
аз скоро устрою там опочивати.

Явление 3

*Стоящу царю в церкви со многим народом і молящуся богу, приходит мать сво
в церковь і необычнымъ гласомъ вопиет ему, і абие царь уходит іс церкви.*

Царь, приклонивши колена, молится:

О боже, всецедрая вышняя десница,
120 всевидяща, всесила, вечная зеница,
что ти привесу в славу нынѣ недостойны?
кня тебе воспою похвалы пристойны?

- Тебе чины не могут ангелсти хвалити, л. 7.
 херувими і сераѣишы трепещут блажити,
 125 мой же языкъ грѣхамъ(и) весма оскверненны,
 всяких беззакони страпныхъ наполненны,
 како можетъ ты творца твари всемогуща,
 благоутробна ко всемъ человекомъ суца,
 достойными г҃оспо да похвалы венчати,
 180 аще не ты благоволишь дерзкость (?) ему дати?
 Ты благоволилъ еси восприятъ мнѣ царства,
 ты хранишь щедротно мое государство,
 ты честь, ты крепость царству, ты хвала і слава,
 тобою защищенна вся моя держава.
 185 О благоутробия твоего к намъ тверда!
л. 7 об.
 о бога тѣ (?) всесила к намъ премилосерда!
 Ты насъ отъ всехъ вражихъ хранишь і наветовъ,
 ты к намъ не допускаешь притти злыхъ советовъ,
 ты днесъ восприялъ еси молитву отъ бедныхъ,
 140 даровалъ еси имети двухъ сыновъ наследныхъ.

Прибежавъ к царю мать ево кричитъ необычно:

- Что творишьъ моление, о сыне любезны?
 что богу возсылаешьъ днесъ молитвы слезны?
 Неприятно ему есть злыхъ слышетъ молитвы,
 слыши жены твоя лстивыя ловитвы,
 145 которая лститъ тебе во очесахъ лукаво,
 ты же мниши, яко есть дѣло ея право,
 но она твою царскую честь всегда ругаетъ
 і днесъ с прелюбодѣемъ в ложи почиваетъ.
 Что терпишьъ отъ нѣя ты всегда досады! л. 8
 150 Не мни, что те младенцы родныя сутъ чады.
 Аще ли мнѣ не можешьъ веру ты имети,
 бежимъ со мною скоро, можешъ все узреги.

Явление 4

Приходитъ царь в полату яростень і, возьмъ оногъ подложного юношу, мечемъ его посещаетъ, потомъ глаголетъ к воинномъ.

Царь

- Тепыте скоро возьмше скверную блудницу,
 вверзите ю с младенцы в темную темницу,
 155 идеже будутъ томимы вси зноемъ і хладомъ,
 пустьъ погибнутъ скверные истомленны гладомъ.

Егда войны отведут царицу, царь печальным гласом глаголет:

О бѣднаго жития моего безделни!
 утробу днесь пронзает печал мою зелна!
 л. 8 об. Какo вселукавая сотвори ехидна,
 160 лстивая мнѣ царица, пакость зверовидна,
 вонзи мне стрелу в сердце горку, неисцелну,
 правду сущу премени на лжу пребезмерну;
 всегда чаях ея быть мне нелицемерну,
 все разумех просто аз службу ся верну,
 165 не разсудих никогда злыя ея лести,
 но се уже принесла вреду моей чести.
 Воскорс убо войны к боляром идите,
 сенаторов всех ко мне скоро призовите.

Воины поидут, царь глаголет:

О боже, кол прогневах аз твою державу!
 170 Достоино отнял еси прсжнюю мнѣ славу,
 прогневах аз благою, щедрую утробу,
 л. 9. отнявъ жизнь днес, обрати скоро мя ко гробу.

Приходят шесть сенаторов.

Сенатор 1

Поздравляю тя нынѣ, о царю венчанны,
 богом нашему царству государ избранны.
 175 Кая вина нас призвати семо прилучися,
 радост ли или печаль тебѣ днес случися?

Царь

Что стекостеса сему, о друзи любезны?
 или кто вам возвестил сей мой случай слезный?
 Прозрете печал мою умныма очима,
 180 внемлите скорбѣ і болез і горесть ушима:
 все вам днес открываю право і нелестно,
 разсудите, яко вам самим есть известно,
 како мы с царицею жизнь препровождали,
 другъ другу быт верна всегда разсуждали,
 185 но днес от лукавья царицыной мысли
 падеж(?) сия всей жизни пагубны промыслы:
 л. 9 об. не восхоте со мною в сущей правдѣ жити,
 дерзнула ложе царско мое осквернити.

190 Вы убо то лукавство скоро рассудите,
какой казни достойна, совет мне дадите.

Сенатор вторы

Ничтоже глаголати, о царю дерзаю,
ни усть моих к словесем нынѣ отверзаю.

Сенатор третій

Трепещу, ужасаюс, нечем совет дати,
несть бо вам в лести царей своих осуждати.

Царь

195 Не царя законнаго нынѣ вы судите,
Но казнь на преступника скоро пред'явите.

Сенатор 4

200 Не имам что аз тебе, о царю, вспати,
трепещу, дабы гнева на ся не прияти.
Аще імамы закон смертью казнит злою,
іже погнушается царством і тобою,
обаче всс дерзновенны мои сут глаголы,
того ради предаю совет твоей воли.

л. 10.

Сенатор 5

Буде, еже хощещи, то і сотвориши,
по мнению твоему, казнит повелиши.

Сенатор 6

205 Сотвори, царю, что хощещи, вси о том радѣсм,
поступи, просим, щедро, не яко злодѣсм,
повели паки болше совет сотворити,
не может ли кто лутче сего рассудити.

Царь

210 Почтитес убо вскоре место мне создати
великое вѣнѣ града і тамо созвати
всех чинов, і степеней, і гражданским людем
і тамо можем вину сей казни рассудем.

л. 10 об.

Явление 5

*Седлицу царю на тронъ і пред ним четыре сенатора і четыре князи і прочис,
которые будут без речей.*

Царь глаголет к народам:

Прорцыте мне, князие, собравшия нынѣ,
сенаторы, министры, весь народ въедниѣ,
215 како суд надлежит с царицей моею,
яже честь повредила совестью своею.
Что творить подобает, скоро отвещайте,
ничегоже бояся вси купно держайте.

Тут все станут і говорят.

Сенатор 1

Вси единодушно царю воплем, глаголя:
220 да буди в том бога всещедрого воля,
і ты твори по воли, что хочеш творити,
нам неможно есть своих государей судити.

л. 11.

Князь первы

Богу на суд отдать истинно достойно,
ібо нам никако же судит есть пристойно,
225 зане сами есть мы под судом живуще,
вси, яко безгласныя, предстоим днесь суще.

Сенатор 2

Не ины совет і азъ царю предлагаю,
токмо сию безвинну избавить желаю.

Царь

Принесите убо дрова і здесь возложите,
230 огонь презелны на месте горящи возжигте,
вы же, воины, скоро идите в темницу,
бещесну изведите, скверную царицу.

Егда воины приведут царицу со младенца, царь паки глаголет:

Зри, окаянная дщи, погибелна рова,
все тебѣ прелесницы злая смерть готова.

Ц а р п ц а глаголет слезно :

л. 11 об.

235 Помилуй мя, о царю, днес непобедимы,
 всецедрою десницею божией хранимы,
 вижду, яко на смерть нам огнь сей есть разженны,
 в руке же твоей мечь есть остры обнаженны,
 но ими ми веру се, веренъ есть свидетель,
 240 неба і земли, паче же всех богъ і содстель,
 яко невем вправду зла сего за собою,
 но нелицемерно жих всегда аз с тобою,
 всю жизнь азъ поистиннѣ с тобою провождала
 і вся повеления твоя ісполняла.

Ц а р ь

245 Не вем, что глаголеши, ниже вспоминаю,
 токмо леств в советех твою аз днес знаю.

К н я з ь 2

л. 12.

Послушай, о царю, что сия вщает,
 истинну бо всю тебе сама пред'являетъ,
 і мы сию признаваем неповинну быти,
 250 но грех есть безвременно сию погубити.

Ц а р п ц а

Помилуй мя, царю, вопию ужасно,
 не згуби оклеветанну смиренну напрасно,
 помилуй мя бедную, гладом істомленну,
 жаждою, печалию, скорбью істребленну,
 255 помилуй мя, сирую, сокрушенну сущу,
 подклонит главу свою нигде не имущу,
 покажи надо мною милость твою многу,
 повер всемогущу сердцевицу (sic!) богу,
 истинно не содѣях сицеваго действия,
 260 ниже в мысли содержах сего любодейства.

С е н а т о р 3

л. 12 об.

Воистинну, о царю, глаголет несложно,
 праваго ся плача терпет невозможно.
 Дажь, царю вссдержавны, безвинной свободу,
 да не к тому прибудет печал царску роду.

Сенатор 4

265 Истинную аз сему глаголю согласно,
даждь, вопием, в суд богу вси единогласно.

Царьца

Ей, не имам, о царю, боги что творити,
прошу токмо бедную мя не уморити.
Аще же невозможно сотворити тое,
270 прошу хот сия младенцы, да не страждут злое,
отврати хотя от сих незлобивых злобу,
неповинных покажи щедрую утробу,
надеюс по времени, аще будут здравы,
природныя твои чады покажутся правы,
л. 18. 275 помилуй, их яко суд младенцы безгласны,
ни единому злому они суд причасны.

Царь

Напрасно глаголетъ яко суд природны,
не будите никогда от мене свободны,
аз тя предам смерти и с младенцы сими,
280 ибо видел злость твою очесы своими.
Что же, о князие, безгласны стоите,
вскоре мя со злыми сими разсудите.

Князь 3

Не имамы, не смѣем, царю об'явити,
како мы можем царей своих разсудити.
285 Просим токмо покажи милость ей премногу,
дай же се на суд правы всемогущу богу.

Князь 4

Кому ж паче сего суди судити,
иже тайная сердце вся возможет зрети.
То видя их правая дѣла, то прославит
290 и от находящих золь тогда их избавить.

л. 13 об.

Царь, *вставъ с престола, слезно глаголетъ:*

Разумех воистинну ея добродѣтель,
всемогущи богъ тому всему есть свидетел,
но по тому ж видех аз сию очима

осквернившую ложь истинно моима,
 295 того ради последнѣе мнѣ совет дадите,
 како сию казнити, вы мнѣ повелите.

Сенатор 1

Веси, царю, яко богъ грешныхъ умиряеть,
 правыхъ же і невинныхъ всегда прославляеть.

Сенатор 2

Молимъ тя, царю, не даждь смерти онымъ прияти,
 300 не допусти всемъ царствомъ слезамъ обладати.

Царь

Како милость надъ врагомъ глагоleshъ творити,
 или мѣвѣ въ место ихъ хочешъ уморити.

Сенатор 3

л. 14.

Ей, царю, м(ило)сть надъ ней покажи пристойно,
 се бо ея действия смерти недостойно,
 305 веси, царю, истинно, какъ прежде вы жили,
 нынѣ же врази распрю между васъ вложили.

Сенатор 4

Отпусти, отпусти сихъ, да приимешъ радость,
 самъ инагда от оныхъ і все царство сладость.

Царь

Какая тебе притчина подвиже сказати
 310 или мнѣ, царю, вѣры не хочешъ поняти:
 азъ видехъ все зло ея уже самъ собою,
 сего ради казнити ю смертью велю злою.

Князь 1

Кто можетъ паче бога сие разсудити,
 иже тайная сердца можетъ усмотрити,
 315 невинныя истинно си і судъ глаголю,
 даждь, просимъ, пресвѣтлѣиши монархо, имъ волю.
 Богу лучше ихъ разсудитъ: аще будутъ правы,
 невредимы ни въ чемъ же, векъ пребудутъ здравы.

л. 14 об.

Царь

О горести моей, что се сотвористе,
 820 не их все, но мѣне паче осудисте,
 вси сие глаголете ко мне неприятно,
 іли вам слова мое есть невѣроятно.

Князь 2

О преславны нашъ царю, нынѣ умилися,
 ібо вес народ, слыща сие, прослезися,
 825 отдаждь их на суд богу, творцу безначалну,
 не даждь быти всему народу печалну,
 может богъ аще правы оных сохранить
 і паки купно в царство всех совокупити.

л. 1б.

Царь

О боже всемогущи, се в мысль аз примаю,
 350 отпустит сих, но в твою державу вперяю (sic!),
 ты да сотвориши оным суд твой правы,
 аще суд неповинны, обратятся здравы.
 Шедше убо, воины, в царскую полату,
 принесите одежду царице богату.

Когда принесут одежду, царь глаголет к воинам:

335 Сотворите царское подщавшесе слово,
 взем устроено брашно многое готово
 і дщательно с царицею меси идите,
 в далныя дубравы оных отведите,
 ответше же далеко, покинте их тамо,
 340 пусь грядут по воли их проведет богъ камо.

л. 1б об.

Воини

Вскоре вашъ приказъ царски ісполнит подцимся,
 ответше же их, паки семо возвратимся.

Явление 6

Измянная царица ходя по пустынь со младенци і много плачущесе обрете место і успе. Пришедше левица похищает единаго младенца от рукъ ея уноситъ. Царица же ходя домо плакася і поиде по пустынь от того места іскати какого ни есть града.

Царица

О боже мой всеилны, творецъ всемогущи,
 всего рода чѣловеческаго іскупитель сущи,

- 345 прогневах аз щедрю твою благостыню,
сего ради ізгнанна есмь в сию пустыню,
ідеже мало когда птицы летают,
сдвнныя точию плоды процветают. л. 16.
О колико аз бѣдная есмь нынѣ бещасна,
350 ты веси серцетече, что злу непричасна,
обаже греховъ ради сему есть достойно
і больше бы сей казнь была мне пристойно,
но твоя вся щедроты суд неизмеримы
і благодеяния твоя к нам неисцелимы (sic!).
355 надеяся на тебе, могу і здесь быти,
токмо милосць надо мною прошу об'явпти,
да сохраниши мепѣ с щады певредѣму,
не дашь врагом похитит мене здес едину.

Потом, мало молчитъ, глаголетъ:

- Ах, горе, ах, беда, плачу: зле мя сокрушает,
360 всю жизнь мою бедную горко разрушает,
гонит меня печал злая к конпу жизни нынѣ,
погубить безвременно хочет в сей пустынь.
О, како аз бедная с царем разлучихся л. 16 об
і како природного отечества лишихся,
365 печал, горе і беда зле мя угрызаютъ,
скорби непрестанныя сердце мнѣ пронзают,
те уже і вовеки будутъ мя гонити,
не вем нынѣ, где главу свою преклонити,
всегда буду крупнма печалию злою,
370 не пмет уже бѣдной пикогда покою,
от всех уже знаемых нынѣ удалихся,
со младенцы точию в пустынь вселихся.
О боже всещедры, ты им здес хранител,
от всех зол нас сохрани, крепки защитител.

По сем ляжетъ царица і уснетъ, абие приблизитъ мѣща и зватитъ единого младенца і уноситъ младенца. Царица, вставши і виде, яко единого младенца несть, ницѣ надасть на землю і кричитъ:

- 875 Увы, увy, мне горко, увy, сокрушенной,
увy, милости божей всея удаленной,
о, како аз нынѣ бога всема прогневила,
утробным моим чадом зверей насладила.
Горе, горе мне грешной, горе бесконѣчно,
380 нынѣ печал сокруши мя бесчеловечно,

невиджу к тому очесь днес моего мужа,
 зимвая уже ярость погубит мя стужа.
 Где нынѣ есть царская, ах горе, держава,
 невиджу, где прежняя днес вся моя слава,
 385 іду, іду аз нынѣ посмотрю воскоре,
 немогул сына узрети і утешит горе.

Потом уже ищет ходя, яко бы усмотрѣвши со лвицею, печально глаголет:

О, горе мнѣ бедной, горе мнѣ бещасной,
 горе ниединому злу мне непричасно(ѣ),
 от отечества моего zelo удалихся,
 390 в сей непроходимой пустынѣ вселихся,
 по несть ослабления і здесь от печали,
 лутче бы мя бедную звери разтерзали,
 лутче бо во отечестве смерть мне претерпети,
 нежели чадо едино похищено зрети,
 395 умолих аз супруга неизгубити чада,
 чаях от них немалой быти мне отрады,
 но се вижу, о горе, здес мя разлучила
 с чадом лвица, его же от рук ісхитила.
 Ах, бѣда, ах плачь горки і велие горе,
 400 потопило днес бедну глубокое море;
 горы, холмы, вся земля, нынѣ мя покрыте,
 яростныя вси звери бедную пожрите.

л. 17 об.

Потом мало постоявъ, наки плача глаголетъ:

Боже, боже всещедры, помилуй смиренну,
 помилуй тол в далеккой стране загоченну,
 405 не даждь врагом лукавым мною завладети,
 сокруши все на ми их яростныя сети.
 Ты повелеваеши ветром умолчати,
 ты можеша вся волны моря укрочати,
 тебе повинуются вси вещи бездушны,
 410 тебе і вси зверия дивны послушны,
 прошу от съедения чадо сохранить
 мое і уста ловцы злыя заградити,
 мне дася, о боже, где нибут сыскати
 град, дабы в нем іс чадом могла обитати.

л. 18.

Потом і поидет вонъ.

Явление 7

Ходит царица со младенцомъ, плачетъ, потомъ является ей некая женщина идущая почерпнуть воды, царица же вопрошает ю, откуда, она же отвѣщаетъ, яко князю некоего рабыня.

Царица

л. 18 об.

- 415 Господи, господи, боже всемогущи,
создателю всесилны, безначалны сущи,
буди нам защитникъ і хранител нынѣ,
страждущим, бедным в далекой живущим в пустынѣ,
за истину страждущим, гибнущим напрасно,
420 трепещущим душою во век днес ужасно,
подаждь руку помощи надежды лишенным,
ей, господи, боже нашъ, претерпехъ достойно
вся, яже нанеслъ еси на менѣ пристойно:
с царством бо і супругом моим разлучихся,
425 горкой хотя там смерти с чады свободихся,
но, увы, здесь по всякъ день смерть пред очесами,
печаль, скорбь, зной і бѣда пребывает с нами,
забых уже, бедная, род птицъ всюду поющих,
не помню к тому скотов на земли живущих,
430 но о кол есть горестно, не зрю к тому нынѣ
единого челевѣка прошедша в пустыннѣ.

Дутъ выходитъ женщина, царица же вопрошаетъ ея.

л. 19.

Царица

- О жено пречесная, повеждь, аще можно
і всю правду о себѣ, скажи мнѣ неложно,
человек ли еси ты нынѣшнѣго века
435 іли стень, во образе жива челевѣка.
Аще челевѣкъ еси, прошу мнѣ глаголи,
ащи ни, то буди сие в твоей воли.

Женщина

- І аз не человека тебе признаваю,
ібо зверским ты лицом спящую мя чаю.

Царица

- 440 Богом живым кленуся, яко есть от мира
аз с оным младенцем челевѣкъ несопра (sic!)

14*

л. 19 об.

Женщина

Познай же менѣ яко і аз есмь живуца
в мире сем, человекѣхъ, християна суца.

Царица

О жено, аще рекла, сие мне пелестно
445 Коего убо града, скажи миѣ известно.

Женщина

Знай, яко аз есмь града от стран полестинскихъ
родом есмь, поведаю, аз от людей оинскихъ,
князя града нашего служебна рабыне,
воды ради с сим купцем идущая нынѣ.

Царица

450 Благодарю тя, жено, за сия глаголы,
токмо всепокорно прошу твоей воли,
сотвори со мною милость, скажи господину
видешную тобою на пути притчину,
повеждь вся о мне, яже видела в пустынѣ,
455 прошу всепокорнейше его блгостыиѣ.

л. 20.

Женщина

Сей же час к моему теку к господину,
скажу ему неложно о тебе притчину.

Женщина і поидет, а после съ выводит муж стары. Царица его вопрошаетъ.

Царица

Челович ли еси ты, о мужу избранны,
или ангел с высоты, от бога посланны,
460 рцы ми, аще человекѣхъ, коего ты града,
аз бо, бедная, вседушно днес тебе рада.

Муж глаголетъ

Вонстину человекѣхъ на земли живуци,
града християнского обитатель суци,
град же оны Палестын державы гишпанской,
465 короля Геограва веры християнской,
аз же царския хранить поставлен управы,

града его, яко князь, управляю правы,
ты же кто еси, повеждь все подробно вынѣ,
како обрелас еси в сицевой пустынь.

Ц а р и ц а

л. 20 об.

470 Воистинну, о муже, повем тебе верно
в рождени чад бых без ума безмерно
и тако несем, како запдох без время
і се уже понесохъ печально здесь бремя,
ібо двух імех чадовъ, но горе мне вяще,
475 одинаго от'я лвица мне в пустыне спяще,
род же мой купечества от стран христьянских,
близ живущих градом от границъ германских.
Прошу убо ты чесно, о мужу всечесны,
буди мне со младешцом родителъ намесны,
480 сотвори, чтоб нам в дому твоём обитати.
за что может тебе богъ вторично воздати.

М у ж ь

Иди, жено, во град нашъ в дом мой обитати,
азъ тебе могу покой особливой дати,
іди і векъ(?) благъ с чадом твоим наслаждайся,
485 токмо, прошу, домом ты не погнушайся,
отроча же твое азъ скоро дам в науку,
да возможет когда дать нам помощи руку.

Я в л е н и е 8

л. 21.

*Како корабленицы узрели лвицу в пещере со отрочком і како приступилиа метаяще
перво хлеб, потом платъ е і ушедшей лвице взяла отроча на корабль і целаша
і лвица за ними текши достигли их і с ними едет.*

Стоящим корабленикомъ четверемъ единымъ вышолитъ изъ шиналср к о р м щ и к ъ і говоритъ:

Что стоите, людие, ничего здесь зряще,
добраго же видети никогда хотяще,
490 поидем, узрем в пещерех чюдо превелико,
істинно никтоже виде где тогда толико,
ібо лвица в пещере с отрокомъ играеть,
яко мать на чадо на него взираетъ.

К о р а б л е н и к ъ 1

495 Что глаголетъ все, се невѣроятно,
неслыхапо никому і намъ несприятно,

от'иди, не глаголи лжи оныя с нами,
не веруем, аще то не узрим мы сами.

л. 21 об.

Кормщикъ

Истинно глаголю, поимите ми веры,
идите, аще лгу, мучте мя без меры.

Корабленикъ вторы

500 Поидем нынѣ вси купно сие испытати,
аще узрим, то можем веру сему яти.

Тут кормицикъ указываетъ имъ пришедъ к шпалером на лвицу, говоритъ не прытко

Кормщикъ

Се чудо великос, его же днесъ зрите,
нынѣ восте истинну веру мнѣ имите.

Корабленикъ 3

Грядите, брате, воскоре пищу летъ сыскати,
505 ниже гладъ ненасытны тебе исполняти.

л. 22.

Кормщикъ, *принеся хлебъ, дастъ глаголя:*

Приимите три хлеба і имъ подавайте,
токмо чтобъ не распритъ, того усмотряйте.

Когда кинутъ хлеба—

Корабленикъ 4 глаголетъ:

Зрите, какъ богъ о людехъ щедро промышляетъ:
сей зверь ноедине не ястъ, отрока питаетъ,
510 Посмотримъ, что далѣе будутъ сотворяти,
повелите одежду ко онымъ възискати.

Принесутъ одежду і бросятъ, тогда тотъ же глаголетъ:

Сие же, о чудесе, какъ зверь поступаетъ:
отроча в одежду дивно облакаетъ,
пождемъ еще здесь мало, что будетъ чинити,
515 не можемъ ли отрока к себѣ отманити.

л. 22 об.

Потомъ, мало постоявъ, говоритъ:

Се видите збѣжавшу лвицу прочь гуляти,
кто можетъ от насъ дерзостъ на ся воспрятити,

чтоб отрока взявъ в корабль с собой посадити
і как скоро со оным можем мы отплыти.

Кормщикъ

20 Буди воля божия, аз пойду, какъ можно.
подпус его взять, сотворю неложно.

Корабленникъ 1

Иди, друже, дерзостно, помолися богу,
аще се сотворишь, получишь честь многу.

Кормщикъ поидеть за шпалера і оттуду бежитъ ведущи отрока. Какъ выдет на остръ, прибѣгастъ к нимъ лвица, они же устрашившися соберутся в одно место, только приведеныи с нею станет, по томъ лвица станет ко всякому ластитися, кормщикъ же станет гладитъ лвицу і говоритъ.

Кормщикъ

л. 23.

525 Идите, друзи, і цепь ко мне принесите,
на выю оной лвице крепко утвердите.

Какъ принесутъ цепь, кормщикъ наложитъ на лвицу і говоритъ:

Поидемте с нами на корабль, чтобъ тутъ намъ отплыти,
Не можетъ уже лвица зла намъ сотворити.

Явленіе 9

Сядящу царю на тронъ, предъ нимъ предстоятъ шесть сенаторовъ, сказываютъ о пришестьи корабленниковъ со отрокомъ і лвицею.

Сенаторъ 1

Поздравляю ты нынѣ, о царю избранны,
наследны государь от бога намъ данны,
530 величеству твоему нынѣ объявляемъ,
что к царству нашему корабль приде вещаемъ;
Корабль же тотъ есть не нашъ, купцевъ иностранныхъ, л. 23. об.
разныхъ вещей исполненъ драгихъ і избранныхъ.

Сенаторъ 2

585 Повели, царю, купцовъ предъ себе призвати,
дань с нихъ в царскую казну повели собрати.

Сенаторъ 3

Азъ слышахъ, царю, чудно купцы придоша,
со отрокомъ в корабли лвицу приведоша.

С е н а т о р 1

Достойно воистинну купцов тех призвати
і вся вещи драгия царю обобрати.

Ц а р ь

540 Благы советы ваши, поне сут полезны,
весте, что сокровища мие суд нелюбезна,
что требоват с них дани, яко бы мы скудны.
купцов бо есть прибыльток неспосны і трудны.

л. 24

С е н а т о р 5

Воистинну, о царю, ничтоже есть збирати
545 дань в казну с купцов, разве оных разоряти,
лутче, яко слышахом, привезоша чюдо,
ідем, посмотрим, взяшиа, впросим о гүдо.

С е н а т о р 6

Несть чести, несть ни славы нашему державству
несть прибыли ни малой всему государству,
550 аще і великую казну с них збирати,
кую можем отчеству красоту придати.
Се красота, се слава отчеству імѣти,
то еже никгоже где возможет узреги,
новую всегда царству красоту приносиг,
555 от того ся славою отчеству возносить.
Поведи убо, о царю, купцевъ тех призвати,
да упросим со отроком лвицу у них взяти.

л. 24 об.

Ц а р ь

Коль благы суд речи ваши і полезны,
благ совет приложисте, о друзи любезны,
560 скоро убо, воины, на корабль іди҃те
і купцевъ тех собою семо приведите.

Воины пошедиш.

1 говорит

Готовы, царю, приказ твой сотворити

В т о р ы

Подчтимся скоро купцевъ семо пригласити

Я в л е н и е 10

*Сядящу царю і пред нимъ стоять 4 сенатора і к нимъ приходятъ воины с купцами,
с ними же приводятъ лвицу со отрокомъ.*

Царь к сенаторомъ:

л. 25

565 Дадите единъ советъ: что с купцы творите,
дань іли ту лвицу мнѣ у нихъ просити.

С е н а т о р 1

По воли царской буди, мы того не знаемъ,
что угодно ізбери, согласно вещаемъ.

С е н а т о р 2

Послушай, царю, менѣ, азъ тебе всецаю,
лутче лвицу с отрокомъ взяти совещаю.

Абие приводятъ воины купцовъ со отрокомъ і лвицею.

В о и н ѣ 1

570 Се, царю, исполнихомъ твой приказъ воскори.

В т о р ы

Взяхомъ купцовъ со отрокомъ, лвицею на мори.

Царь вопрошаетъ купцовъ:

Повесте ми, откуда і коего царства,
почто семо придосте в наше государство.

Купецъ первый поклонившися:

л. 25 об.

575 Здравия тебе, царю, от бога желаемъ,
мы же купцы ісѣаици верно отвещаемъ,
пужда же к сему царству привлече присгати,
многия бо имѣемъ товары продати,
того ради, велики, о царю, днесь просимъ
дары величеству вашему покорно приносимъ.

С е н а т о р 3

580 Обычай есть таковы по всемъ государствамъ:
дань брати с прѣставшихъ купцевъ к онымъ царствамъ.

Ц а р ь

Что слова суетная нынѣ простираешъ,
какъ сребролюбиваго мене называешъ.

С е н а т о р 4

585 Не дань должно збирати, по во всемъ простити
Токмо сие чюдо какъ можно іспросити.

л. 26.

К у п е ц 2

Воистинну все сие должны мы отдати,
с великимъ подщениемъ ізволте взяти.

Ц а р ь

Скажите мнѣ, где сие чюдо вы сыскали?

К у п е ц 2

Мы, царю, в пещерехъ сихъ іграющихъ взяли.

Ц а р ь

590 Прошу васъ, аще можно, сие мне отдати,
азъ же вамъ безданныю велю торговати.

К у п е ц ь 1

Благослови, царю, пивъ все сие пріяти,
намъ же повели в царствѣ вашемъ торговати.

Ц а р ь

595 Благодарю убо васъ за си даръ пречесны,
будете уже вы в томъ отселе ізвестны,
яко власть вамъ дамъ в царствѣ моемъ торговати
і дань в казну царскую не велю с васъ брати.

Купцы поклонясъ отходятъ.

л. 26 об.

Ц а р ь

600 Благодарю азъ бога, сие чюдо давша
на удивление всемъ намъ в царство пославша,
возмите убо лвицу, доволно кормите,
устрою ю в особномъ месте сохраните.
Сей же отрокъ в полатѣ моеи будетъ жити,
вскоре отдамъ науке его научити.

Явление 11

*Отрокъ ѿже придетъ с материю во градъ і у благочестиваго князя с нею живяше, прослышавъ, яко под царство отца его подступаютъ неприятели, проситсѧ у матери своей, чтобъ его отпустила на войну защитити царство отеческое. Мать его не отпускаетъ, князь же той у нѧ упроси, і она, благослови его, отпу-
щастъ.*

Матери седящу, сынъ поклонившисѧ глаголетъ.

л. 27

Отрокъ

605 Не смею азъ, любезная мати, тя просити,
не смею мою нужду бедны объявити,
вемъ, что не послушаешъ, что азъ ти глаголю,
ниже мою охотно исполниши волю.

М а т ь

Глаголи, мое чадо любезны, драгое,
готова исполнити, аще есть благое.

С ы н ь

610 Прошу, вселюбезная і драгая мати,
сия мои словеса охотно прияти.
Слышино мнѧ, яко со отцемъ моимъ брань начасѧ
враговъ грубыхъ варваръ і онъ в печалъ дасѧ,
не ведаетъ, какъ ему той брани отбыти,
615 врази бо его хотятъ в конецъ істребити.
Сего ради тя прошу, любезная мати,
миръ і благословения і волю мнѧ дати,
азъ же съехавъ і отцу тамо предъявлюся
і с варвары, какъ могу, силно поборюся.

л. 27 об.

М а т ь

620 Ахъ, горе мнѧ бесчасной, горе мнѧ убогой,
нестъ мнѧ радости кроме печали премногой,
что глаголеши снѧ мнѧ глаголы слезны,
что мя сокрушаешъ, о сыне любезны,
почто такимъ советомъ мене оскорбляешъ,
625 злейшую уже печалъ нынѧ объявляешъ,
печалихся о царстве і плакахъ в пустынѧхъ,
скорбѧхъ лицей от мене о отъятѧмъ сынѧхъ,
нынѧ же быти чювствую печалъ мянѧ горчайшу

і язвѣ очищаю (sic) в сердце глубочайшу,
 830 егда хоцешъ здес нынѣ едину покинут,
 лутче уже пред тобою нынѣ мнѣ погинут,
 л. 28. і ежели тебе на брань к отцу отпустить,
 мнѣ же здесъ в бесконечной печали пребыти,
 како можешъ бессилны, юны імушъ легы,
 835 силныхъ, страшныхъ, свирепыхъ варваръ одолети?
 Прощу же тя, о сыне мой, мя не умертвиши,
 прошу на брань оную страшну не ходити.

Сынъ

Помилуй мя беднаго, о мати драгая,
 прими моя сия словеса благая,
 640 богъ мя і тамо ради твоея молитвы
 сохрани і избавитъ вражія ловитвы,
 молитвъ ради сохраненъ буду і на рати,
 надеюся от отца могу честьъ прияти.

Выходитъ князь, мужъ стары і проситъ у царицы, чтобъ отпустила.

л. 28 об.

Мужъ стары

Бога ради азъ прошу покорно і слезно
 645 істинно будетъ потом і тебе любезно,
 аще его ко отцу ізволитъ пустати,
 веруй, что честьъ велию можетъ получити,
 в разлучени же с нимъ не сумневайся,
 но паче в надежду в томъ богу полагайся,
 650 богъ бо спаслъ насъ единыхъ отъ зверей в пустынѣ,
 богъ тако і на рати спасетъ его нынѣ.

Царица объѣмъ сына с плачемъ глаголетъ:

Вся право глаголеши, нынѣ отпуцаю,
 себя же богу потом і тебя вручаю,
 иди с миромъ любезны, дражайши мой сынѣ.
 655 помолвися божией щедрой благостынѣ,
 иди і с супостаты крешко поборися,
 аще жив будещи, паки семо возвратися.

Сынъ же поклонившися матери, глаголетъ ко князю:

л. 29.

Прощу нынѣ азъ тебѣ, князе благородны,
 буди мнѣ і матери какъ отецъ природны,

660 прошу без меня матери моей не оставить,
за что тебе господь бог в будущем прославит.

Князь взял воинскую збрую даст ему глаголя:

Иди, друже, с миром, всегда попекуся
старатися о матери, сѣи не отрекуся,
ты же, взем сѣи шлем і щит, крешко подвизанся.
665 палицею же от врагов всех обороняйся,
их же аще со славой храбро победивши,
войствию от царя славу получиши.

Явление 12

Приходит посол к царю от безбожнаго царя, подает листъ, воинъ прося, царъ же прочтет листъ, советуетъ с предстоющими ему сенаторами, воинъ ли даѣтъ лутче имъ данъ. Тогда подаренны ему отрокъ просится на воину битися с неприятелемъ. царъ же, похваля его, отпускаетъ.

Посол, дав листъ, глаголетъ царю:

л. 29 об.

Здравия всспресветлейши монархомъ гишпански
любовию кланяется нашъ королъ португалски,
670 сѣи листъ мнѣ вамъ монарху повелеѣлъ отдати,
принемши в немъ писанно изволь прочитати.

Царь, посмотря на листъ, къ послу глаголетъ:

Здравия от мене царю доведи днесъ силну,
благополучию быти ему изобилну
желаю, но противъ сего не даю ответу,
675 время прошу даѣтъ мнѣ дѣя лутчешо совету.

Посол, отидя честь, отходитъ.

Царь к сенаторомъ:

Се нынѣ намъ предлежитъ искати ответа,
того ради прошу азъ лутчешо совета.
Скажите мнѣ, что бы намъ лутчше сотворити,
данъ ли платитъ или брань с нами учинити.

л. 30.

Сенатор 1

680 Лутчше, царю, будетъ намъ данъ имъ сотворити,
дабы царства нашего какъ не разорити.

Ц а р ь

Знаешь, друже, коль славно было государство,
 никем победимо Палестинско царство.
 Как же можем мы нынѣ оным уступити
 685 какъ сему королю даць будем платити.

С е н а т о р 2

Воистинну лутче брань учинить угодно,
 аще богъ поможет, то жить будет свободно.

Ц а р ь

Лутче, друже, сие творить подлежало,
 но храбрыхъ въ евож¹ царстве нашемъ негъ нимало,
 л. 30 об. 690 португалски же король весма пришелъ силно,
 мужественныхъ воевъ с нимъ пришло изобилие,
 того ради едпа намъ можно брань начати,
 чтобъ горчайшого от него царству не предати.

С е н а т о р 3

Азъ слышахъ о царю, что отрокъ подаренны
 695 в храбрости, в могуществе есть весма подщени.
 всегда тотъ богатырской збруюю играетъ
 і с храбрыми воины битися желаетъ,
 повели его к себѣ нынѣ пригласити,
 извол самъ пред собою его вопрошити.

С е н а т о р 4

700 І азъ слышахъ такожде, о царю чеснейши,
 яко отрокъ оны храбръ есть і силнѣиши.
 той можетъ вопстину насъ всехъ защищати,
 самъ бо глаголетъ: могу азъ стоять на рати,
 повели убо его семо пригласити
 705 і всю збую ратную ему приносити

л. 51.

Ц а р ь к воиномъ глаголетъ

Идите, воины, днесъ скоро возвестите
 отроку, его семо пригласите.

Можетъ быть в оригинале было: «восвъ въ».

Какъ придетъ, отрокъ глаголетъ:

Поздравляю ты нынѣ, монархо честиѣйши,
 всего царства Палестин государь сильнейши,
 710 что мя, царю, пред себя повелел призвати
 или что, величество, хоцешь приказати.

Царь

Нужда мя привлече семо ты призвати,
 имам нечто потребно тебе приказати,
 слышах аз, яко на рать ты итти желаешь,
 715 ибо ты богатырски всегда поступаешь.
 Того ради ты прошу азъ нынѣ покорно
¹
 иди бога в помощи вышняго радея,
 бориса за отчество храброснѣ имея,
 аще ж поможет тебе богъ врагом одолети,
 720 велию честь от мнѣ будешь ты имети,
 аз бо ты яко сына предпочту природно,
 великѣ санъ в государстве дам тебе свободно.

л. 31 об.

Отрокъ, поклонившись глаголет:

Готов, царю, истинно все сие творити,
 готов за тя и царство душу положить,
 725 иду твоим молением, о боже, крепсныи,
 буду со врагом драться храбро мужественны,
 точною повели мнѣ зброю силу дати,
 ею же бы могъ врагов силою победати.

Царь

Благодарю ты, друже, яко ты желаешь
 730 за отчество уирети, нас всех защищаешь,
 иди убо исполни азъ тебѣ глаголю,
 сам сынци зброю и коня тебе даю волю.

л. 32.

⟨Царьца⟩

о, владыко, щедротны, превечны, безлетны,
 ей, благодѣяния твои неищетны,
 735 ты помиловал нас в далекой пустынь,

¹ В рукописи одна строка пропущена.

² Между л. 31 и 23 недостает нескольких листов: утрачен конец 12 явления, 13 с, 14-о и нач. 15-го.

ты дал всизреченную нам утеху нынѣ,
 ты сохранил в пещера сына песьеденна,
 ты учинил царя быть от нас незабвенна,
 ты дал еси і сему отца днесь узрети,
 740 ты помогль еси лютых враговъ одолети,
 ты убо і нынѣ мя спаси недостойну,
 сподоби сию видѣть миѣ радость пристойну,
 сохрани, боже, сего мужа преизбранна,
 в его же доме с сыном всегда быт сохранна.

Князь *приходит і говорит:*

745 Что сие вопль вашъ услышах крепокъ вопиющих,
 Скажите, кая печаль случис вам здес суцим.

Сынъ

Не печал, отче, радость нынѣ мы познахомъ,
 ібо отца нам даря здраваго възскачомъ,
 аз придохъ мат мою чтоб привести в царство
 750 к царю в палестинское наше государство.
 л. 32 об. Прими убо дары за млюсть над нами,
 яко в домѣ жить допустит прибыти
 воистинну болѣе может заплатити.

Князь

О, друзи любезныя, се вас богъ прославил,
 755 воистинну вас сирих некогда ж оставил,
 нынѣ убо воскоре ко царю спешиге,
 с миром в путь вашъ нынѣ отидите,
 і аз васъ сам далеко проводивъ оставлю,
 пришедше же млюсть бога с торжеством прославлю.

Явление 16

Сядящу царю на престоле, при немъ четвѣре сенатори і два князя, два воина і сынъ, котораю воспитали ланца, приходамъ сынъ от царицы і скажетъ пришествие материно царю, ісходитъ на встрѣченіе царице і вводитъ царицу в полаты і весело торжествуютъ.

л. 33. Сынъ, *пришедши от царицы говорит:*

760 Поздравляю тя нынѣ, монархо могущи,
 всех стран палестинскихъ обладателъ суци,
 по твоему приказу сотворихъ сщастливо,

грамоту дах царице азъ твоей учтиво,
се уже близъ есть она двора государска,
765 грядет до лица твоего пресветлаго царска.

Царь встав с престола говорит:

Нынѣ, друзи любезные, грядите со мною,
весь силит государства забравше с собою,
изыдемъ в стретение царицы почтено,
дары давшѣ приведем ю сѣмо смиренно.

Тутъ поидутъ і царицу введутъ дети под руке сынове.

Царь же говоритъ:

770 Нынѣ вселюбезная велия нам радость,
печалъ уже обратися в вечную нам сладость.
Неповинныхъ оправда творецъ богъ превечны,
я уже матери моеѣ згибъ бесчеловечны,
оклевета невинныхъ вселюбезная мати,
775 дьяоломъ наученна, хотя язвю дати,
обаче богъ милостивъ і щедръ, глаголю,
не хочеть совершити ненавистныхъ волю,
сохрани мою царицу в далекой пустынь,
детей нашихъ всехъ купно в царство посла нынѣ,
780 единого от зперя сохрани невредна,
другаго же в покои воспитаваы бедна,
нынѣ во вся концы свѣта вострубите,
печаль велию в народѣ нашемъ істребите,
да вси сѣмо стекутся днесь с нами вѣтати,
785 і купно можемъ хвалу богови воздати,
яко царицу мою сохрани невредну,
радость вечную нынѣ дадите мнѣ бѣдну.

л. 33 об.

Сенаторъ 1

Почто, царю, медлиши, вскоре вели звати
всѣ народ сѣмо, будемъ вси торжествовати,
790 ібо вси от радости не можемъ терпети,
достойно есть всѣдушно хвалу богу пети.

Сенаторъ 2

л. 34.

Повели, царю, призвать с музы і кимвалы,
дабы повеселили царицу с печали.

Ца р ь

Азъ рекох вся сия вскоре сотворити,
795 пиршество здесь велие про нас учинити.

Потом к царице:

О благоразумная, другиня мнѣ чesва,
нынѣ твоя невишность вся мнѣ честь известна,
сядем убо і с нами купно веселимся,
всех благъ в моем царстве с тобой насладимся.

Ца р и ца

800 Истинно глаголешъ, о царю любезны,
радостныи мне суд нынѣ сия дни і слезны,
радостны, что царицей паки нарекохся,
печалны, что во многих бедах обретохся,
нышѣ убо о себе не могу стояти,
805 не могу все подробно тебе об'являти.
л. 34 об. Поидемъ токмо прощу в церковь бога днесъ хвалити,
да там его за радость можем облажити.

Сенаторъ 3

Повели, царю, скоро весь народ созвати
в церковь і там молитвы богу воздати.

Сенаторъ 4

810 Достойно воистинну днес бога хвалити,
яко сподоби радость сию получитьи.

Князь 1

Не мысли, царю, прежде слезно ти вещахом,
яко сия невишна страждет, ей, все знахом.

Князь 2

815 О колико горкая печал сокрушася,
человека, его же всю жизнь разрушася,
но милостивъ господь богъ, се зрим нынѣ ясно,
печал пленит, не радость, коль дѣло ужасно.

Ца р ь

л. 35. Пошлите убо нынѣ к священным соборам,
чтоб чрез дванадесят дней всегда быти звонам

20 і такъ, трубой будем возбуждати,
 чтобъ вси купно торжество тщалис провождати,
 мы же течем до церкви бога в песняхъ пети,
 подщимся вси о хвалѣ божией радети,
 яко онъ царство наше всегда защищастъ,
 825 приближитися враговъ к намъ недопускастъ.

І такошъ вземъ царицу за руку ісходитъ вонъ.

Явление 17

Поставлену столу среди театра, царь приходитъ изъ церкви съ царицею і детьми съ ними і четыре сенатора і сядутъ вси і будутъ веселитца.

Царь

л. 35 об.

Шныѣ днесъ веселися, днесъ радости полны,
 соберите семо музы намъ гласы доволны,
 да играютъ за радость в веселие наше,
 чтобъ не помнитъ печали, еще прежде баше.

Сенаторъ 1

830 Невозможно істинно печалъ не наполнить
 прежнюю, яже всемъ суще намъ наполнить,
 сеговавшимъ о нашей царице избранной,
 за правду прежде от насъ невинно избранной.

Царь к царице

835 Рцы нынѣ, любезная, какъ была в пустынь,
 како с чады спаслася, все повеждъ ми нынѣ.

Царица

Ахъ, ахъ, колъ есть печально то мнѣ вспоминати,
 аще вспомню, не могу і усть отверзати,
 страхъ, трепетъ і ужасъ тамъ всегда мнѣ баше,
 скорбь і болѣзнь і смерть со мною бо зряше,
 840 не имехъ часа радостна мнѣ тамъ ни едица,
 не помнихъ рожденного азъ с собою сына.

л. 36.

Царь

От горести презелной како претерпела,
 како смерти в толикихъ скорбехъ недоспела.

Сенаторъ 2

845 Что, царю, ізволите сие вспомнати,
не радость бо то может, но печал придати.

Сенатор 3

Днесь токмо за радость должно веселити
царицу, чтоб та печал могла всю забытьи.

Царь

Истинно глаголеши, о друзе любезны,
вся сян мнѣ словеса ваша суд полезны.

л. 36 об.

Налившие царнице подносятъ

850 В весели приими і испей, дражайша,
се тсѣѣ по печали радость есть сладчайша.

Царица

Не могу воистинну ничего вкусити,
ібо прежнѣи печали не могу забытьи.

Сенатор 4

855 Не лутше ли погулят в царски вергограды,
надеюсь, не будет ли лутчей нам отрады.

Царь, поднесши всем, потомъ вставши, к сенатором говорит:

Нынѣ скоро в приказех во всех возвестите,
Узников тамо сидящих скоро распустите,
мы же поидем в вертоград нашъ повеселится,
не можем ли ужъ тамо лутше насладится.

И тако поидут, а тут выходит одинъ.

л. 37.

Эпilogъ

Аще і медоточная уста красноречиваго тулия глаголють быть стихотворцы, обаче і сей бес погрешения в словах быти не можаше, тыя ж припоминают стихотворцы, яко суд некия іскуснейшия живописцы, которыя, аще іобразителном живописным шаром хартием глаголют, яко невозможно б признати, чтоб то іобразения было не живое, обаче ложно есть, ібо і те чисто іногда шаром красокъ, іногда ж кистию малююще, погрешивша, мы же, малоумные і неискус-

·няя суще, како можем бес погрешения вещь произвести в действие і во истину надѣмся, яко і на сем нашем сценическом оеатре пред'являюще действие сие, много посрамихомся, того ради вашего (л. 37 об.) благородного всепокорно просимъ собрания, да аще в чем либо погрешения напе узрили есте ли, милосерднымъ вашимъ разсуждениемъ покрыете, или яко болѣе сразу-мѣючи простити, утру же паки сиявшу сонцу, не яко презирающе, но яко наипаче научающи нас, аще богъ здравия ваша сохранит, невредно посетит .желаем.

<7320> году августа 1 дня начал учить
<де>тей, задатку взято 6 рублей 50 ко.

И. Г. БОГДАНОВА

Стихи XVIII века о рудокопном деле

В рукописи первой половины XVIII в.¹ с выгисненной подписью на корешке переплета: «Реляции и журналы и всякие викториальные издания» среди описаний фейерверков, иллюминаций и триумфальных ворот в честь празднования дней восшествий на престол и коронаций императриц Анны и Елисаветы, среди просктов медалей в честь побед над турками и разного рода политических и военных реляций оказалось шесть стихотворений, посвященных не таким «высоким» темам и не таким «великим» событиям.

Тематика этих стихов чужда привычным нам настроениям XVIII в. Это не победные гимны, не оды и не идиллические мелодии пастушков и пастушек. Не боги и не богоподобные люди герои их, а простые смертные— «рудокопцы», штейгеры, маркшейдеры. Мотивы их—вздымание земных недр для обнаружения подземных сокровищ и использования их в целях процветания государства.

Стихи писаны набело красивым почерком. Бумага голландская со щитом города Амстердама. Подписи нет, и имя автора не удалось разыскать. Даты также нет, но содержание их дает возможность почти точной датировки. Стихосложение тоническое. Ритмы и оформление типичны для стихотворения-песни XVIII в. Первое из стихотворений имеет заглавие: «Марш»,

¹ Архив Акад. Наук. Фонд 3. Опись 1. До весны 1931 г хранилась в Рук. отд. БАН под шифром 34.4.16. Ф. 492 лл. Переплет бумажный второй половины XVIII в. Состоит из отдельных рукописей, датированных 1734—1746 гг. и переплетенных вместе позднее. Бумага разная. Почерки также разные. Есть пометы: «ведомости для излания в печать». Некоторые статьи действительно были напечатаны в изданиях Академии Наук частью отдельными выпусками, частью в Санкт-Петербургских Ведомостях того времени. Вообще говоря, большинство материала, заключающегося в рукописи, предназначено было, повидимому, к печати. На некоторых листах остались даже следы от рук наборщиков. Рукопись несомненно принадлежала всегда Академии Наук.

соответствующее его лейтмотиву. Остальные — без названий. Одно обращено к музам, «позабывшим» горную науку, при посвящении им ее; три — в виде хоров, где действующим лицом является коллектив «Рудокопцев», от имени которого ведется речь. По всей вероятности, хоры сопровождалась музыкой, т. к. в одном из стихотворений после каждой строфы сделана приписка «сначала», показывающая, что строфа должна быть повторена.

Событием, вдохновившим автора к написанию стихов, был один из моментов в деятельности правительства имп. Анны в области горно-заводской государственной промышленности; причиной — оправдание и, быть может, даже возвелчание его в этом направлении.

Уже в Московии XVII в. хорошо понимали всю важность и значение горно-заводской промышленности, как одной из статей государственного хозяйства. Еще в 1628 г. правительством была снаряжена экспедиция в Черкасские города на Кавказ за серебром.¹ В 1632 г. основаны были первые водолейные заводы в Тульском и Каширском уездах,² правда частные, но позднее переходившие несколько раз в руки казны. В 1635 г. строились первые водолейные же медноплавильные казенные заводы на реке Калкарке, в области Камы, недалеко от Григоровой горы,³ в 1666 г. — государственные медноплавильные в Олонецком уезде у горы Фоймогубы.⁴

Хозяйственный подъем Московского государства чрезвычайно заметный с середины XVII в. выразился между прочим как в создании так и в росте новых горно-рудных промышленных предприятий. 70-е года этого столетия были охвачены прямо горячкой рудознатства и рудопоскательства. Руду всякую, драгоценные камни, жемчуг, слюду, рыбий зуб искали везде, по всему государству. Искали все — и правительство и частные предприниматели — всех сословий, — даже и духовного чину люди.⁵ В своих поисках заходили и в Сибирь и на Новую Землю и на Югорский Шар.⁶ XVIII век был лишь прямым продолжением и углублением деятельности XVII в. в этом направлении, принося с собою некоторую четкость и организованность, отсут-

¹ Бум. Гамеля. Столбцы 1628 г., касающиеся этой экспедиции. Археогр. комиссия. Прежде Рук. отд. Библиотеки Академии Наук (БАН).

² И. Гамель. Описание Тульского Оружейного Завода, М., 1826.

³ Актовые книги Преображенского Пыскорского м-ря. Археогр. комиссия. Прежде Рук. отд. БАН. 17. 10.25.

⁴ Приходо-расходные книги Олонецкого медного рудокопного сыску 70-х гг. XVII в. Бум. И. Гамеля, Археогр. комиссия. Прежде Рук. отд. БАН.

⁵ ДАИ, т. VI, с. 168.

⁶ ДАИ, т. V, с. 172—173.

ствовавшую раньше. В 1700 г. учрежден Приказ рудных дел для заведывания всеми делами горнозаводской промышленности, разбросанными доселе по разным приказам. В 1719 г. его сменила Берг-Коллегия. В указе, данном при учреждении ее Петром I говорилось: «Наше Российское Государство пред многими иными землями преизобилует и истребными металлами и минералами благословенно есть, которые до нынешнего времени без всякого прилежания исканы, паче же не так употреблены были, како принадлежит, тако что многая польза и прибыль, которой бы нам и подданным нашим из оного произойти мог, пренебрежен.... Сему пренебрежению главнейшая причина была частью, что наши подданные рудокopными делами и как со оною пользу государственную и всенародную произвести не разумели, частью же иждивения и трудов к оному приложить отважиться не хотели, опасаясь дабы некогда те заведенные рудокopные заводы, егда в них добрая прибыль будет от них заводчиков отняты не были».¹ Однако современная наука и новые материалы по истории русской горнозаводской промышленности говорят о том, что и труды и иждивение без опасения и с отвагой прилагались, но разума и опыта, конечно, не достаточно было. Были и другие объективные причины, в силу которых предприятия, возникнув, вдруг быстро исчезали, особенно если они носили государственный характер.

В целях наибольшего «разумения» дела в 1702 и 1704 гг. из России было отправлено в Саксонию 10 человек для изучения там горного искусства. Главные мастера и инженеры обычно у нас были иностранцы. Еще Борис Годунов в 1600 г. вместе с иностранцами врачами, сукопниками и другими специалистами приглашал в Московию и рудознатцев.² В 1719 г. управлявший тогда Олопецкими и Петровскими заводами Виллим де Геннин по поручению правительства ездил за границу — в Пруссию, Саксонию, Голландию, Францию и Англию для обозрения тамошних горных заводов и составления моделей и планов. А в 1720 г. особым манифестом призывались в Россию иностранцы, желающие заняться горнозаводским промыслом.³ В 1724 г. берг-советник В. Н. Татицев был отправлен в Швецию по секретным делам и между прочим для призыва мастеров, потребных к горным делам и изучении им самим постановки горнозаводского промысла

¹ Полн. собр. закон., т. V, № 3464.

² АИ., т. II, с. 31.

³ И. Герман. Историческое изображение Горного производства в Российской Империи, т. I, Екатеринбург, 1810, с. 26 — 27.

(Швеция тогда паравне с Саксонией славилась своим горным искусством). А в 1725 г. под наблюдение Татищева приехало несколько учеников из Адмиралтейской и Артиллерийской школ для обучения горнозаводскому делу на шведских заводах. В 1728 г. они возвратились из Швеции в Россию, и часть из них была отправлена на Уральские заводы.¹

Правительство Анны также весьма интересовалось горнозаводскою промышленностью, и, несмотря на свое всего лишь десятилетнее существование, не раз проводило реформы как в управлении так и в других вопросах, касающихся ее. В первый год новой власти 8 октября 1731 г. для большего увеличения государственных доходов Берг-Коллегия и Мануфактур-Коллегия были соединены с Коммерц-Коллегией в виде особых экспедиций ее. В 1733 г. работала особая комиссия по рассмотрению вопроса «каким образом к лучшему интересу быть может, на казенном ли коште содержать горные заводы или отдать их партикулярным людям и то одному или многим и на каких кондициях». Этот вопрос, не разрешенный в 1733 г., был поставлен опять в 1739 г. и решен в пользу передачи заводов охочим людям в компании. По настояниям барона Шемберга и Бирова едва ли Сибирские железные и Лапландские медные были оставлены за казной. Горное законодательство в это время много поработало также и над вопросом выгоды применения крепостного и вольнонаемного труда. Недостаток рабочих рук и особенно квалифицированных мастеров влекли за собою законодательные акты о закреплении за заводами мастеровых и о приписке к ним крестьян, а иногда и о временном закреплении за заводами лиц и некоторых других категорий. В 1736 г. Берг-Коллегия была уничтожена, и вместо нее учрежден Берг-Директориум, во главе которого стал вышесаншный из Саксонии барон Курт Шемберг,² пользовавшийся почти неограниченной властью.

¹ Горн. журн., 1828, т. I, с. 107.

² Первый генерал-берг-директор, прислал в Россию из Саксонии в 1736 г. В. Н. Татищев, большой враг Шемберга, оставленный им от управления Сибирскими и Уральскими заводами, в своем «Лексиконе»... (ч. I, с. 145.) говорит о нем следующее: «Берг-Директориум» учинено в 1736 г. вместо Берг-Коллегии, когда герцог Бироп познамерился оной великой государственной доход похитить, тогда он, призвав из Саксонии Шемберга, который хотя ни мало знания к содержанию таких великих казенных, а паче железных заводов не имел и нигде не видел, учинил его берг-директором с полною властью, частию подчиня Сенату... а тайный советник Татищев, которому все Сибирские заводы поручены были, письменно его худые поступки и незнание претестовал... но в 1742 г. как все оное уничтожено, Шемберг за похищение многой казны арестован, и учинена по прежнему Берг-Коллегия». В 1743 г. освобожденный после суда над ним, Шемберг был отослан обратно в Саксонию.

Интересовались и историческою стороною в развитии горной промышленности в России, вернее всего в практических целях применения этих познаний к современной им действительности знакомства со старыми местонахождениями рудников для следования по ним к открытию новых залежей. Так на приходорасходных книгах Олонецкого медного-рудокопного сыску 70-х гг. XVII в.¹ в виде помет и записей на них остались следы изучения их в XVIII в.

Для повышения квалификации горнорабочих при заводах устраивались школы, где обучались дети мастеровых и рабочих. В них учили читать, писать, арифметике, геометрии, русскому, немецкому и латинскому языкам. Сеть таких школ особенно умножилась во время управления Татищева Сибирскими и Уральскими горными заводами, куда он назначен был в 1734 г. после отставки В. де-Геннина.

В октябре 1736 г. первый генерал-берг-директор Шемберг разослал по всем губерниям, провинциям и воеводствам 17 пунктов о присылке из всех мест «описания имеющимся в оных горах и являющимся к рудокопному строению знакам и способностям». По штату Татищева 1737 г. насчитывалось всех заводов более 40 и предполагалось к открытию еще 36. Горнозаводская промышленность росла, захватывая все большие и наиболее отдаленные районы — Башкирские земли, Томский, Кузнецкий, Нерчинский и Иркутский уезды. В целях усиления кадров квалифицированных рабочих, В. Н. Татищев в 1735 г. предложил послать за границу нескольких уральских мастеровых. Но его предложение было отклонено правительством, а отказ мотивирован тем, что «принадлежащие к заводам мастера из Саксонии выписаны будут, при которых и оные ученики обучаться могут».

Саксонский обер-берг-гауптман барон Шемберг вместе с набранными им людьми отправился из Саксонии в Россию 1 марта 1736 г. Вот это событие — приезд саксонцев, знатоков горного дела, и послужило темой выше названных шести стихотворений, хотя саксонцы-горняки не раз уже служили знакомому им делу в России. Еще до 1736 г., начиная со времен Петра I, в Уральских горах работали бергмейстер Блюэр, призванный Петром в Россию в 1699 г., Георги, Валлер, Готфрид Генель, Берент, Куперц, Циммерман, берг-советник Михаэлис, живший в Соликамске с саксонскими штейгерами — Лангом, Корсом, Дрибелем, Беаром, Дервелем

¹ Археогр. комиссия, Собрание И. Гамеля. Прежде хранились в Рук. отд. БАН в том же собрании.

и др. Эти «горные» связи России с Саксонией нашли свое отображение в одном из вензелей Анны: в рукописном сочинении В. де Геннина о натуральных и минералиях в Сибирских горных и заводских дистриктах, написанном в 1734 г., на заглавном листе изображен двуглавый орел с вензелем Анны, поддерживаемый двумя берггауерами в саксонских горных мундирах.¹

Таким образом, год написания стихов устанавливается с совершенной точностью, т. е. 1736. Неизвестны только месяц и день прибытия саксонцев в Россию. Но это не могло быть позднее июля, так как в стихах есть памятки на победы русских над татарами и турками; крупная же победа, — взятие Азова Ласси, произошла 20 июня 1736 г. А в июле было окончательно решено назначение Шемберга бергдиректором. Возможно, что приезд в Россию саксонцев во главе с бароном Шембергом, человеком близким тогдашнему временщику Бирону, должен был быть обставлен торжественно, и во время торжеств были бы исполнены хоры в честь «великой» России и находившейся в дружеских отношениях с нею Саксонии. Возможно, что просто они написаны в угоду Бирону и в ознаменование его деятельности. Так или иначе они предназначены были к опубликованию в той или другой форме, и самое нахождение их в рукописи, исконо принадлежащей Академии Наук, и рядом с материалом, который действительно отдавался на печатный станок, говорит за это.

Но помимо уже отмеченных объективных моментов, в стихах есть еще особые штрихи, свидетельствующие о том, что сам автор их достаточно хорошо знал технику рудознательства, прекрасно понимал значение горной промышленности в государственном хозяйстве тогдашней крепостной России и любил горное дело. Характерно в этом отношении стихотворение, обращенное к музам. Надобно отметить и то, что стихи, написанные для прославления императрицы и временщика предложены от всего состава горных работников. На ряду с мастерами в них призываются петь «веселые горные песни» императрице и «нижние служители» — рабочие шахт. В парадной «оде» прикрыты противоречия классовых интересов, рабочие и мастера слиты в дружный коллектив, и закликающий перед придворной средой автор направляет этот коллектив на служение дворянскому крепостному государству, соединяя его в хвалебном ликующим хоре стихов.

¹ Горный Журн. 1828 г., кн. VII, с. 108. В. де Геннин — «Натуральни и минералии в Сибирских Горных и Заводских дистриктах»...

I

М а р ш

Ступайте, рудокопцы,
Принесите подземные дары.
Ступайте, работники, с топорами,
Пойдите и штейгеры с молотами.
Збирайтесь все вместе, веселитесь,
Играйте на музыке и пойте с всслаием.
Радость ваша объявляется,
Драгоценная руда открывается.
К чему и вы все скоро соберитесь.
Радуетесь единогласно и веселитесь

2

Растворись сокровеннос земное богатство,
Покажи нам сие желанное место,
Укажи, где слой и рудные жилы.
Принеси сокровище скрытое на свет.
Здесь лежит богатая руда золотая,
Серебряная чистая, черная и простая
Самородное серсбро ломится з довольством.
Растет и умножается всечасно.

3

Прочь! кто рудокопства славного не любит.
А хто ему склонен, те к нам поспешайте.
В Саксонии, или инде, где вы ни живете
И рудокопцам богатую подмогу даете.
Присылкой вспоможения своего не поздайте,
За что награждение богатое придет,
И в скором времсни все вам наградит,
Серебром, оловом, медью и железом,
Горным хрусталем, камнем драгоценным
И другим, в горах растущим богатством.

4

Беги, трудолюбивой, беги рудокопц
Спеши поскорсе на свою работу.

Ступайте все штейгеры со своими лозами;
 А и вы, ученики, прилежно работайте,
 Молоты и ломы смело подымайте.
 Смотрите! Новая жила под ногами,
 Ройте ломами и топорами.

5

Веселитесь! Уже глубокой ров выкопан
 И счастливо к концу приведен,
 С подземными темными ходами,
 В которых вам ходить смелыми ногами.
 Со всех сторон покрыт
 Короб на веревках свешен и совсем готов.
 Берите молоты, киянье и кирки,
 Употребляйте порох, ломы с топорами
 Опускайтесь искать жилы и слой.

6

Ступайте, горокопцы, по своим местам.
 Исправляйте прилежно определенную работу,
 Берите с собою ямные лампы;
 Обрубайте и камень, землю отделяйте.
 Штейгеру последуйте и на него смотрите
 И во всем свою должность исправно храните,
 Дабы вам опасности ни в чем не приключилось.

7

Все рудокопцы подите сюда!
 Слышите, что наплася богатая руда.
 И вы, нижние служители,
 Пойте веселые горные песни
 Всероссийской великой императрице,
 Которая в середине самой войны
 На вас милостиво презирает
 И к новому рудокопству
 Толь милосердо призывает.

8

Всепресветлейшая монархиня!
 С радостию мы все ныне прибегаем

И усердно желаем сокровищ в твоих землях искать,
 Которые твоим монаршим повелением
 И великодушием обретаются.

Радуйтесь, Россияне!

И признавайте з благодарением

Златое время

Анниной благополучной державы,

Которое она своею премудростию вводит.

Чего ради и вы веселитесь

И ей вместе с нами многих лет желайте.

II

1

Ступайте, горокопцы!

Оставя все дело и всю свою работу,

Постройтесь рядами и пойдем,

Куда счастье нас призывает,

И новую радость нам обещает.

Сначала

2

Пойдите с своими лампадами,

Где богатая руда растет.

Возведите очи,

И смотрите света,

Которой нам совершенное благополучие

И всякую милость обещает.

Сначала

3

Анна милостивым оком

На подземную работу презирает

И нас по нашему счастью милосердным

Своим повелением в твою землю призывает.

Все сияет

Все блистает

Похвалами в честь се воздух наполняется

Сначала

4

Спешите с подобострастием
 К целованию милостивой ее руки.
 Припадши к ногам императрицы
 З благоговением почитите.
 И все рудокопцы
 Песнь ей припесяте:
 Виват монархиня
 На многие лета!

Сначала.

III

1

Здравствуй. О! императрице!
 Всего Севера глава и корона!
 Счастье твоего престола
 Привлекает нас в Россию.
 Здравствуй. О! императрице!
 Дозволь твоим сынам
 В глубочайшей покорности донести:
 Твоя милость и милосердие
 Нас обрадовала и так увеселила,
 Что мы пришли в край Российска пределы
 Для рудокопного дела.
 И притом всенижайше просим
 Милостиво принять наше усердное желание.

2

Прими искреннее желание
 От твоих верных сынов
 Которые устами сие воспевают
 И истинным сердцем того ж желают.
 Прими искреннее желание
 Соизволь, о, монархиня,
 Сие всепокорное прошение,
 Которое мы твоему обыкновению
 И никакой должности
 Ныне приносим,
 И тебе оным возносим
 Милостиво услышать.

3

Прими всепокорное поздравление
 И возри, как во всех наших сердцах
 Кровь кипит и играет,
 Тем тебя благодарит и поздравляет.
 Все мы к ногам твоим припадаем
 И оные со всяким страхом лобызася
 И чрез то засвидетельствуем
 Известную тебе верность
 От твоих верных рабов,
 Которые внутрь земли
 Золота, серебра и свинца ищут,
 Прими усердное их поздравление.

4

Прими усердное поздравление!
 Мы желаем в верности пребыть
 И рудокопную работу усердно исправлять,
 Которая уже изобильно оказывается.
 Прими усердное поздравление!
 Приложим мы усердное старание
 Все по указу монархини исполнять.
 Смотрите, что счастье нам показывает
 И рудокопства в изобилии представляет,
 Ищите жилы, смотрите металлы
 Свинцу, меди, олова и железа.
 Новое горное пение
 Приложим к нашему усердному поздравлению.

5

Прими ныне усердное желание!
 Счастье должно тебе служить,
 Которое обыкновенно тебе повинуется,
 Турков и татар славно покаряет.
 Прими наше усердное поздравление!
 Небо свое благополучие на тебя да изливает,
 И оно ежедневыми источниками да умножит.
 Здравствуй на многие лета,
 Великая Россия, а притом и Саксония!
 Здравствуйте и всегда процветайте.

Сие, то есть наше рудокопное певие,
Прими наше, просим, усердное поздравление!

6

Прими сие усердное поздравление!
О небо, услыши и наше моление!
Да умножатся богатые металлы в России!
Прими от нас ревностное желание:
Да произнесут наши цехи
Желаемое сокровище серебра и золота.
Оказывайтесь, жилы, богатые скоро!
Мы твоего единого слова ожидаем
И с радостью в далечайшие места отъезжаем
И притом всепокорно просим:
Прими наше усердное желание.

IV

1

Ступайте, музы, к рудокопному собранию.
На вашем Парнасе у вас под ногами
Лежит Плутон с царством; всякие науки
И все, что вас в свете прославляет.
Оставьте нам, просим вас, музы, сию дерзость.
И ты, Аполлон, на нас не прогневайся,
Что рудокопцы так здесь веселятся
И вам своим певием всю горную науку посвящают.

2

Вы, все учителя, с любящими науки
И знающими, как всякой вещи
Циркулем и мерою предел положить
И оную всю измерять,
Для чего вы позабыли славную науку?
То есть рудокопство со всеми заводами,
От которого весь свет толь знатную пользу получает.

3

Она показывает своими инструментами
И хитро сочиненными горными весами,
Как глубоко руда опускается и сколько восходит,

Как без страха в землю опускаться
И без опасности в оной ходить.
Магнитом натертая игла
Через скорое свое обращение показывает часы
И исправное положение подземельных мест,
Хотя и подлинной тому причины поныне неизвестно.

4

Ежели по указанию магнитной стрелы
Найдется разных родов железная руда,
То употребляют рудокопный компас,
По которому все места измеряют,
А притом знаки и приметы описывают
И исчислением познавают,
Сколько сажень до фундаменту глубины.

5

С кущей работников, обессилев в яме упадет,
А другой жалким голосом кричит:
Маркшейдер, помоги, моей мочи нет!
Столнер отдушину на свет прорубает
Затем, что от духоты людям весьма трудно
А ежели что до разделения металлов касается,
В том маркшейдерская наука помогает.

6

Ежели пустая материя, чистую руду утесняет,
А в другом месте жила с жилюю сошлась,
Тем у компанейщиков слои помешает
И в соседнее участие войдет,
То велят маркшейдера позвать,
Которой каждого земель з дачею размерит,
Границы и знаки наверху учреждает.

7

Ежели божиим благословением
После расходов есть знатная прибыль,
И цехи в полном состоянии будут,
Тогда маркшейдерское искусство познавается,
Ибо по наружным граням и знакам узнавают,

Из которого места наибольшего богатства ожидать
И из глубочайших мест серебро и золото получать.

8

Что с великим трудом
И явным страхом едва видеть можно,
Сие наукою легко описать
И с великим удивлением рассуждать,
Что человек под землею, в толь темных проходах,
Инструментом все делает, пути и ямы все знает.

9

В земле родящийся магнит
И тем намазанное железо
Показывает часы, дороги и копани
И маркшейдеру вместо компаса служит.
Хотя шипер и рудокопец
Оба по компасу ходят,
Однако мореходец и с компасом
Часто дорогу теряет, а рудокопец всегда
Путь свой по нем знает.

10

Того ради сие художество в веки да процветает,
А весь свет великую Анну да прославляет,
Которая рудокопство в цветущее состояние приводит,
Милость и благословение божие оные компасом да будет,
Которой ее с победами чрез восток проводит
Дабы ее славным оружием
Турки и Татары были побежденны,
А российская слава умножалась.

V

1

Веселись радостный хор!
Императрица тебя производит.

2

Радуйся при сем счастье.
При милости Анны в твоём благополучии.

3

Великая государыня императрица,
Прими наше усердное поздравление.

4

Воззри! Как руды указующая лоза действует
И наше дело пред тобою благополучным творит.

5

Мы ныне с радостью к своему делу идем
И по твоему повелению руды искать будем.

6

Твое милостивое слово всех нас ободряет
И к неутомленным трудам поощряет.

7

Твой орел летит пред нами,
Указывает нам дорогу к рудам и металлам.

8

Серебро уже чистое скоро поспекает
И твой образ на монетах свету объявляет.

9

Тобою рудокopное дело в совершенство приходит
И богатство России явное приносит.

10

От неприятеля ты многую добычу присовокупила,
А ныне желаем, чтоб от рудокopства
Большую пользу получила.

11

О чем уже рудокopной весь хор веселится
И тебе с радостью здравия желает.

VI

1

Здравствуй многолетно,
 Августейшая монархия!
 Сего тебе горокопцы искренно желают.
 Только бы бог твое здравие умножил.
 А уже его благословение и польза от рудокопства
 Богатая будет.

Твоя милостивая десница
 Подает нам силу,
 Прилежание и бодрость к работе.

2

Твое милостивое повеление нас в Россию привлекло
 Для взыскания земных сокровищ.
 То наше благожелательство и искренняя ревность
 С неунынным тщанием и прилежанием
 Всегда стараться будут,
 Дабы и в Российском государстве,
 Подобно кедром Ливанским,
 Рудокопное счастье богатством
 Всегда процветало.
 Удостою, всепресветлейшая государыня, нас твоим указом,
 Куды нам ехать, землею или морем?
 Мы готовы идти в горы и вертепы,
 Желаем искать внутрь земли сокровищ.
 Посылай, куда изволишь; мы всюды готовы,
 Твоего только повеления и воли ожидаем
 И тебе с радостью много лет желаем.

99 $\frac{21}{32}$

3
45

Цена 5 руб.